

18+

НАТАЛЬЯ БОГРАНД

Сказки бабушки Параски

ЯРМАРКА В КРУТОЯРАХ

Наталья Богранд

**Сказки бабушки Параски.
Ярмарка в Крутоярах**

«Издательские решения»

Богранд Н.

Сказки бабушки Параски. Ярмарка в Крутоярах / Н. Богранд —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852705-0

События сказок бабушки Параски разворачиваются во второй половине 19 века и описывают один календарный год из жизни жителей маленького городка Посад. «Ярмарка в крутоярах» — это первая сказка из цикла, знакомящая читателя с героями и описывающая их приключения во время путешествия на ярмарку...

ISBN 978-5-44-852705-0

© Богранд Н.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	144
-----------------------------------	-----

Сказки бабушки Параски Ярмарка в Крутоях

Наталья Богранд

Редактор Андрей Константинович Сергеев

Художник Борис Михайлович Кустодиев

© Наталья Богранд, 2017

ISBN 978-5-4485-2705-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

*Чуть потеснивши повседневность,
Я приглашаю Вас не в древность,
Но в век, ушедший безвозвратно,
Где исто, искренне, понятно
На русском языке великом
В ряду народов многоликом,
Общаясь вольно и фривольно,
Средь будней, праздников, застолий,
Да с хлесткостью под стать картечи,
(Ах, как милы такие речи!)
Великороссы наши жили.
Шутили, ссорились, любили,
Боясь греха и веря в чудо,
(А чудаков полно средь люда)
Былой эпохи россияне.
И зачастую не по пьяне
Томилась пылкая душа,
Горячность ленью приглуша,
В недоуменье: – Что за участь?
Бесед медовая тягучесть
Была отравой и отрадой,
Бичом извечным и наградой
С ядрёной русской закваской.
Хочу побаловать Вас сказкой.
Их у меня всего пятнадцать.
В них строчки есть, чтоб посмеяться,
Взгрустнуть о прошлом, помечтать,
На ус мыслишку намотать
Без бремени нравоученья.
Для радости, для развлечения,
В кругу героев год вращаясь,
К неспешной жизни приобщаясь*

*И не судя их за пороки,
Я извлекла свои уроки,
Чуть словоблудием греша,
В прелюдию впахнуть спеша,
За малым – значимо и много.
Себя одёргивая строго,
Досадливость предвосхитив,
Подавши как аперитив,
Замысловатое вступленье,
Дарю, друзья, во искупленье
Легчайшие для чтения сказки.
Не пожалею цветистой краски
Для облачения мечты,
Переношу их на листы
Совместно с былью стилизованной,
Играясь прозой зарифмованной,
Слог просторечья предпочтя.
Вы убедитесь в том, прочтя,
Узрев замашку на фольклор.
Прошу не ставить мне в укор
Мечтаний дерзкую попытку.
Всего лишь приоткрыв калитку,
Страшусь ступить в тот дивный сад.
И если зелен виноград
Пусть это сорт, но не незрелость.
Позволив крохотную смелость
Предать творения огласке,
Зову Вас в омут доброй сказки.
Но не в утеху деткам малым,
Их мамам, добрым и усталым,
Их папам, умным и учёным,
И, «телемылом» увлечённым,
Их бабушкам весьма почтенным,
А также дедушкам степенным,
Чтоб души словом взвеселить,
Чтоб настроенье исцелить,
Чтоб слух взлелеять услажденьем.
Без чертовни, без наважденья
Неспешный свой рассказ веду я,
Притом совсем не претендуя
На историческую точность.
Но заявляю правомочность
С действительностью поиграть:
Слегка украсить, чуть приврать,
Чуть подровнять, чтоб заблестало,
Картинкой сказочной предстало
Других времён сердцебиенье,
Очарованье, откровенье.
Сей лоск фантазией зову,*

*А потому, как наяву,
Создав и заселив Посад,
Смешав все жанры, как салат,
Жду Вас на пиршество радушно.
Надеюсь, Вам не будет скучно.
Вас не унизит грубый мат,
А терпкий вкус и аромат
Переперчённых выражений
Не могут вызвать раздражений
Лингвиста гневную волну.
Так говорили в старину.
Попутно славу я воздам
Российским малым городам,
С провинциальным восхищеньем,
Делясь приятным ощущеньем
От погруженья в прежний быт,
Что так безжалостно забыт.
Нежнó порханье суесловья,
Как будто ангел в изголовье
Спустил божественный туман.
Как сладок призрачный обман!
Пикантных тем легко касанье,
И если текста провисанье,
Не укоряйте за разлив,
Ведь мой народец говорлив.
Итак, друзья, прошу на пир
В мой чудный параллельный мир,
В хитросплетенья и приманки
Неутомимой графоманки.
Желаю счастья и здоровья!
С любовью, бабушка Прасковья.*

* * *

Была вторая, самая что ни на есть благодатная половина лета. Городок Посад, прогретый и избалованный длительным теплом, утопал в зелени кустистых палисадников.

В огородах всё так и пёрло, и местные хозяйюшки уж притомились собирать да засаливать огурцы, которых уродилось особенно много. Повстречавшись на базаре или у церкви, они нарочито сокрушались о столь небывалом урожае, будто боясь его сглазить.

– И куды их уродилось?

Вот, кума, скажи на милость,

Все давно забиты кадки,

А их столь ишо на грядке!

– В чём печаль, что вон их скоко?

У зимы брюшко широко!

Как родимая придёт,

Все припасы украдёт.

– Подметёт их подчистую,

Будем зрить на клеть пустую!

– Вот и радуйся вперёд,

Что такой обильный год.

Только кадки нагружай!

Урожай не распужай!

Но не все посадские сударушки «жаловались» на столь обильный урожай огурцов. Многих это вообще не интересовало. Так жены местных хозяев ремесленных мастерских больше были озабочены отъездом мужей на ярмарку, хотя и среди них находились такие, кто радовался этому обстоятельству.

Три подружки, а также и родственницы, Нонья, Милистина и Елартия, гуляя по базару, обсуждали свои дела и, надо сказать, тоже не шепотом.

Нонья радовалась отъезду супруга и возникающей в связи с этим возможностью беспрепятственно целыми днями гостить у знакомых и подруг, а также принимать дома любую дамскую компанию. Елартия уже привыкла к постоянным разъездам мужа-коммерсанта и никак не проявляла своего отношения к очередной отлучке супруга. И, наконец, Милистина, сестра Елартии и сватья Ноньи, завидовала обеим, ибо её муж, булочник Епихон, как всегда, оставался на месте.

Нонья: Мой-то ноне укатил!

Милистина: Сам один что ль?

Нонья: Прихватил

И работника с собой.

Слава Богу! Тот, рябой,

За доносчика при нём.

Никуда не выйди днём —

Всё доложит, окаянный.

Выслужиться больно рьяный.

Милистина: До чего дослужится?

Морем станет лужица?

Вряд ли! Раньше пересохнет.

Мой-то вон сидит, не охнет.

И меня не вывозил.

Елартия: Мой вчера товар сгрузил

И уехал поутру.

Я привыкла. Не помру!

Нонья: Слышь, ко мне теперь айда!

Стоящие поблизости две другие посадские жительницы, сёстры Северина и Ставрона, невольно услышали разговор предыдущих дам, и, брезгливо сморщив носики, пошли в сторону, в душе досадуя и в то же время сетуя на то, что их мужьям, к сожалению, не с чем поехать на ярмарку, а вслух осудили «счастливиц».

Северина: Расплетут щас невода

Да понаплетут сетей!

Что поделать, «плести невода и сети», то есть попросту сплетничать, было любимейшим времяпрепровождением местных сударынь.

Ставрона: Говорят, опять Ефтей

В колбасу пихал конину.

Прогуливаясь, сёстры поравнялись с мясной лавки Ефтея и не могли удержаться, чтобы не пройти завистливым скребком по этому «богатею».

Северина: Да ты чё? Мабуть свинину?

А конину-то отколь?

Ставрона: А ты знаешь ноне сколь

У князей лошадок пало?

Та конина что ль пропала?

Кто их взял к уничтоженью,

Чтоб не стало зараженью

Подвергаться всё вокруг?

Кто князьям не сват, так друг?

Северина: Кто?

Ставрона: Конечно же Ефтей.

Потому и богатеи!

Родились сёстры в княжеской усадьбе Свистуновке, и во времена их раннего дворового холопского детства у хозяев был не только отличный выезд, но достаточно племенных лошадок и отборных скакунов. Однако с той поры всё в стране поменялось и усадьба потеряла былой лоск. Может поэтому на всю жизнь обе сестрицы сохранили зависть и нелюбовь к княжескому семейству и получали истинное удовольствие от того, что бывшие хозяева утратили не только крепостных, но и прежний достаток.

И если Северина и Ставрона считали себя обделёнными судьбой, так как их мужьям не с чем было податься на ярмарку, то шествующие мимо вдовы Марёфа и Евлоха сокрушались, что ярмарка проходит не в Посаде, а где-то далеко у чёрта на куличках. Ведь сколько приличных мужчин могло бы понаехать со всей округи и из дальнего далека, если бы ярмарка проводилась именно здесь. И, как знать, возможно, в их числе оказались бы вдовцы, достойные внимания почтенных вдовушек, перешагнувших возраст «ягодок», но не разменявших «полсотенку».

Евлоха: Ярмарка в такой дали —

На другом краю земли!

Чё бы к нам не перевести?

Марёфа: Там местечко — не Бог весть!

Наш-то город, чай, не хуже.

Евлоха: Наш пошире! Ихний уже.

Марёфа: И пошто туды влепили?

Евлоха: Власть, как видно, подкупили!

Всем известно, в кабинет

Нос не сунешь без монет.

А тут — ярмарку схапужь!

Марёфа: Тихо влезли, без пампуш¹,

Только хрустнули деньжонкой.

Евлоха: Энто Пронтий едет с жёнкой?

Расфуфырились, гляди-ка!

Марёфа: Дак на ярмарку, поди-ка!

Евлоха: Повезло ему, иуде:

Через жёнку вышел в люди.

Как себя он возомнил!

Марёфа: Да, невесту отстранил,

А на вдовушку польстился.

Очень пышно уместился

И теперь живёт не мрачно.

Евлоха: Жёнка выглядит невзрачно,

¹ Пампуши — мягкие домашние туфли.

Хоть и шляпка колесом.

Марефа: С падали толстеет сом!

Евлоха: Глянь чё, едет свеж и горд.

Был «вертун», а щас – как лорд!

Вон как важно разъезжает.

Пока Пронтий был «вертуном», то есть слугой на побегушках в зажиточном посадском семействе, никто не обращал на него ни малейшего внимания, но стоило бедняге жениться на овдовевшей хозяйке, как местные вдовушки разобиделись на красавца, считая, что тот избрал для женитьбы не самый лучший вариант.

Марефа: Дак супруга наряжает,

Чтоб самой им погордиться.

Евлоха: Ей-то чё? Ему стыдиться!

Кто девицу обманул,

Когда к вдовушке прильнул?

А она уж платье шила.

Марефа: Ну, выходит, поспешила!

Не спеши на сеновал,

Коли замуж не позвал!

Местный богомаз Бондий, засматриваясь на необъятные формы проплывавшей мимо Марефы, рассказывал заезжему крестьянину о премудростях иконописи.

Бондий: Образ пишется без лоска,

Без теней, оттенков – плоско.

В нём существенны глаза.

Посмотри на образа —

Все глазами говорят.

Поворот в душе творят

Краски сочной чистоты.

Расспрошал не просто ж ты,

А с какой-то целью что ль?

Крестьянин: Цель моя – печаль и боль.

Сын мой вырос, возмужал.

Я об нём мечту держал,

Что крестьянин выйдет справный.

А он будто мне не равный:

Всё рисует ангелов.

И ведь не пустоголов:

Понимает, что крестьянство —

Сытой жизни постоянство.

Ты при храме вон ютишься,

Дак, поди, весь год постишься?

Ты ему бы подсказал,

Чтоб в твой хлеб он не влезал.

Как только вдовушки прошествовали мимо беседующих, Евлоха зашептала Марефе.

Евлоха: Твой-то, твой-то!

Марефа: Мой? Да ну!

Евлоха: Глянь, опять пустил слюну.

Марефа категорически не желала замечать заинтересованные взгляды богомаза, когда тот пялился на её более чем роскошные формы и объёмы с тем жадным неприкрытым вос-

хищением художника, углядевшего достойную кисти натуру, однако никогда не пытавшегося заговорить с понравившейся дамой, а, тем более, приударить за ней.

Марефа: Сдался он с его слюной!

Мне неплохо жить одной.

Евлоха: Ох-хо-хо! А мне как плохо!

Марефа: Забирай его, Евлоха.

Вдовушки отправились в аптеку испить «кофию», а крестьянин продолжал жаловаться Бондию на непутёвого сына.

Крестьянин: Ведь ничем не сбить с тропы!

Говорю: «Иди в попы!»

Всё ж завиднее доход.

А когда большой приход,

То деньга течёт ручьём.

Уродился ж дурачём!

Ты-то сам собой доволен?

Бондий: Я доволен тем, что волен.

Крестьянин: И крестьянству дали волю.

Нет, я сыну не позволю

Эдак жизнь спустить с откоса.

После третьего покоса,

Запихну его в артель.

Те артельно канитель

Вытряхнут из молодца.

Помянёт ишо отца

И соскучится по вспашке

Да по окрикам папашки.

Бондий: Мож сподоблен высшей силой?

Крестьянин: Да, навозец черпать вилой,

А не дом углём марать.

Стены щас – не отодрать:

Всё в рисунках, как в соборе!

Рисовал бы на заборе —

Я бы слова не сказал.

Бондий: Ты б мальчика не истязал,

А в учение отправил.

Крестьянин: Нет уж, это против правил.

Только-только открестились,

За земельку ухватились,

А теперь, выходит, брось

И живи обратно врозь?

Крестьянин оглянулся в сторону, где оставил свою конягу с сидящим в телеге сыном.

Крестьянин: А когда сынок родился,

Я аж плакал – так гордился!

Думал, спорчен я совсем.

У меня ведь дочек семь,

А тут – на тебе: сынок!

А теперь – пинок меж ног!

Взвоешь, скорчишься дугой.

Весь в меня, а как изгой!

Но Посад бы не был Посадам, если, пройдя хотя бы малую часть этого премилого городка, прохожий не наткнулся бы на какую-нибудь шумную семейную свару или соседскую ссору, оглашающую неширокие улочки уездной столицы истошными криками и причитаниями.

Сын крестьянина, беседующего с богомазом, парнишка лет шестнадцати, сидя в деревенской телеге, вертел головой, рассматривая базарные лавки, центр главной улицы и стоящий на ней красивый дом с узорными резными наличниками, фигурным коньком и прочими штучками деревянного зодчества. Это был дом мебельщика Дроны, лично изукрашенный хозяином всевозможными декоративными элементами.

Художественная натура деревенского мечтателя дрогнула при виде такого великолепия, однако он был отвлечён от любования «шедевром» и возвращён из мечтательной истомы в грубую действительность нарастающим по звучанию разговором двух рассерженных горожанок. Это были две сударыни средних лет, одетые не так нарядно, как предыдущие дамы, но достаточно опрятно и на городской фасон. Парнишке же казалось, что все горожанки без исключения разодеты в пух и прах. Сударыни оказались соседками, а встретившись возле базара, нашли тему для взаимного недовольства.

Первая соседка: Я не просто так стенаю!

Псину вашу что ль не знаю?

Вторая соседка: Ты, соседка, не клепи!

Наш Полкашка на цепи.

Первая соседка: На цепи, да не всегда!

Вторая соседка: Да, сбегает иногда.

К вам во двор бы кто впустил?

Он до сучки зачастил.

А чтоб пакость, да разбой —

Не случилось, Бог с тобой!

Первая соседка: Твой, конечно, кобельёк!

Сытный вкус его привлёк.

Проходившая мимо ещё одна посадская матрона Тимо́ния поняла суть ссоры двух сударынь следующим образом: видимо, муж одной из них, кобель, как и все мужчины на свете, похаживал к другой соседке, на чём и был прихвачен. Тимония очень «порадовалась» за обеих горожанок и за себя лично, что раньше других услышала такую потрясающую новость, причём из первоисточника, и ей немедленно захотелось поделиться этой занимательной вестью с целым светом или хотя бы с выходящей из лавки Феногеей.

Тимония: Феня, стой-ка, погоди!

На тех клушек погляди.

Там петух двоих уж топчет,

А супруга и не ропчет.

А соседки тем временем продолжали пока ещё не очень громкую перебранку.

Первая соседка: Твой кобель надысь попался:

Под забор наш подкопался,

Спёр кусок баранины.

Вторая соседка: То-то он израненный,

Чуть живой приполз домой!

Еле подняли с кумой.

Ухо в ключья, бок весь рваный!

Первая соседка: Дак, видать, к другим незванный

Заявился гостевать!

Вторая соседка: Ну дак чё ж собаку рвать?

Чем его ты колотила?

Первая соседка: Я его хоть прихватила,

А чтоб бить! Да Бог с тобой!

Кобелился мож гурьбой,

Да погрызли те собратья.

Вторая соседка: Не сама ль ты?

Первая соседка: Стану врать я!

Я вскричала, муж шугнул.

Кобелишка сиганул

В энту дырку под забором.

Вторая соседка: Слышала, орали хором,

Как я вешала бельё.

Вся родня у вас – жульё!

Первая соседка: А твоя родня – бирюк,

Проходимец да байстрюк.

И бельишко с желтизной.

Вторая соседка: Ну дак лето, пыль да зной.

Вот желтинкой примаралось.

Первая соседка: Видно, так оно стиралось!

А все дочки у свекровки

С малолетства красят бровки.

Вторая соседка: Прямо!

Первая соседка: Золовки все беспутны.

Женщине было абсолютно наплевать, что говорят и думают о её золовках, и в другое время она и сама бы с удовольствием посудачила о разлюбленных сёстрах супруга, но не сейчас.

Вторая соседка: А твои окошки мутны.

Стёклушки в пыли, в разводе,

Мылись в позапрошлом годе

Али раньше до того.

В них не видно ничего!

Первая соседка: Ну и ладно, не глазей.

А мужик твой, ротозей,

Он на всех глядит с охоткой.

Вторая соседка: Над твоей он ржёт походкой,

Что ты ходишь, спотыкаясь,

Да во все углы втыкаясь.

Ссора приближалась к опасной стадии перехода к действиям. Вторая соседка так горячо возражала первой, что брызги слюны полетели в оппонентку, обильно осыпав её лицо мелкой радужной пылью.

Первая соседка: Заплевала всю, глянь! Фу!

На тебе ответно – тьфу!

Вторая соседка: Ты чего взялась плевать?

Первая соседка: Мне прикажешь целоваться?

Вторая соседка: Я тебе щас поплююсь!

Первая соседка: Наплевать мне! Не боюсь.

Соседки взялись плевать друг в дружку, причмокивая и втягивая щёки, силясь собрать побольше слюны. Но настоящих плевков не получалось, ибо до этого сударыни уже достаточно погорячились, и во рту у обеих пересохло. Да и день выдался знойным. Конфликт был разрешён вмешательством вышедшей на крики величественной старухи Микулины – бабки мебельщика Дроны.

Микулина: Бабоньки, кончайте вой!

Вон идёт городской,

Дак обеих и прихватит.

У него силёнок хватит!

Он не делает поблажку:

Цап-царап – и в каталажку!

Не пора ль вам разбежаться?

Первая соседка: Мы не думали сражаться.

Вторая соседка: Так, повздорили слегка,

Но не дёрнулась рука

Потянуться до косицы.

Микулина: А заплеванные ситцы?

Что ль сорока пошутила,

Пролетая, окатила?

Другой, уже домашний скандалец, вспыхнул подальше от центральной площади в одном из переулков. Конфликт, возникший между молодыми супругами возрастом лет тридцати, был погорячее и можно было уверенно предсказать, что он вряд ли ограничится одними плевками. А вся эта семейная дразня происходила из-за того, что муж наотрез отказался взять жену с собой на ярмарку в Крутояры. Высказав своё решительное «нет», муж с невозмутимой деловитостью принялся грузить на телегу какие-то бочонки и короба. Супруга, не смирившись с приказом мужа отстать от него и заниматься домашними делами, собрала целый узел нарядов и демонстративно уложила в телегу. Однако супруг выкинул узел на крыльцо. Тут же началась громкая ссора с взаимными обвинениями, претензиями и оскорбительными намёками.

Муж: Ну и ты не из бояр!

Жена: Одного до Крутояр

Не пушшу! Меня бери!

Муж: Чё пристала? Не ори!

Вот прям щас и разбежался!

Жена: Не пушшу!

Супруга схватила жердину, которой подпиралась верёвка для сушки белья, и стала размахивать ей, пытаясь не подпустить мужа к телеге.

Муж: Не испужался!

Мне лошадку лишь запрячь.

Муж ухватился за жердь с другой стороны и начал её крутить. Победила мужская сила. Однако жена не успокоилась и, подхватив свой узел, снова попыталась пробиться к телеге.

Муж: И задок свой не корячь,

Коль сказал, что не возьму.

А что кум берёт куму,

То ему же будет хуже.

Жена: А-а, кума всегда при муже!

Муж: Не завидую ему,

Так как знаю ту куму.

Ты зазря, милаха, хнычешь.

Ничего, подомовничишь!

Жена: Я собака что ль цепная?

Муж: Дак зверушка что ль степная?

Собери мне узелок.

Жена: Фигу в нос тебе, милоч!

Собирай котомку сам.

Переругиваясь с женой, мужчина, между тем, ловко запрягал лошадь.

Муж: Ох, пройдуся по телесам

Я вожжицею, жена!

Чем ты так раздражена?

Много ль радости в поездке?

Да на данном-то отрезке

Путь вообще однообразен.

И каприз твой несуразен!

Я ж не прохлаждаться еду.

Ворочусь, поди-ка, в среду...

Жена: Аль попозже дней на десять!

Две недели куролесить

Не впервой тебе, милоч!

Муж: Дак за то уж выдран клочок:

Во – плешинка в полмакушки!

Жена: Чай, к какой-то потаскушке

Снова рвёшься погулять?

Чтоб издохла эта...

Муж: Глядь,

Потаскушку приплела!

Прямча год меня ждала

Потаскушка у окошка!

Жена: Волчьей ягоды лукошко

Припасла я для неё.

Муж: Развесёлое житьё!

Отравить меня решила?

Ты б, милаха, не грешила!

Лучше слазь-ка в погребок.

Жена: Сам корячься, голубок!

Муж: Сам, так сам! Придётся лезть.

Вот она супружья месть!

Без тебя дела управлю,

Но за то тебя оставлю

Без подарка, так и знай!

Даже не напоминай!

Так как рассерженная супруга не собиралась готовить мужа в дорогу, а тем более спускаться в погреб за какой-то снедью и самогоном, мужу пришлось самому позаботиться и о дорожном перекусе, и о выпивке. Как только муж спустился в погреб, вырытый в углу двора в виде землянки, жена заперла дверь на завору – толстый тяжёлый брус.

Муж: Эй, зачем ты дверь закрыла?

Погоди, начищу рыло!

Ну-ка быстро отопри!

Такие посулы ничуть не смущили исходившую гневом женищину. Видимо, она была женой «неучёной», и супруг дальше обещаний никогда не заходил.

Жена: Посиди там, поори!

Муж: Ты, жена, в своём уме?

Жена: Потомись, милоч, в тюрьме!

Муж: Отворяй же! Захлестну!

Жена: Чёботы ополосну!

Прям спешу и падаю!

Щас тебя порадую:

Бушь сидеть до исправленья!

Муж: Боже, светопреставленье!

Не боишься наказанья?

Ведь дойду до истязанья!

Жена: Наплевать!

Муж: И на вожжу?

Жена: Я ружжо щас заряжу,

Буду конвоировать,

Буду контролировать

Всю твою, милоч, поездку.

Муж: Не боишься, что в отместку

Я скорее загуляю?

Жена: Я без промаха стреляю.

С детства батюшка учил.

Муж: Чтоб чиряк с кулак вскочил

У него на заднем месте!

Жена: Вот как думаешь о тесте?

Вон чё ты ему желаешь?

Щас иначе забазлаешь.

Дверь погреба ходила ходуном, но не поддавалась яростному натиску «узника», долбившегося в неё плечом, боком и чем придётся. Тем временем жена, абсолютно не обращая внимание на требовательный стук и угрозы мужа покарать её телесно, решительно вошла в дом, сняла со стены ружьё и принялась его заряжать, управляясь споро и умело, как заправский опытный охотник. Её свекровь, невысокая худенька старушка, со страхом и оторопью следила за действиями снохи. По той хваткой решительности, с которой сноха обращалась с оружием, и по робости свекрови было件нятно, кто из женицин является полновластной хозяйкой в доме. С ружьём наперевес жена подошла к погребу и убрала завору.

Жена: Выходи теперь, милоч!

Увидев наставленное на него ружьё, ошарашенный муж осторожно выбрался из погреба, забыв взять то, ради чего туда спулся.

Жена: Подбери мой узелок

И в телегу уложи.

Пришлось подчиниться! Как тут поспоришь, когда тебе в грудь смотрит дуло ружья?

Жена: А теперь опять скажи,

Еду я с тобой аль нет

И сколь выделишь монет

На подарки для жены?

Появившаяся на крыльчке свекровь, отвлекла женицину от супруга, что дало ему возможность вцепиться в дуло. Началась борьба за владение оружием.

Муж: Самой мизерной цены!

Отпусти же, ухвачу

И с руками откручу!

Муж уже почти выкрутил ружьё из цепких рук супруги, когда ладонь его внезапно соскользнула к прикладу, зацепив и дёрнув курок, в результате чего прогремел выстрел. Пуля попала в стоящий в телеге бочонок с маслом. Масло даже не успело засочиться из образовав-

шейся пробоины, как случилась другая беда: испугавшись выстрела, лошадь ошалело дёрнулась в сторону, завалив телегу на бок, причём со всем грузом. Оторопевшие супруги, выронив ружьё, безмолвно смотрели, как узел с дамскими нарядами заливается маслом и ещё какими-то тягучими жидкостями, малинового, фиолетового и сочно-бордового цвета, вытекающими из перевёрнутых и раскрывшихся бочонков. Многоцветье этих потоков указывало, что мочёных в сиропе ягод и всякого варенья хозяйки в этом году уже успели наготовить. Напуганная свекровь, крестясь трясущейся иссушенной рукой, причитала на крылечке.

Свекровь: Чё творят-то нечестивцы!

Постреляются паршивцы.

Господи, не допусти,

Подлых иродов прости!

Сосед Дробогор с хмурой беспристрастностью наблюдал за происходящим из окна мансарды своего дома. Так как окно было приоткрыто, причина скандала была слышна в мельчайших деталях.

Дробогор тоже готовился на ярмарку, но не столько с продажей или за покупками, сколько по другой весьма деликатной причине. Дело в том, что его дочь Вассиана всё никак не могла выйти замуж и уже переходила в устойчивый возраст старой девы. Неизвестно почему, но девице постоянно не везло в любви и устройстве семейной жизни.

Конечно, женихи у Вассианы периодически появлялись, но потом почему-то исчезали. Так у несчастной барышни расстроились уже две свадьбы.

После первой неудачи по Посаду поползли сплетни, что с невестой что-то не то. А когда сорвалась и вторая свадьба, слухи стали ещё более досужими и навязчивыми, характеризующими вполне приличную девицу не с лучшей стороны по части морального облика. А вскоре последний жених Вассианы, внезапно отказавшийся от женитьбы, утонул, после чего стали поговаривать, что это Дробогор с сыновьями порешили несостоявшегося зятя. Полиция занималась этим делом и выяснила, что родственники бывшей невесты не были причастны к данной трагедии, так как находились в других местах, но закрыть рты судачащим кумушкам было не так-то просто.

Та же Нонья, обговорив печальное происшествие со сватьей Милистиной в булочной Епихона, вернувшись домой, взялась убеждать мужа Милована, что в этой мутной истории не обошлось без участия Дробогора, категорически настаивая, что, якобы, это отец расправился с подлым женишком.

Нонья: Сбёг до свадьбы – митькой звали!

Мать с отцом загоревали:

Дочка бьётся, крик да вой —

Впору в омут головой.

Это точно сделал Дрббк!

Милован: Вон куды вильнула тропка!

Ты свидетельшей была?

Нет? Дак меньше бы плела,

А то следом сгинешь тоже.

Нонья: Я с чего бы вдруг? О, Боже!

Закую себя в броню

И словца не уроню!

Милован специально напугал жену, чтобы та поменьше трещала с подругами об этом и без того не очень счастливом семействе. Сам-то он не верил в дурацкие наветы. Однако, такая худая слава отпугнула от Вассианы других возможных претендентов на её руку и сердце. Из-за постоянных неудач в личной жизни дочери, грязных слухов и подозрений некогда добродушный, хоть и замкнутый Дробогор превратился в хмурого, раздражительного мол-

чуна, глядевшего на мир исподлобья. Тем не менее, он продолжал ежегодно вывозить дочь на ярмарку, надеясь именно там подыскать ей хоть сколь-нибудь приемлемую партию.

Дробогор: Мож отыщется таков.

Весь что ль свет из дураков?

Спустившись вниз, Дробогор посмотрел, чем были заняты жена и дочь.

Дробогор: Правильно, бери наряд.

Ведь другие там пестрят,

Дак и ты не хуже их.

Даст Бог, сыщется жених!

В это время две вдовушки, Марефа и Евлоха, выпив в аптеке по чашечке какао, дошли до дома сапожника Тырьяна или попросту Тыри, которому Марефа собиралась заказать новую обувь. Из-за своей полноты, большого веса и тяжёлой, слегка косолапящей «с приволоком» походки обувь на вдовице буквально «горела». Оставив свою худющую до синевы подружку Евлоху в обществе Тыриной супруги Ивдиньи, с которой обе дамы были дружны смолоду, как и с её сестрой Фелоньей, Марефа прошла в мастерскую, где сапожничали Тыря и его сыновья.

Марефа: Сладь удобные сапожки

На мои слоновьи ножки.

Тыря: Прежние уж истоптались?

Марефа: Лишь обтрёпочки остались!

Один из сыновей Тыре быстренько подскочил с места и пододвинул заказнице скамейку, опасаясь, что обычная табуретка, на которую усаживали клиентов, не выдержит веса столь пышной дамы. Расположившись на услужливо предложенной скамье, Марефа вытянула ноги.

Марефа: Ноженьки по полноте

Мерить только в темноте.

Тыря: Для меня, вишь, чем полней,

Тем строка идёт ровней.

А что больше матерьяла?

На расценку б не влияла,

Я бы может возмутился.

Знашь бы как обогатился,

Если б шил на полны ножки!

У иной – как лапки кошки:

Матерьял для сапожка —

Во, клочок на три стежка!

Ивдинья в это время рассказывала Евлохе о подготовке их младшего сына к свадьбе, объясняя, почему Тыря нынче не едет на ярмарку.

Евлоха: Значит, нонче остаётся?

Ивдинья: Дело ж не само куётся!

Кто б к зиме точил косу?

Тут, вишь, свадьба на носу.

Как случилось зарученье,

Так пошло в дому верченье.

Пусть пропустит хоть годок.

Дел – под самый ободок!

Стройка ж – грохот в доме, дым!

Почивальню молодым

Обустроить надо к сроку.

Коль затеяли мороку,
Хоть разбейся, а успеи.
Сын любимый – не репей,
Что случайно зацепился.

Евлоха: Чё-то он поторопился!
Рано женится, поди?

Ивдинья: Ты на возраст не гляди!

Коль ему не вмоготу,
Я б стояла на посту,
Карауля чью-то честь?
Нет уж, коли чувства есть,
Пусть венчаются они.
Я же, Боже сохрани,
Не пойду судьбу ломать.
Всё ж не мачеха, а мать!

Так уж повелось в роду у Тыри, что всякий раз, когда ожидалось прибавление в семье, дом достраивался или надстраивался. Когда Тыря женился на Ивдинье, его отец Мосей Чесльсла́вович, а для посадцев Чеславыч или Чесич, ибо многие ещё помнили поляка Чесю, значительно расширил жилище. Уже после и сам Тыря перед свадьбой старшего сына тоже надстроил дом, а теперь и для младшенького готовил отдельные апартаменты.

Семья была большая, так как, хвала Господу, пока ещё были живы Тырины родители – дед Мосей и бабушка Евла́сия, но ни Тыря, ни Ивдинья даже думать не хотели, что кто-то из их сыновей захочет отделиться и жить самостоятельно собственным домом. Уж лучше всем вместе уживаться под отчим кровом, пусть даже для этого придётся достраивать родительское гнездо, предусматривая возможность отдельных дополнительных выходов.

Тут к сапожнику заявила ещё одна клиентка, но уже за готовой обувкой. Это была Янгелия, супруга Епрона, одного из братьев-близнецов – владельцев лесопилки.

Так как Тырьян был занят с Марёфой, Янгелия уселась с дамами поговорить о своём, наболевшем.

Янгелия: Так на ярмарку хочу —

Вся киплю, аж клоочу!

Муж не едет, я – сиди

Да в окошечко гляди.

Днюет всё на лесопилке.

Ивдинья: Нет растраты для копилки!

Ярмарка полна соблазна.

Янгелия: Ах, там так своеобразно!

Но большая ли затрата?

Евлоха: Пусть спихнул бы всё на брата

Да свозил тебя Епрон,

Коль уж не велик урон.

Брат-то справится один?

Ивдинья: Всяк себе щас господин,

Хоть и общее хозяйство.

Янгелия: Господи, да без зазнайства,

Где работники не лóвки

Братовья на распиловке.

Столько пиломатерьяла!

Чё их жадность обуяла?

Всё, глянь, мало! Не сидится!

А жене с чего гордиться?

Не прошусь в Москву аль в Нижний!

Это жизнь? Как лес чекрыжный²!

Жалуясь на мужа, Янгелия откровенно важничала, что у их семьи такое доходное дело.

Янгелия: Не могу ведь убедить!

Ивдинья: Ехать всё ж – карман худить,

Коли нечем торговать.

Чё тебе переживать,

А тем паче горевать?

Нешто неча одевать?

Янгелия: Да при чём худить, зорить?

Я хочу ведь сговорить

Съездить, миру поглядеть.

Знамо, есть чего одеть!

Евлоха: Нешто в энтот городишке

Интереснее людишки?

А буквально в это же самое время муж Янгелии Епрон, загрузив на телегу створки новых тёсаных ворот с врезной калиткой, потихоньку вёз их от своей лесопилки, где в столярном цеху они и были великолепно сработаны, к дому заказчика – местного священника батюшки Пилистрата. Позади Епрона ехал работник также нагруженный гладко отшлифованными столбиками и другим готовым пиломатериалом для установки больших въездных ворот, венчаемых сверху нарядным козырьком.

После того, как проезжие цыгане украли у батюшки Пилистрата дорожный самовар, причём прямо со стола, стоящего в саду под грушей, он заказал себе добротные ворота, чтобы надёжнее отгородиться от улицы.

Лесопилка находилась за городом, но недалеко. При въезде в Посад Епрон привычно повернул голову в сторону крайнего дома, где жили его родители, и расплылся в улыбке, увидев, что папенька с маменькой, как обычно, восседают на крылечке. Махнув работнику, чтобы тот ехал дальше, Епрон решил на минутку завернуть к родителям, буквально, чтобы «поздоровкаться».

Нила Силовна и Миней сердечно поприветствовали сына, и маменька тут же озабоченно поинтересовалась, не голоден ли сыночек Епроша. Но Епрон отказался от еды и чаёв, заявив, что заскочил лишь осведомиться об их здоровье и должен немедленно ехать дальше, ибо изготовленные ворота были довольно дорогими, а потому он опасается, что работник, разгрузаясь самостоятельно и бесконтрольно, что-нибудь да сделает не так как надо.

Миней согласно закивал головой, одобрительно прогудев с пониманием рачительного хозяина: «За имя не надзирать – честно имя замарать! Те радиво не хлопочут: чё-нибудь да скособочут! А хозяину – моргай! Свой просчёт хошь ругай, коли наворочено, дело опорочено!».

Однако, пока Епрон навещал родителей, его работник укатил довольно далеко. Стараясь догнать первую телегу, Епрон заторопил лошадку.

Уже с утра на городских улочках было теснее обычного, так как через Посад время от времени проезжали нарядные купеческие коляски со следовавшими за ними гружёными повозками и даже обозами, а также направлявшиеся в Крутояры разномастные подводы жителей деревень и селений.

Интересно было смотреть на деревенских мужиков, впервые рискнувших съездить на ярмарку. Держали они себя настороженно-чинно, не спеша проезжая по посадским ули-

² Чекрыжник, чепыжник – мелколесье и кустарник.

цам и с любопытством разглядывая всё вокруг себя, кроме встречных экипажей, видимо, думая, что все без исключения должны следовать только в одном направлении – в Крутояры. Тем самым эти неискушённые путешественники создавали некоторую досадливую неразбериху в движении гужевого транспорта, ибо привыкшие к деревенскому безлюдью и простору мужички совершенно не придерживались привычных правил, а вернее не знали о их существовании. Наверное, поэтому они либо всех подряд пропускали вперёд, создавая затор, либо занимали часть улицы, потихоньку пробираясь к противоположному выезду из Посада.

Как правило, деревенские жители на дальние расстояния старались ездить не поодиночке, а своей компанией, выстроившись колонной из трёх-четырёх подвод, слитно следовавших друг за другом. Возможно, они просто боялись потеряться в незнакомой местности либо случайно нарваться на лихих людей, но так или иначе всегда держались обособленно и дружно. Также и останавливаться на ночлег они предпочитали не на постоянных дворах, а в поле, устраиваясь прямо в телегах и дежуря по очереди.

На одном из перекрёстков Посада у Епрона произошла небольшая заминка. Он уже почти поравнялся с ехавшим навстречу давним приятелем отца дядькой Настасом, когда один из деревенских ротозеев, немного отставший от своего «каравана», ни с того ни с сего вдруг испуганно бросился нагонять земляков.

Внезапно появившаяся впереди ещё одна встречная лошадь, напугала лошадку Епрона, заставив дёрнуться в сторону брички дядьки Настаса. Наделавший переполоха деревенский мужик, проехать так и не сумел, но, слава Богу, вовремя остановился. Вникнув в ситуацию, Епрон обнаружил, что он едва не зацепил своим ценным грузом бортник Настасовой брички. Настас тоже остановился, соображая, как же им теперь разъехаться без ущерба для обоих повозок.

Епрон: Осторожней, дядь Настас!

Оттяни свой тарантас.

У меня тяжёльше груз.

Тёс воротный тут и брус.

Мне никак не сдать назад.

Повозки не успели сцепиться, но оказались в довольно-таки опасной близости друг от друга, и удачно развести их, не повредив конструкций, требовало большого умения.

Настас: Эх-хе-хе! Возок пузат!

Щас попробую, Епрон!

Глянь-ка, чё со всех сторон:

В город двинулось село!

Епрон: В Крутояры понесло

Нонче даже и сельчан.

Настас: Закипит торговый чан,

Коль на ярмарку все прутся.

Епрон: Вон чё, друг об дружку трутся!

Запаниковав, что в результате заминки отстанет от «своих», мужик попробовал объехать обе стоящие бок о бок повозки, мешая Епрону и Настасу разрешить возникшую проблему. Но теперь разъехаться стало ещё труднее, так как крестьянин прижал их друг к другу, да и сам застрял, причём косо упёршись ещё и в ближайший забор.

Пришлось ждать, пока этот деревенский недотёпа либо сдаст назад, либо проедет вперёд. А это было ещё труднее, ибо мешали ворота, вытиравшие с телеги Епрона.

Настас: Ну зачем же так тесниться?

Епрон: Тот вообще тупой возница —

От него другим помеха.

Сообразив, что пока крестьянин не уберётся со своей подводой, им не расстаться. Епрон с Настасом не стали предпринимать каких-либо самостоятельных действий.

Настас: Аль тупой, аль неумеха,
Аль от города ослеп.
Впору дать ему на хлеб,
Чтоб обратно развернул.

Видя, что городские мужики не собираются освободить ему дорогу, крестьянин совсем струхнул, представляя, что его сейчас либо побьют, либо ограбят, либо сдадут в участок. Отчаянно гикнув, он так стегнул свою лошадь, что та со всей прыти рванула вперёд. Сломав несколько досок в заборе и слегка развернув воротную створку на телеге Епрона, крестьянская лошадка и своей подводе нанесла значительный урон: мало того, что гружёная деревенскими дарами не очень крепкая повозка перекосилась и покорёжилась, у неё ещё и колесо соскочило с оси.

Настас: Он тя в бок подковырнул?
Епрон: Мой-то груз лишь шелохнулся,
А его аж перегнулся.
Настас: Да, своё он изнахратил.
Епрон: Колесо вообще утратил.
Настас: Дак известно: поспешишь —
Вместо выгоды лишь шиш!
Я за спехом не гонюсь!

Епрон: Мож я посторонюсь?
Настас: Да куда тут сторониться?
Ошалелый тот возница
Втискался, да в разворот.
Епрон: Мне б не повредить ворот!

Так как ни посторониться, ни попятиться было некуда, ибо крестьянин своей разбитой телегой перекрыл полдороги, оставалось только ждать, когда тот, наконец, уберётся со своими утратившими колесо дрожками.

Епрон: Дядь Настас, а ты куда?
Тоже с грузом?

Настас: Это да!
Кабы знал, чё на возу!

Епрон: Что ль товар?

Настас: Ха-ха! Козу,
Глянь, везу на сватовство.

Откинув полог, Настас показал Епрону лежащую на дне брички связанную и засунутую в мешок козу. Мешок не был затянут, и Настас высвободил голову пленницы наружу.

Настас: Разыгралось естество,
А Настас ищи ей мужа!
Без того была досужа,
А теперча прям взбесилась.
Епрон: Во как! Замуж запросилась?
Настас: Вишь, супруга завела
Эту живность без козла,
А она томится, блеет,
То озлобится, то млеет.
Епрон: Ну, таков закон природы:
Зов влекущий все породы

Дать потомству народиться.
Сам Господь велел плодиться.

Настас: Дак для этого везу
Распроклятую козу,
Чтоб произвести знакомство
С перспективой на потомство.
Хоть и сам я не желаю
И восторгом не пылаю,
Чтоб подобных народилось.

Находясь в мешке да ещё и под пологом, коза Розка, видимо, думала, что её везут на убой, а потому времени даром не теряла и использовала дорожную заминку на пережжёвывание связывающих ей ноги пут.

Епрон: Глянь, она освободилась!

Настас: Выскочила из мешка?

Выбравшись из дуинного «заточения», Розка ошарашено запрыгала по бричке хозяина.

Настас: Я ей подыскал дружка,
А она как дура скачет.
Дома мекает и плачет,
А сыскали жениха,
Заскакала, как блоха!
Роза, хватит ерепенья!
То тряслась от нетерпенья...

Перескочив на стоящую впритык телегу Епрона, Розка застучала копытцами по новёхонькому тёсу Пилистратовых ворот.

Настас: Чё перемахнула, Розка?

То ж Епрохина повозка!
Ишь, настропалила рожки!
Да куды же ты под дрожки?

Соскользнув с гладкой воротной створки, коза оказалась на земле. Эта самая Розка никогда не отличалось ни маломальской покорностью, ни терпеливым нравом домашнего животного, живущего в полной сытости и холе. Теперь, когда в ней взыграла природная тяга к материнству, характер у Розки и вовсе стал несносным.

Настас: Чё не ехалось тебе?

Я об чьей пекусь судьбе?

Глядя на хозяина, как на злейшего врага, Розка приняла боевую стойку, намереваясь боднуть Настаса.

Настас: Ты совсем сдурела, Роза?

Это что ещё за поза?

Ты ведь едешь к жениху,
Не к скорняжке на доху!

Тем временем, потерявшие попутчика крестьяне, только выехав из Посада заметили, что среди них не оказалось одного земляка. Озадаченные таким происшествием и, подозревая, что с тем произошло что-то неладное, мужики решили вернуться.

Когда они, вооружённые дубинками, принесли к месту «аварии», их земляк маялся с колесом, а Епрон с Настасом ловили удиравшую Розку, которая через повреждённый забор уже успела сноситься в чей-то посадский двор, но, напугавшись собаки, вернулась на улицу и скакала вокруг перекошённой телеги крестьянина.

Завидев в руках воротившихся крестьян дубинки, а у одного из мужичков даже блеснувший металлом топор, Настас всё понял и обратился к ним за помощью.

Настас: Хлопцы, будьте так добры,
Уберите топоры!

Не нервируйте козу.

Епрон: Где она?

Крестьянин: Да там внизу
Под телегой прячется.

Настас: Ох, она доскачется!

Слышь, робяты, подмогните:

Энту тварь сюды пугните.

Вызнала, куды везу —

Не удёржишь щас козу.

Там козёл её заждался!

Епрон: Как же ты не догадался

Увязать покрепче Розу?

Настас: Не предугадал угрозу,

Хоть и нрав её знаком!

Епрон: Да, невеста с огоньком!

Настас: С огоньком? С большим костром!

Хлопцы, вы там вчетвером

Эту тварь не пропустите!

Задержал я вас, простите!

Я ж на случку вёз её,

Горе луково моё!

Наконец, совместными усилиями была поймана коза, восстановлена телега крестьянина и благополучно разведены повозки Епрона и Настаса.

Односельчане, примчавшиеся выручить товарища, а если потребуется, и отбить земляка у городских пройдох, оказались мужиками проворными, но и смесливыми тоже. Узнав, какую миссию выполняет пожилой добродушный дядька, они наржались до слёз. Неторопливо прощаясь с Епронем, Настас уже не выпускал Розку из рук.

Настас: Слава Богу, разошлись:

Те далече подались,

Ты – ворота доставлять,

Мы с козой – хвостом вилять,

Чтоб козлу понравиться.

Так, моя красавица?

Мекни на прощанье, Розка.

Ох, вредна ты – в том загвоздка.

На смотринах не взбрыкни,

«Жениха» рожком не ткни.

Скромненько себя веди!

Епрон: Да, себе не навреди:

Выкажи расположенье

Для любовного сближенья.

Настас: Ох, намаюсь нонче с ней!

Как там Силовна, Миней?

А в другой стороне Посада, то есть на самом въезде в этот презабавный городок, откуда незадолго до этого приехал Епрон, другой местный житель – дед Кульба́ч, сидя на завалинке своего дома, философски разглагольствовал о скоротечности земного бытия

и об изменениях в жизни за последние семьдесят пять лет. Было деду уже за восемьдесят, и он знал, о чём говорить и что с чем сравнивать.

Слушателями деда были сосед Ерósим и его уже достаточно повзрослевшие сыновья – четверо парней-погодков от четырнадцати до восемнадцати лет, которым Кульбач за неимением наследников отдал в безвозмездное пользование свою гончарню.

У деда ныло повреждённое смолоду колено, и он поглаживал его заскорузлой рукой. Ну и «лечебный» икалик старик уже успел с утра «приговорить», а потому был весел и разговорчив, впрочем, как всегда.

Кульбач: Старость – скорбная вуаль.

Смотришь больше вглубь, не вдаль.

Времечка не сбавишь бег.

Девятнадцатый наш век

На три четверти прошёл.

Жили всяко. Хорошо!

А иной раз – туговато.

Эх ты, жизнь моя, лопата!

Рылся в глине, словно крот.

Дак зато и сыт был рот.

Еросим: Все работали до поту,

Ожидая субботу.

Кульбач: Да, трудились, не роптали,

Хоть дырьё сто раз латали.

Что поделаешь, гроши

Не заводятся, как вши.

Хочешь сытым быть в обед,

Вся надежда на хребет,

На старанье да на счётку.

Всем досталось по ошмётку,

А кому жирнее кус,

Не спешил нафабрить ус.

Дело двинул расширять.

Хоть и есть чего терять,

Но без риска нет побед.

И пускай трещит хребет!

Поведёшь дела с умом,

Уж занятие не ярмом —

Смыслом жизни предстаёт.

Еросим: Всяк судьбу свою куёт.

Трудишься в свою угоду,

Обретаешь год от году,

И пускай трещит хребёт!

Курица – и та гребёт

Под себя, да для цыплят.

Кульбач: У людей поширше взгляд.

Что нас вывезло, спасло?

Кто освоил ремесло,

Уж в другое не вилял.

То сосед те подсоблял,

А в другой раз – ты ему.

Еросим: Справедливо, по уму.

Коль другому подсобил —

Тракт совместный прорубил.

Жить-то обчеством придётся.

Так до веку и ведётся:

За добро плати добром

И не прячься за бугром.

Зависть да колючий взгляд

Хуже пламени палят.

Кульбач: Всяко видеть доводилось:

И добротное худилось,

И дырявое латалось,

И излишнее вплеталось.

В прошлое порой гляжу,

Сколько было куражу,

Чтоб подняться в мастерстве!

Первые тут все в родстве.

Еросим: А где кровно не сроднились,

Кумовством объединились.

Кульбач: Это нас всегда сплочало

Прямча с самого начала,

Чтоб совместно опериться.

Эх, Небесная Царица,

Сколько было слёз, мольбы!

В те года не до гульбы:

Еле ноги волочили.

Но невзгоды всех учили!

То медяшки утешали,

Вдруг бумажки зашуршали.

Еросим: В результате – вдохновенье

И добавочное рвенье.

В ремесле себя точил,

Дак и славу получил.

Ты-то был гончар известный.

Кульбач: Знаменит скудельник местный!

Еросим: Сам в отставку запросился.

Кульбач: Дак силёнкой износился,

Обленился, истощал.

Еросим: Цельный век тот круг вращал!

Кульбач: С малолетству-то проворно!

Круг одно, вот топка горна —

Это будет посложней.

Градус тут держать важней!

Шибко много было порчи,

Хоть глаза глядели зорче,

И в руках силов хватало.

Нетерпенье ж клокотало!

Чуть с огнём переборщи —

Уж осколочки ищи.

Еросим: Обжиг-то хитрее лепки!

Кульбач: Черепки – оно не щепки,

В дело их не запустить.

Лишь в болото гать мостить.

Там от батьки и скрывал.

Батька ж чем урок давал?

То кнутом, а то дубинкой!

Дак спина вся – горб с ложбинкой!

Еросим: Да, немало потрудился!

Кульбач: Средь графьёв бы уродился,

На другое б глаз вострил.

И отец мой гончарил.

Чтобы жить не голодая,

Бились, рук не покладая,

Строились, приобретали.

Стали тем, кем нонче стали.

Еросим: Нешто худо разжились?

Кульбач: Попросторней нонче жизнь.

Жить бы, миром любоваться,

Но года. Куды деваться?

Гложет старость, ведьма злая,

То тя, за мослы хватая,

Гнёт дугой, хребтинку крутит,

То над требухой пошутит,

Не сдаля страха концом.

Цельный век не быть юнцом!

Таковы законы мира.

Жизь – как съёмная квартира,

Старость – для хвороб приманка!

Еросим: Снова мает лихоманка?

Кульбач: Хвори любят стариков,

Подбираются с боков.

Еросим: Энтим только дай слабинку!

Кульбач: Древоточец съест дубинку,

Коль в бездействии она.

Мне хвороба что ль страшна?

Аль не знаю я управы?

Еросим: Колдовство, настойки, травы?

Еросим спросим со смешком, прекрасно зная непримиримое отношение деда к знахарскому промыслу своей супруги – бабки Кульбачихи.

Кульбач: Нет, бальзам особый есть:

Самогонка, ваша честь!

Тяпнешь утречком глоток —

Забурлит в крови поток,

И уж солнце ярче светит.

Если бабка не заметит —

Повторить могу в обед!

Так и прбжил столько лет.

Не спешу ишо в землицу,

Раскудрит ты, рукавицу!

Еросим: О-о, нужда те торопиться!

Не уйдёт от нас земля.

Боженьку хоть сколь проси,

Не возьмёт на небеси

Наши бранные тела.

Вот такие, дед, дела!

Это уж как там решат,

Так и путь нам завершат.

Сам Творец уткнёт перстом:

Кто, когда, за кем, потом.

Еросим устремил взор в небесную синь, потом оглядел подворье и крылечко Кульбача взглядом хозяина, не привыкшего к праздности.

Еросим: Та ступенька покосилась

И скрипит.

Кульбач: Дак изнасилась.

Я и сам давно скриплю.

Еросим: Ворочусь и укреплю.

Вздыхнув, Кульбач продолжил свои привычные философские рассуждения на тему бренности земного существования.

Кульбач: Завтра лучше, чем вчера,

А сегодня – не пора.

Так сижу, считаю дни.

Их, вишь, только ворохны —

И посыплются обвалом!

Жил я долго, но и мало!

Вижу жизни скоротечность.

Впереди маячит вечность.

Скоро влѣжку распрямлюсь,

Да и в ямку увалюсь.

Еросим: Все там будем! Не минует.

Смерть кончину знаменует.

И на ум не стоит брать,

Ведь не завтра помирать.

Кульбач: Эх, не знаешь наперёд

День, когда ты подберёт!

Напротив дома Кульбача через улицу стоял дом родителей Епрона – деда Миня и бабушки Нилы, семейной четы лет шестидесяти от роду, которым по возрасту Кульбач годился бы в отцы, имея он своих детей, но для других посадцев соседи Кульбачей считались тоже стариками.

Бабушка Нила Силовна, зачастую именуемая местными остроловами и Силой Ниловой, и Нилой-Силой, и Силой Нила, все летние дни проводила, сидя на высоком крылечке и глядя на двор Кульбачей, так как другого обзора у неё перед глазами не было: с одной стороны высоким забором отгородился сосед, а с другой стороны начиналась околица, ибо дом Миня, как и Кульбача, стояли крайними при въезде в Посад. Но Силовне скучать не приходилось: у Кульбачей во дворе частенько случались разные презабавные заварушки.

Сейчас, глядя на мирно беседующих Кульбача и Еросима, Силовна жалела об одном, что с возрастом видеть вдаль она стала даже гораздо лучше, а слышать – куда, как хуже.

Силовна: Заморочил дед Ероську.

Тот, гляди, аж морщит моську!

Сам не рад, да не пошлѣшь!

Вот и слушает скулѣж.

На гончарню-то купился —

Дак навеки прилепился!

Дед Миней или Миньша тоже был по-своему философом и отвечал на замечания супруги всегда заковыристо и туманно, зачастую с одному ему понятным намёком и подтекстом.

Миньша: Что ж поделать? Рад, не рад —

Моська морщится, не зад!

Задни щѣчки хоть гладки,

Да казать их не с руки!

Силовна: Это чѣ он егозится?

Миньша: Дак ему пора грузиться,

А не лясы там точить.

Силовна: Ох, пора, да не вскочить!

Силовна как в воду глядела: Еросиму действительно было недосуг выслушивать странные рассуждения словоохотливого Кульбача. Чтобы побыстрее распрощаться с соседом, он поспешил сперва отправить сыновей.

Еросим: Отдохнули что ль, робяты?

Приберитесь возле хаты.

Отберѣм пося товар,

Чтоб грузить для Крутояр.

Я на ярмарку в надѣже.

Жду дохода.

Кульбач: Дай-то, Боже!

Кто иной, но вы доход

Заслужили. Цельный год

Ковырялись с энтой глиной.

То не мѣд месить с малиной.

Мне бы это не понять!

Сколь еѣ пришлось умять!

Я дошѣл до мастерства.

Говорю без хвастовства.

Много сам посуды сладил.

Глину — как невесту гладил,

Как молодку тискал, жал.

Энто дело — обожал!

Из речей деда, сопровождавшихся хитровой ухмылкой, понять было весьма непросто, что именно он обожал: лепить гончарные изделия или тискать молодок.

Сыновья Еросима тем временем уже перебрались на свое подворье через пролом в заборе разделявшим соседствующие дворы и занялись делом.

Кульбач: Сколько вылепил горшков

От вершков и до стожков

Заскорузлую рукой!

Дед, как заправский рыбак, помахал руками, показывая известным жестом какой формы и величины ему приходилось лепить горшки.

Еросим: Заслужил ты, дед, покой.

Отдыхай! Сиди, да грейся.

На мою семью надейся,

На заботу, на подмогу.
Не одни вы, слава Богу!

С этими словами Еросим хотел, наконец, покинуть говоруна-деда, уже и к оградному проёму шагнул, как тут из его дома вышла жена Крена с бабушкой Кульбачихой – супругой Кульбача. Женщины разговаривали о чём-то своём.

Кульбачиха: Ночь-то плохо я спала.
Всё в уме перебрала.
И дед храпит,
И сверчок скрипит,
И в запечье шорох.
А мыслишек – ворох!
И всё лезут надоедно.

Заслышав разговор на соседнем подворье, Кульбач тут же оживился и стал цепляться к своей дражайшей или, как он сам называл, дрожащей половине. Любил он, грешным делом, пощекотать благоверной супруге нервы. Впрочем, она тоже не оставалась в долгу.

Кульбач: Много думать бабам вредно.
Оплешивешь эдак враз.
Уж не густо и сейчас,
Бело-сивая ты мошь!
Кульбачиха: Сгинь! Свои былинки холь!
Кульбач: Может волос в ус уйти.

Так бывает, ты учти!
Я видал таких старух,
У которых уж не пух,
А волосья над губой.
Разведусь в момент с тобой,
Если лысой станешь, старá,
Да усы, как у гусара,
Аль погуще отрастишь,
Брильянтином умастишь.

Кульбачиха: Во, запрыгнул в разговор!
Не молол бы всякий вздор,
Чёрт досужий, попрыгучий!
Зазудел комар кусучий!
Кульбачиха отвернулась от деда, продолжая поучать Крену.

Кульбачиха: За детьми-то нужен глаз.
Эдак вдруг, неровен час...
За девчонками – зорчѣй!
Кульбач не отставал. Он был настроен на небольшой семейный скандалец.

Кульбач: Не устала от речей?
Суть в них – дурь голимая,
Непреодолимая!

Кульбачиха, проигнорировав выпад супруга, продолжала наставлять соседку.

Кульбачиха: Девочку пуще карауль.
Кульбач: Да, приставь к имя патруль!

Пусть подол им стережёт.
Кульбачиха: Ишь над чем паршивец ржёт!
Кульбач: А сама ты чѣ пророчишь,
Крене голову морочишь?

Ты гони её, соседка,
Ведь у бабки правда редко.

Кульбачиха: По себе-то не суди,
Огород не городи!

Кульбач: У парней не срам. Шкодливость.
А у девок чё? – блудливость!

Бабка знает, я об чём:
Загуляла с Кульбачом
С молодых зелёных лет.

Кульбачиха: Помолчал бы лучше, дед!

Кульбач: Но не обездолила —
Всё, как есть, позволила!

Подмигнув Еросиму, Кульбач пропел частушку.

Кульбач: У калиточки резной
Повстречались мы весной.

Не ломалась, дева, ты.

Ох, трещали там кусты!

Еросим: Зря так пташечка запела.

Как бы кошечка не съела!

Крена: От такого пения,
Кончится терпение.

Соседи уже привыкли к постоянному переругиванию Кульбачей. Но дед иногда переходил границы и довольно чувствительно поддевал супругу. Для неё это тоже было не в диковинку, и старушка умела и удар держать, и отпор давать.

Кульбачиха: Пусть поёт.

Кульбач: Я и пою

Всё про ветреность твою:

– Есть у каждой божьей пташки

Ей сподобные замашки,

И у каждой малой птички

Есть особые отлички:

Та – токует, та – кукует,

Третья жрёт их да смакует.

Дед игривым речитативом пропел ещё один куплет. Силовна даже ухо оттопырила рукой, пытаясь расслышать, о чем там голосит Кульбач.

Силовна: Во, запел! Уже хлебнул!

Миньша: Иву бог не зря согнул.

Ей судьба к воде стремиться.

А на взгорке – истомится.

Муж с женой сперва бранятся —

После пуще породнятся!

Силовна: Во, чё выдумал! Смерёкал!

Тот петух откукарекал!

Миньша: Дед хоть стар, но молоток!

Да и бабка – кипятилок.

Вместе – порох и свеча!

Силовна: Прям защитник Кульбача!

Миньша: У сверчка своё цвирчанье,

У бычка своё мычанье.

Сапоги не виноваты,
Что на ногу маловаты.
То сапожник виноват:
Оказался скуповат,
Поурезав лишне мерку.
Дак поставь на атажерку,
Коль носить немоготу!
Аль уж кинь под хвост коту!
Силовна: Кто сверчок, кто бык, кто кот?
Притворил бы, Миньша, рот.
Дай послушать, мож услышу.
Миньша: Взгромоздись, жена, на крышу.
Там обзор – куды как шире.
Дак про всё узнаешь в мире.
Там, поди-ка, благодать —
До самой Москвы видать!

Дом у Минея и Нилы был высокий с мезонином и мансардой. Оно и понятно: их сыновья-близнецы Епрон и Евпат владели лесопилкой и столярными мастерскими, вследствие чего строительного леса в семье было предостаточно. Зная материну привычку проводить день в наблюдении за дорогой и соседским двором, сыновья предлагали пристроить ко второму этажу над верандой балкон, но Нилу вполне устраивало просторное крыльцо с примыкающими террасой и верандой. Сам дом имел что-то вроде цокольного этажа либо подклети, где находились хозяйственные помещения, поэтому крылечко, на котором располагался Силовнин наблюдательный пост, и без того было достаточно высоким, дающим возможность наслаждаться открывающимся видом. Также она не позволила строить двухметровый сплошной забор, дабы свободно и беспрепятственно обозревать путников, въезжающих в Посад и покидающих его.

Как всякая посадская дама, Нила обожала сплетни, слухи, всевозможные невероятные истории, то есть пребывала в том же трепетном желании быть в курсе городских новостей, но в отличие от многих местных сударынь слыла отменной домоседкой. Заходившие иногда к Силовне подруги, снабжали её информацией. Принимая гостей, Силовна с удовольствием могла часами сидеть в обществе приятельниц, теша душу рассказываемыми сплетнями и новостями. Исключительно в поддержании разговора она незлобиво судачила и охотно перебивала косточки согражданам, но никого особо не осуждала и не грешила злословием. Мало того, сам Минея любил эти дамские посиделки и охотно принимал в них участие, но при этом делал вид, что ему совершенно не интересны чужие тайны и проблемы. Разговор он поддерживал весьма своеобразно, подкидывая разные шутки, притчи и сентенции.

Миньша: В нашей славной местности
Много интересности,
А в другую заверни,
Там сурьёзности одни.

Кульбачи только входили в стадию, предваряющую генеральную схватку. Кульбачиха, снисходительно выслушав дедово соло, горделиво подбоченилась.

Кульбачиха: Ну и ты не певчий дрозд.
Ворон ты! Твой дом – погост!
Старый хрыч, заросший мохом!
Кульбач: Начинаю день не охом,
А с частушки-веселушки
Во хвалу своей старушки:

– Ох, не своевременно
Дёвица беременна.
Если до венчания —
Тут ей замечание!

Услышав столь фривольную частушку, обеспокоенная Крена встревожено оглянулась, чтобы убедиться, нет ли поблизости её детей, особенно младших ребятшек. Но все семеро отпрысков находились на безопасном расстоянии и занимались своими делами.

Кульбачиха: Охламон ты, дурень старый!

Вот скабрёзник лупошарый!

До того же стал турусый.

Всё же не юнец безусый.

Старикашка перезрелый,

На умишко угорелый,

Зубоскалый крокодил!

Кульбач: Чем внезапно досадил?

Режу в очи правду-матку.

Ты всю жизнь на рот заплатку

Обещаешься нашить,

Речи праведной лишить.

Кульбачиха: Где там правда? Вечно врёшь!

Как язык свой не сотрёшь?

Кульбач: Это я что ль пустомеля?

Замычала утрясь теля!

Кто из нас по сплетням первый?

Кульбачиха: Не трепи, Кульбач, мне нервы!

Ишь какой ты говорун!

Но притом известный врун.

Кульбач: Мне куда с тобой тягаться?

Как уже говорилось, старики постоянно переругивались между собой, находя в этих перепалках развлечение и разнообразие в своей, казалось, не очень радостной, бездетной жизни. При явной скудности тем для семейных столкновений, ограниченных недовольством друг другом из-за пьянок одного, беспрестанным шатанием по городу другой и взаимной ревности, скандалы для Кульбачей были делом привычным, даже рутинным. Еросима, любившего мир и покой, это развлекало, но порой тяготило и беспокоило.

Еросим: Чё к чему взялись ругаться?

Кульбачиха: Мы что ль? Батюшки! С чего б?

Впереди маячит гроб,

Скоро уж на суд предстанем.

Неужели грызться станем?

Я и не намерена!

Вся уж злость утеряна.

Кульбач: Отливает бабка пули.

То – кар-кар, то – гули-гули —

Из одной в другую птицу,

Раскудрит тя, рукавицу,

Разговор чтоб в бок увести.

Тут её задета честь.

Ишь ты, прям зарделась зорькой!

Жарко что ль от правды горькой?

Кульбачиха удивлённо воззрилась на деда, не зная, чего от него ожидать и даже фыркнула с насмешкой, полностью убеждённая в своей непогрешимости. Что ещё за выдумки и какую такую правду хочет обнародовать её несносный муженёк, из-за которой ей, якобы, следует стыдливо краснеть?

Кульбачиха: Ты такой паскудный, дед!

Врёшь нахально – спасу нет!

И упёртый, как бревно!

Ври сколь хошь – мне всё равно!

Кульбач: Ну, дак стану не упёртый,

Как свалюсь совсем помёртый.

Унести с собой секрет?

Не дождёшься, бабка, нет!

И тут дед, придав лицу обиженно-скорбное выражение и воздев кверху сморщенную руку, с пафосом начал обличительную речь.

Кульбач: Есть сомнение в жене:

Девкой ты досталась мне

Аль обносок всё ношу?

Всякого Кульбачиха наслушалась за свою долгую жизнь от болтливого и шутливового супруга, но такое оскорбление прозвучало впервые. Бабка чуть не задохнулась от возмущения, а потом, ухватив Кренину метлу, что стояла тут же у крыльца, решительно шагнула в сторону своего двора, высоко взметнув над головой это «грозное оружие».

Кульбачиха: Я тя, старый, причешу

Щас соседским подметалам!

Чтоб те, чёрту, пусто стало!

Силовна на своём крылечке аж заёрзала в креслице от такого увлекательного зрелища.

Силовна: Миньша! Где ты там? Взгляни!

Миньша, заходивший в дом испить кваску, опять вышел на крыльцо.

Миньша: Что ль ругаются они?

Бабка скачет мотыльком!

Силовна: Дед-то точно под хмельком!

Чем-то бабку рассердил.

Та вскричала: «Крокодил!»

Миньша: Крокодил – болотный житель.

Там всей нечисти обитель.

Силовна: Как очами-то сверкает,

Взгляды злобные втыкает!

Чем-то старый провинился.

Миньша: Не на той, видать, женился.

Миньша уселся на прежнее место и приготовился к продолжительному зрелищу. Ничего нового он не ожидал увидеть в очередной стычке Кульбачей. Проживая по соседству, он уже вдоволь насмотрелся на их ссоры, которые перерастали в целые спектакли, иногда затягивающиеся на час, когда они с Силовной успевали и развлечься, и утомиться затяжными представлениями, и, устроив себе нечто вроде антракта, отлучиться попить чайку, а Миньша порой успевал даже вздремнуть и всхрапнуть в своём креслице.

Кульбачи не были похожи на другие супружеские пары, из тех, что ограничивали свои семейные разногласия несколькими крепкими выражениями, типа «гав-гав», а затем отворачивались друг от друга, чтобы ещё долго гневаться и дуть губы, затаив обиду. Нет, Кульбачи обставляли свои столкновения весьма пышно и цветисто, со вкусом разыгрывая целые трагикомедии с «потешными боями».

В отличие от жены, Миньша улавливал причины возникновения скандалов и прекрасно знал, что старик зачастую просто валяет дурака, дабы позлить свою бабуку да повеселить соседей.

Раззадорившись, Кульбачиха начинала чихвостить старика, на чём свет стоит. Иногда в процессии горячих выяснений отношений в старика летел домашний скарб из того, что попадало под руку, причём, бабука не старалась попасть и как следует наказать оппонента, а, скорее всего, таким образом выказывала своё несогласие и особое мнение по поводу возникшего раздора, а также это был известный женский способ унять расхордившиеся нервы.

Обоих не тяготило такое разнообразие в череде скучно текущих дней. Также Кульбачей ничуть не беспокоило то обстоятельство, что своими ссорами они, возможно, отвлекают от дел Крену и Еросима, всегда пытавшихся их урезонить и примирить. Бабуке как будто даже нравились такие стычки. Во всяком случае у неё потом возникала приятнейшая возможность среди приятельниц где-нибудь за самоваром у одной из местных вдовушек, либо у матушки Илариш, либо за чашечкой какао в кругу подруг в аптеке у Немчутки, манерно утерев губы, жаловаться на своего вздорного мужа, который за всю их долгую совместную жизнь столько ей нервов истрепал и столько кровушки попил, что и пересказать невозможно.

Подружки понимающе вздыхали, кивали и очень сочувствовали старушке, чего она собственно и добивалась.

Сейчас Кульбач, высказав обвинение и глядя на вооружившуюся супругу, пустился в дальнейшие рассуждения.

Кульбач: Утверждать-то я не стану.

Брачну ночку не вспомяну.

Обманула? Обвела?

Сок свекольный подлила?

А теперь притворщица

Сердится, топорщится.

Кульбачиха: Старый, я тебя сничтожу!

Издеру на лыко рожу!

Кульбач: Виновата – дак молчи,

Постолáми не сучи!

Кульбачиха: Паразит ты, паразит!

Кульбач: Вот чего она бузит?

Высказал предположенье —

Бабука вмиг пришло в движенье.

И откель такой запал?

Значит, в точку я попал!

Непременно обманула:

Мой пистоль в тот сок макнула!

Первому достались сливки,

Я всю жизнь лакал опивки!

Бабука! Чё уж, не ярись!

Позади осталась жизнь.

Я тебе обман простил.

Кто там до меня «гостил» —

Выяснять теперь не буду.

Кульбачиха, огорошенная таким обвинением, понемногу приходила в ярость, но, зная, какой дед охотник до всяких непристойных шуток и розыгрышей, пока сдерживалась, не приводя метлу в действие. Она лишь поначалу слегка утрашающе помахалась старой Крениной основательно истрёпанной метёлкой и теперь стояла, опираясь на неё.

Крена пыталась изобразить на лице осуждение, но «смешильные бесенята» так и искрились в её глазах.

Кульбачиха: Я прибыю тебя, паскуду!

Дура! Честность всё блюла,

Благоверного ждала.

Вот была б как Вера Дыка.

Упрекает! Сам куды как

Весь рогами бы зарос —

Больше было б, чем волос,

Тех рогов. Тогда б поржал!

Щас башки бы не держал!

Кульбач: Во! Признанья я добился!

Чёрт слепой! В кого влюбился?

С кем всю жизнь постель делил?

Такой достоверной игре мог позавидовать актёр столичного театра.

Кульбачиха: Старый, ты б меня не злил.

Тьфу на деда десять раз!

Шут базарный! Дуропляс!

Кульбач: Вот мерси-с за комплимент.

Еросим: Ну-у, любовь меж вас! Цемент!

Кульбачиха: Я его щас полюблю,

Растреклятую соплю!

Кульбач: Веру Дыку приплела!

Ты её, чай, превзошла!

Кульбачиха: Помолчал бы уж, мерзавец!

Аль припомнить всех красавиц,

С кем ты тискался и тёрся.

Ведь домой под утро пёрся!

Кульбач: Надо было не вертаться?

Мог бы кое-где остаться.

Кульбачиха: Оставался бы навечно!

Кульбач: Чё тебе ответить встречно?

Подворье Еросима с заднего двора примыкало к двору мясника Ефтея, того самого «богатея», которого незадолго до этого поминали недобрым словом Северина и Ставрона. Сам Ефтей с женой Макарией и приятелем пимокатом Юстином были во дворе, когда со стороны соседей послышались крики Кульбачихи. Юстин в недоумении посмотрел на хозяев.

Макария: То Кульбачка в гневе снова?

Ефтей: Муж с женой ведь. Что ж такого,

Коль повздорят иногда?

Макария: В их почтенные года

Из-за ревности сражаться?

Спать уж порозень ложатся!

Ефтей: Ты в окошко подглядела?

Как им спать – семейно дело!

Я ведь тоже обозлюсь —

В дальней горенке валюсь.

Кульбачи, разделённые забором, продолжали словесную дуэль.

Кульбач: Верещи на всю окрестность!

Кульбачиха: Ты мою не трогай честность!

Ты свою давно растратил,
Опохабил, изнахратил.

Старики ругались, стоя по обе стороны местами разрушенного тына, пока особо не пытались сблизиться для более тесного выяснения отношений.

Кульбач: Защищаясь, атакую?

Расскажу щас, посмакую
Про твои, жена, проделки.

Не один хлебал с тарелки!

Всё моё отсутствие —

Время для беспутствия.

Ты в тот час одна лежала?

Мож другого ублажала,

Коль ослаблен был контроль?

Исповедаться изволь!

Нам подробность знать угодно!

Кульбачиха: Опозорил принародно!

Кульбач: Сам с позором тем живу!

Кульбачиха: Доберусь ведь, дед, порву

На три тысячи кусков!

Кульбач: Щебетливей голосков

Я не слыхивал досель.

Голосишь — как свиристель!

Кульбачиха: Хошь на драку натака́ть?

Крена: Чтоб ты кинулась скакать?

Вроде как вниманье мужу?

Кульбачиха понемногу закипала. Метла из палки для опоры в любой момент могла превратиться в орудие возмездия.

Кульбачиха: Изукрашу всю наружу!

Кульбач: Во, какая перспектива!

До чего же ты ретива!

Но подобные прыжки

Всколопучат нутрь кишки,

А тогда — конфуза жди!

Еросим: Дед, ей-Богу, не вреди!

Не гневи старушку зря.

Кульбач: Ну а бабка что за фря?

Чё к чему метлой махать?

Кульбачиха: Чёрта старого брехать

Отучить ведь невозможно!

Цельный век грешит безбожно.

Кульбач: Я грешил всегда словесно,

Ну а ты, жена — телесно!

Тут уж бабка окончательно взвилась и перешла к активным действиям. С метлой напавшей она кинулась в сторону своего двора, чтобы достать обидчика, позволившего сомневаться в её непогрешимости и втаптывать в грязь незапятнанную женскую честь. Однако Еросим поспешно загородил собой дырку в заборе.

Кульбач: Бабка, ты не егози

И метёлкой не грози!

Кульбачиха: Струсил? Сразу же в кусты?

Кульбач: Про кусты что ль знаешь ты?

Я-то думал, лишь про сено.

Придержи Кульбачку, Крена!

Щас из юбок скаканёт,

Да метлой меня проткнёт.

Силовна была в восторге. Она, наконец, дождалась настоящего спектакля. Пусть её место было не в первых рядах партера, а где-то на галёрке, разворачивающееся действие отлично представлялось для обзора. До зрителей долетали даже отдельные реплики. Хотя без слов было понятно, что здесь имела место ссора двух супругов. Причина заварушки ускользнула от ослабшего слуха Силовны, но мало ли сколько и каких «увесистых» поводов могло накопиться за целую жизнь? Любая подойдёт!

Миньша так и выражался: «С поводом увесистым спор уж не назвать простым! Но воинственный настрой всяку утварь двинет в строй! Хорошо, коль проорутся, до битья не доберутся! А как скарб запустят в бой? Тут сосед со всей гурьбой кинется их разнимать. Кульбачу бы дохромать до кончины в целости. При такой-то смелости, он всегда найдёт причину превратить в костёр лучину!».

Силовна: Миньша, глянь-ка, чё творится!

Кульбачиха пузырится.

Миньша: Знать, кипит, коль пузырит!

Аль из тучек не искрит,

Если хмарность к непогоде?

Чё-то часто в этом годе

Громыхает там гроза!

Силовна: Дед же, старый егоза,

Бабке песенки всё пел.

Вот котёл и закипел!

Миньша: Подмешал дедок дрожжей —

Понеслась и без вожжей!

Если брага перезреет,

Если баба озвереет,

То того и жди — рванёт!

А не сеявший — не жнёт!

Силовна: Глянь, корячится с метёлкой!

То затеется с прополкой.

Дед от этого и лыс!

Миньша: Шевелюру возраст сгрыз.

Ты меня вон не щипала,

За чупрыню не трепала,

Но уж светится калганчик:

Только дунь на одуванчик!

Силовна: Ты поглянь-ка, как взбесилась!

Миньша: Что ль собакой укусилась?

Силовна: Дедом, старым кобелём!

Миньша: Дед как треснет костылём,

Дак куды её метёлке?

Силовна: Энти прутья хуже колки!

Миньша: Прут — не спица, не пронзит!

И с чего она бузит?

Силовна: Кабы слышать я могла!

Миньша: Под забором бы легла,
Ни словца б не пропустила.

Аль зашла бы, погостила.

Силовна: Дал советчика Создатель!

Миньша: Долго мается старатель,
Чтоб с песком блеснул лоток.

Коль удачлив хоботок —

Самородок зачерпнёт!

Нет – дак чёрта всё клянёт!

Тот металл свой держит крепко.

В огороде зреет репка —

Вот тебе и урожай!

Силовна: Ты меня хоть не пужай!

Заговариваться стал?

Миньша: Чист мой разум, как кристалл!

Кульбачихе всё никак не удавалось пробраться через Еросимов заслон.

Кульбач: Перекрыли все ходы?

Кульбачиха: Доберусь до бороды!

Еросим: Не дразни, Кульбач, гусей!

Сделают тебя лысей.

Крена: Да! Зачем старушку злить?

Кульбач: Бороду не дам голить!

С бородой-то я – пророк!

Хошь ишо добавить рог? —

В темя целься для удара!

К прежней шишке будет пара!

У Кульбача ещё не прошла шишка от предыдущей драки. Вообще-то, бесконечно переругиваясь и подтрунивая друг над другом, Кульбачи не скатывались до драк. Конечно, бабка частенько хваталась то за сковородник, то за скалку, но махалась большие для остротки. Дед всегда успевал увернуться или отразить атаку костыльком. В результате всякое сражение оказывалось небольшим развлечением для обоих. Утомительным оно могло быть только для Еросима и Крены, которым уже порядком надоело разнимать и мирить соседей, а вот Силовна с Миньшей по-прежнему оставались неизменными благодарными зрителями Кульбачёвских представлений.

Последнее сражение оказалось не столь невинным. Кульбачиха застала пьяненького Кульбача заснувшим за столом на груди у местной вдовушки Повелихи, да так сладко похрапывающим, что даже слюна истекла из открытого рта на нарядное платье гостыи. Повелиха тоже спала, откинувшись на спинку стула. И ещё бы им было не уснуть, если сама Кульбачиха добавила в дедову самогонку маковый отвар, чтобы дед не шишко увлекался попойкой, а зашедшая к бабке для ворожбы Повелиха не отказалась от стопочки, предложенной Кульбачом. Водился за ней такой грех: любовь к выпивке.

Увидев своего благоверного, сладко припавшего к пышным прелестям вдовы и обнюхавшего платье на её груди, бабка пришла в ярость, хватив в меру своих старческих сил подвернувшимся под руку чекмарём³ Кульбача по макушке, хоть и вскользь. Проснувшаяся Повелиха убежала, а Кульбач не стал разубеждать супругу, что внезапно сморивший сон не способствовал грехопадению. Напротив, он всячески поддерживал в бабке бушующее пламя ревности и с гордостью носил полученную шишку, хвастаясь перед соседом «боевым» ранением.

³ Чекмарь – деревянная толкушка.

Кульбач: Вишь, как бабка «подобрела».

Чекмарём надясь огрела —

Хоть помри, хоть прикемарь!

Еле сдюжил тот чекмарь.

Как не треснул от удара?

Вот зловредная судара!

Сейчас «зловредная судара» опять покушалась на дедову голову.

Кульбачиха: Доберусь и до башки!

Кульбач: Ну к чему эти прыжки?

В вашем возрасте, мадам,

Этот срам не по годам!

Еросим: Дед, пожар не утвори!

Кульбач: То у бабки из ноздри

Полыхнёт в любой момент.

Еросим: Прекращай аксперимент!

Кренины дочери, Даня и Оря, заслышав шум, бросили свои игры и теперь высовывали из-за дома любопытные рожицы. Пятилетний Мятрошка сперва напугался и хотел было заплакать, но, посмотрев на весёлые лица сестёр, начал смеяться.

Даня: Братик, ты не хохочи!

Пусть дерутся Кульбачи.

Ведь они же понарошку.

Оря, уведи Мятрошку.

Оря: Надо — так сама веди!

Ты-то хитрая, поди!

Лишь тебе одной глядеть?

Даня: Тихо! Хватит тут галдеть!

Во дворе Ефтея Юстин, похохатывая, прислушивался к шумной ссоре Кульбачей. Из-за высокого забора он мало что видел, но зато Юстину, в отличие от Силовны, было прекрасно слышно, в чём заключалась причина скандала. Не взирая на протестующий жест приятеля, Юстин подкатил чурку к ограде, чтобы полюбоваться на Кульбачихины выпады.

Юстин: Вон чё старая творит!

Дед без бритвы будет брит!

Ефтей: Ерунда! Лишь крик пустой.

Ведь заряд-то — холостой!

Драка любит дураков!

Юстин: Где ты видел голубков,

Чтобы вечно ворковали?

Мы-то тоже воевали,

Хоть словесно, но уж жарко!

С воркованья да до карка —

Воробыиных три прискока.

А причин найдётся скоко,

Чтоб ругаться да мириться,

Миловаться, материться!

Дед-то тоже клят и мят.

Часто старые шумят?

Ефтей: Я за ними не слежу.

В лавке время провожу.

Аль в копильне. Дел-то — во!

Мне, Юстин, не до того.

Кульбач продолжал подзадоривать супругу.

Кульбач: Ну ты, бабка, заводная!

Кульбачиха: Шутка что ль очередная?

Ну, давай, злодей, шути!

Кульбач: Двор соседский подмети.

Прям как дворник на посту!

Кульбачиха: Я тебя щас подмету!

Кульбачиха сделала очередную попытку добраться до деда. Но дед был неуязвим, и бабка в гневе заколотила метёлкой по изгороди.

Кульбач: Во, задели бабью честь!

Начинает бабка месть

Обозлётно, злополучно!

И оружие тут сподручно.

Еросим: Чё в запале ухватила,

Тем с душой бы колотила?

Кульбач: Выход есть из положения!

Под рукой вооруженье:

В доме – веник и ухват,

Во дворе – метёлка.

Кульбачиха: Гад!

Вот охальник, вот подлец!

Будет этому конец?

Ты, Еросим, не мешай!

Кульбач: Бабка, мир не нарушай!

Я в сражении с тобой

Применю кулачный бой.

Чё метёлкой замотала?

Лучше б села, полетала.

Тем бы норов остудила.

Кульбачиха: И когда же я блудила?

До тебя аль при тебе?

Так как Еросим загородил собой проход в заборе, Кульбачиха решила перелезть через изгородь, но зацепилась пышными оборками своих юбок. Крена кинулась спасать бабкины подолы.

Кульбач: Не застрянь на городье!

Чё ты, бабка, там пишишь,

Чеботками мельтешишь?

Все места запретные

Стали несекретные

Для всеобщего обзора.

Век живу посреди позора!

Не испытывай судьбу!

Оседлала городьбу?

Дак на кол не взгромоздись,

Ребятишек постыдись!

Снова честности лишишься.

Вот теперь покопошишься.

Юбок-то, поди, с десяток?

Развлеченье для ребяток!

Крена, заметив, что её ребяташки прибежали посмотреть на застрявшую на заборе бабу, шуганула их прочь.

Крена: Ну-ка, живо, детвора,

Скройтесь в дальний кут двора!

Увидев засевишую на изгороди Кульбачиху, Силовна залилась дребезжащим смешком.

Силовна: Ой, держи, помру до срока!

На заборе как сорока

Угнездилась и сидит!

Миньша: Дак не всякая родит,

У которой брюхо бочкой.

Силовна: Юбка, видно, с оторочкой:

Пышная да сборчатая,

Снизу вся узорчатая!

Миньша: А теперь узор сквозной.

Очень ладно в летний зной!

Проезжавшие мимо на высокой пролётке двое посадских мужиков, а это были кумовья и одновременно свояки, женатые на двух родственницах Сидорий и Евлам, огорошенно уставились на презабавную картину: сидящую на заборе Кульбачиху с разломаченной метлой в руке. Волосы у бабушки растрепались, чепец сбился на ухо, лицо исказилось гневом. Всё это делало почтенную, можно сказать, благочестивую старушку похожей на бабу-ягу.

Евлам: Погляди-ка, кум Сидорий,

Кто там виснет на заборе?

Ну-у, хана тем подолам!

Сидорий: Кульбачиха, глянь, Евлам,

Машет в сторону дедка.

Не достанет с далека!

Евлам: Эти ссоры Кульбачей —

Прям услада для очей!

Дед, старушке подмогни!

Сидорий: Неудобно, кум! Стегни,

Да поехали отсель.

Евлам: Во, забава! Карусель!

Сидорий: Столько силушки отколь,

Раздери её куколь⁴?

Евлам: Нет, ты погляди!

Сидорий: Евлам,

Чё глядеть? Опять бедлам!

Им Ерось не даст подраться.

Евлам: Но дозволит наиграться!

Сидорий понукнул сытую лошадку, и кумовья не спеша поехали дальше, оглядываясь на двор, где продолжалась громкая ссора.

Кульбачиха: Дайте мне сничтожить гада!

Кульбач: Не пускает что ль ограда?

Подолишки распусти,

Дунь шибчее и лети!

Кульбачиха: Это ты специалист!

⁴ Куколь — башлык, наголовник, капюшон.

Так поддашь – трепещет лист!

Еросим: Ну, зачем же эдак бурно?

Выражайтесь всё ж культурно.

Кульбач: При совместном проживании

Появляются названья

Очень нелюбезные,

Вовсе не помпезные.

Кульбачиха: Будет деду щас культура,

Да пощипанная шкура!

Кульбач: Помолчала б, грешница,

Старая перёшница!

Где уж бабке быть учтивой!

Родилась на свет строптивой.

А теперь хоть сколь перечь.

Не сумел тогда стеречь.

Волной волюшкой блудила,

Да романы заводила!

Кульбачиха: Сам гуляка, чтоб ты сдох!

Язычище б твой отсох!

Извалял, злодей, в грязи!

Кульбач: Ты метёлкой не грози!

Извалял! Дак грязь – не сало!

Как засохла – так отстала.

Да прикрой хоть рваньё ляжки!

Отправившийся на ярмарку местный обыватель Терестин ещё издали увидел засевиую на заборе Кульбачиху, а подъехав поближе, расслышал и взаимные оскорбления Кульбачей.

Терестин: Вот вам, снова забавляшки —

Не стихает вечный бой!

Дед присел за городьбой,

Бабка на колу торчит,

Непотребное кричит.

Чем её уел дедок?

Он теперь уж не ходок!

Знать, давнишние грешки

Пучат старой потрошки.

Что за ревность в их лета?

Это просто смехота!

Терестин не спешил проезжать мимо. Кульбачиха же переживала очередной приступ ярости.

Кульбачиха: Доберусь до охламона!

Терестин: Нет на бабку угомона!

Юбка в дырках до свеченья,

А супругу – развлечение!

Это зря он бабку злит.

Ведь дождётся, та вспылит

И обратно за толкушку

Да за дедову макушку.

Зрители со всех сторон:

Нила ловит ртом ворон,

Миньша, хитрая лисица,
Взгляд отводит, но косится.

Оглядываясь по сторонам, Терестин увидел, что не он один любит «сражением» Кульбачей. За происходящим спектаклем наблюдали Нила с Миньшей, а из-за забора заднего двора Еросима выглядывала ещё чья-то голова.

Терестин: Это кто же там? Юстин?

Вилизар: Эй, здорово, Терестин!
На спектаклю загляделся?

Терестин не заметил, как его нагнал другой посадец – лавочник Вилизар.

Терестин: Сам куды так приоделся?

Вилизар: Дак на ярмарку, куда ж.
Сидя сиднем, не продашь!

Кульбачи опять шумели?

Вот привычку заимели!

Терестин: Эти безобразия
Для разнообразия.

А иначе жизнь скушна,

Как порожняя мошна.

Что до неприличия —

Дед лишён двуличия.

Вилизар: Но при том актёр отменный!

Терестин: Как и бабка – страж бессменный.

Вилизар: Старики – они ж как дети:

Их рассудок не в ответе.

Терестин: Из торговли в торг ты прёт?

Вилизар: Лавка и меня дерёт:

Закупи, перепродай,

Заплати, на лапу дай.

Терестин: Знаю! Сам крутился мутно.

Ну-у, поехали попутно!

Зацепившись разговором о премудростях коммерческого предприятия, Терестин и Вилизар поехали дальше. А Кульбачиха, оказавшись, наконец, на земле, ничуть не успокоилась и продолжала устало прыгать возле забора, пытаясь достать деда колючей метёлкой. Тот же, специально дразня супругу, то приближался к забору с другой стороны, то отскакивал. Казалось, что старики уже выдохлись, и сама ссора утратила прежний накал, но Кульбач всё никак не унимался, видимо, замышляя ещё какую-то пакость для кульминации. Силовна с Миньшей продолжали любоваться на соседские выкрутасы.

Силовна: Нет, ты глянь! И смех, и грех!

Весь подол уж из прорех.

А смогла бы – исказнила!

Миньша: Пуст орешек! Шутки, Нила!

Не куснуть пчеле пчелу!

Расхлобыскала метлу,

А до деда не достала.

Силовна: Всю как есть поисхлестала.

Как у них недружественно!

Миньша: Но, однако, мужественно

Оборону держит дед!

Даже на кол не одет!

Не теряет он лица.

Силовна: Хорошо глядеть с крыльца.

А поблизости – чай, страх!

Миньша: Страх, когда обвал в горах.

Камнепад совсем не тот,

Что насыпан у ворот.

С-под копыт – земельный ком.

Если пыль лежит вершком —

То припудрит в тот же слой.

Поединок их незлой.

Нету озверения,

Больше придурения.

Не «терявший лица» и занозистости Кульбач продолжал хорохориться, а Кульбачиха яриться или просто демонстрировать это чувство. Крена с Еросимом в полной растерянности топтались у пролома в заборе, не позволяя сблизиться распоясавшейся чете Кульбачей. Они то начинали смеяться, то пугались, что бабке всё-таки удастся дотянуться до деда.

Кульбачиха: Как посмел такое брякнуть?

Дайте мне паршивца шмякнуть

По спиняке охламона!

Кульбач: Драки нонче вне закона.

Коль дошла ты до битья,

Нарушается статья.

А за это светит срок.

Заберут тебя в острог.

А потом на склоне лет

Волчий выпишут билет

За твоё рукоприкладство.

Допускается злорадство

В виде шуток незатейных,

Аль каких затей шутейных.

Кульбачиха: Пусть бы чёрт с тобой шутил!

Сколь ты кровушки попил!

Чтоб те пить, да захлебнуться,

Чтоб уснуть, да не проснуться!

Кульбач: Дак такой конец – подарок!

Комплимент твой больно жарок

От любви ли, от вины?

Разобраться мы должны.

Поддержи меня, Еросим.

Щас мы с бабки строго спросим.

Бабка, в злобе не дрожи

И метёлку положи.

Не твоё имущество.

И своё могущество

У себя распространяй.

Кур соседских не гоняй!

Перестанут ведь нестись.

Будет прыгать-то! Окстись!

И чего старуха скачет,

Злобный норов свой артачит?
Вы видали кобылицу?
Раскудрит тя, рукавицу!

Кульбачиха, наконец, поняла, что это опять очередной дедов розыгрыш с желанием повеселить соседей. Внезапно вспыхнувшая злость постепенно улетучилась. Кульбачиха огрызалась скорее по привычке. Тем более ей было не привыкать изображать попанную добродетель.

Между тем дед не унимался. Приходилось подыгрывать, и ссора стала похожа на безмерно затянувшийся спектакль. После очередного бабкиного наскока, Кульбач сам метнулся на забор, как бы спасаясь. Бабка тут же выдала частушку.

Кульбачиха: Это разве не позор:

Взвился заяц на забор
И залился петушком,
Спутав курицу с горшком.

Кульбач: До чего ж ты склáдная!

Как шинель парадная.

Ордена навесила

И закуролесила.

В полнолуние рождена?

Еросим: На мундирах ордена.

Либо к саблям прилепляют.

Кульбач: На метёлки не цепляют?

Чтобы орден, да с мечами!

Еросим: Ой, беда мне с Кульбачами!

Ордена – не гири всё-тки!

Вы бы смолкли посередке,

Чтоб скандал не утворить.

Мне опять же вас мирить.

Старики, не отягощённые домашними заботами, могли переругиваться до бесконечности, но Еросим на сей раз не располагал таким временем, а завтрашний отъезд на ярмарку требовал серьёзной подготовки. Поэтому ему хотелось как можно скорее закончить надоевшую комедию, примирив Кульбачей.

Кульбач: Ссора ссорой. Следом мир.

Хоть худой и весь из дыр,

Только, знаешь, примиренье

Слаще мёда и варенья.

До зубовой ломоты!

Я не перейду черты.

Это бабка вон ершится —

Вшой в коросте копошится!

Кульбачиха: Сам-то хуже въедлив, дед.

Лысой маковке привет

Передать охота палкой.

Кульбач: Не скачи, старуха, галкой,

А ходи степенно павой.

Вот тогда и будешь правой!

Дальше следовала частушка, сопровождаемая кривлянием Кульбача.

Кульбач: Дятел, красненький берет,

Ты открой-ка нам секрет,

Чё ты долбишься, стучишь,
Не щебечешь, ровно чиж?

Если дом Ефтея был за задним двором Еросима, то скорняжница Светлина проживала по одному порядку с гончаром, то есть её дом был третьим при въезде.

Светлина была женщиной нестарой, но уже овдовевшей. Она тоже готовилась к поездке на ярмарку, отложив горкой шубы и полушубки. Ехать Светлина намеревалась с детьми: шестнадцатилетней Милорáдой, да с сыном Лёкстой, который был младше сестры где-то года на три с хвостиком. Других помощников у вдовы не было. Домовничать же Светлина оставляла старую тётку Улисию, или Улиту, как её звали на Посаде, попросив старушку пожить у них, пока хозяйка в отлучке. Обе женщины, припав к окну, смотрели на Кульбачихины манёвры.

Улита: Всё шумят два заполоха?

Вместе тесно, врозь им плохо!

Так и шарабoryтся?

Светлина: На потеху ссорятся.

Оба ж языкастые,

Только не клыкастые.

Прикусить язык-то нечем!

Улита: Коль друг друга не скалечим —

То народ повеселим!

Дед-то скользкий, как налим.

Бабка шустрая – как пуля!

Светлина: Ихни драки, тётя Уля,

И на драки непохожи.

Улита: Бабка лезет вон из кожи,

Чтоб до дедушки добраться.

Часто им случалось драться?

Светлине не хотелось сплетничать о соседях.

Светлина: Хоть старушка грозная,

Драка несурьёзная.

Улита: Всю метёлку испластала!

Жаль, до деда не достала!

Светлина: Ладно, дел-то вон – гора!

Выезжать хочу с утра,

Как повозку загружу.

Щас тебе всю обскажу,

Где чё есть да где чё взять.

Улита: Ох, как нужен новый зять,

А тебе, Светлина – муж!

Тяжело, вцепившись в гуж,

На себе весь воз переть!

Светлина сделала вид, что не поняла тётушку Улиту.

Светлина: На себе? С ума сдуреть!

У меня лошадка есть.

Я на воз могу присесть

И катиться, как царица.

После смерти мужа, Светлина не избавилась от лошади по слёзной просьбе подрастающего сына Лексты.

Улита: О-о, с судьбой нельзя мириться!

Мужика себе ищи.
За узду – да в дом тащи!
Успевай, как молода!
Отойдут твои года.

Силовна уже полностью насладилась увиденным и ждала логического завершения спектакля. Миньша бесстрастно взирал на двор соседей.

Миньша: Нешто выдохлась вояка?
Норовом-то забияка,
А года уже не те.
На последней, чай, версте!

Силовна: Годы-то своё берут!
Жаль, не слышно, чё орут.

Миньша: То тебе не слышно, Нила.

Силовна: А тебе? Молчишь, вреднѣла!
Вся измаялась жена!
Расскажи: с чего война?

Миньша: Во, нашла с кого спросить!
Без косы пошла косить!
Я тебя хуже глух,
У тебя острее слух.

На берёзе вон сороки
Распроведают пороки,
По Посаду полетят,
Всех вокруг оповестят.
Дак дойдѣт и до тебя.

Силовна: На мякину отрубя
Поменять немудрено!
Издеваешься? Смешно?

Миньша: Ох, запрячу шас метѣлку!
Поменять одѣр на тѣлку —
Вот задача Пихвагору!
Сам везѣшь салазки в гору,
А обратно едешь скоро!

Силовна: Где ты видел пихтагора?
Аль на горках пихты тут?
Лишь ольшаники растут,
Да орешник вперемешку.
Говоришь порой в насмешку!

Миньша: Ну, дак смейся, веселись,
Шутке радуйся, не злись!

Кульбачиха продолжала лениво помахивать метѣлкой, но уже без прежнего энтузиазма, мечтая лишь об одном, чтобы дед выдохся первым.

Кульбачиха: Хоть ты кол на нём теши,
Хоть в крупу его кроши,
На своём стоит, как пень!

Кульбач: Задался сегодня день!
Ну, а к вечеру, однако,
Добрая назреет драка!
Прибаутки до обеда,

Следом вострая беседа.
А потом, как соберёмся,
Непременно подерёмся!
Еросим: Драки только не хватало!
Аль вас жизнь не укатала?
Кульбач: Жизнь нас покорёжила,
Норов приумножила,
Силы поубавила,
На бобах оставила.

Ссора, как и предвидел Миньша, непомерно затянулась, и Кульбачихи уже надоело ругаться, а огрызалась она, скорее, для вида, не зная, чем закончить «спектакль». От ярости не осталось и следа, но, чтобы не разочаровать соседей, бабка продолжала «воевать».

Утомлённая бессмысленной игрой, Кульбачиха желала одного: максимально достойно завершить представление, повергнув «подлого лжеца» и возвысив свою репутацию, либо, обратив всё в шутку, посмеяться над блажью выжившего из ума старика, либо какой-нибудь острой репликой заставить деда пойти на попятную.

Если бы обвинение деда прозвучало, когда старики были наедине, бабка бы попросту проигнорировала такую чушь, отмахнувшись от деда и его привычной похабной болтовни. Либо конфликт был разрешён одной-единственной хлёткой фразой: «Сам ту ночь подрых бревном, переполненный вином. Дак тебя хоть в сок макни, хоть в дерьмище окуни!»

Ругань между стариками вроде бы сошла на нет, но Кульбач не спешил сдавать позиции, имея в активе ещё один козырь.

Кульбачиха: На бобах ли, на горохе,
Ты бы поунялся трохи.
Ведмедяку грусть берёт —
Он кору с дерев дерёт.
Кульбач: Так тебе и подчинюсь!
Лучше с чёртом породнюсь!
Кульбачиха: Породнишься? Сам, как чёрт:
Тот же вид и тот же сорт!
Кульбач: Коли с чёртом ты живёшь,
То сама ты, бабка, кто ж?
Крена: Нечисть-то вплетать к чему?
Вдруг поселится в дому.
Еросим: В доме правит домовой.
Кульбачиха: Деда хватит мне с лихвой!
Вот уж нечисть – поискать!
Кульбач: Иглы некуда втыкать!
Ты не баба, а колючка!
Чёрт я добрый. Ты же – злючка!
Глянь чё, разбижена!
Истиной пристыжена?
Я тебя утешу, бабка!
Сохранилась энта тряпка.
Заметив недоумение на лицах окружающих, Кульбач победоносно продолжал.
Кульбач: Доказательства храню.
Лично сам пробил «броню»!
То ль нарочно, то ль со страху
Берегу твою рубаху,

Как залог невинности,
Отслужив повинности
Новобрачного супруга.
Поначалу было туго!

Кульбачиху больше смутил разговор про рубаху новобрачной, чем предыдущие обвинения в блуде. Если там она выступала в качестве «актрёрки» то теперь без всякого притворства на щеках старушки сквозь старческую желтизну пробился некий размытый румянец.

Кульбачиха: Старый пёс! Защёлкни пасть!
Чтоб тебе совсем пропасть!

Кульбач: Я вторым, вслед за тобой.
Не могу наперебой.

Провожу тебя достойно
И откинусь, чтоб спокойно
Вознестись на небеси.

Кульбачиха: Локоток свой укуси!
Не видать тебе небес!

Полетишь к чертям ты, бес,
Прямиком на сковородку
За грехи твои, за водку!

Кульбач: Речи с похвалёжкой
Не схлебаешь ложкою.

Речи с оговоркою,
Как сухарик с коркою,
Что и зуб их не берёт.

А уж горло так дерёт!

Кульбачиха: Чтоб те жрать, да подавиться!

Кульбач: По ночам ведь стану сниться.

Лучше, бабушка, не каркай,
Чеботком в сердцах не шаркай!

Кульбачиха то ли действительно, то ли притворно зашмыгала носом. Крена взялась хлопотать вокруг неё.

Кульбач: Поминала бабка деда

От обедни до обеда,
От завалинки до кадки,
От макушки до заплатки,
От забора до овина,

А уж дальше нет помина.

Крена, капни бабке капель!

Пусть прессует свой кружапель⁵,
Не вертается пока.

Мне-то тоже полглотка

Надо б для прочистки глотки.
Истомилось всё в серёдке.

Крена поспешила увести разобиженную старушку к себе в дом, дабы утешить чаем. Миньша, разумеется, слышал, о чём ругались по соседству, но не спешил посвящать супругу в тонкости Кульбачёвских разногласий. При упоминании о рубашке невесты, он хмыкнул и покачал головой.

⁵ Кружапель – сорт плоских яблок.

Силовна: Во, до слёз довёл, злодей!
Леший, старый берендей!

Миньша: Бабка плачет, что устала,
Но до деда не достала.

Силовна: Прям там! Стала бы рыдать!
Кульбачу не долго ждать!
Вот придёт, как свечереет,
Снова чем-нибудь огреет.
Утварь вся тяжёлая.
А башка-то – голая!

Миньша: Хоть финал они сгустили,
Занавес уж опустили.
Всё – закончен бенефис!
Нет повтора, чтоб на бис.
Вот такая тут развязка!
Жизнь, порой, страшней, чем сказка!
Человек – не бог! Не вечен,
Внутренне небезупречен.
Боль и в старости больна.
Не испить ли нам, жена,
Чаю с мёдом, с каймачком.

Силовна: Ну а чё торчать торчком?
Представленье отыграли.
Хоть не знаем, чё орали,
Дак какая нам нужда?
Энто ихня вражда.

Миньша: Ясно дело! Хата с края!
С любопытства-то сгорая,
Можно душу опалить.
Тот костёр уж не залить!

Миньша вошёл в дом, чтобы распорядиться насчёт чая. Силовна осталась на крылечке в надежде увидеть ещё что-нибудь стоящее. Еросим тоже поднялся и отправился к сыновьям в подмогу.

Силовна: Во, Ерось покинул пост.
Покинувший пост Еросим, сокрушённо качая головой, прошёл на свою террасу.

Еросим: Битый час, как псу под хвост.
Те скандалят, не спеша,
Тут – дела, горит душа!
Дед щас – хлоп и на кровать!
Мне ж товар упаковать.
Если всё ладком лежит,
Не гремит, не дребезжит,
Довезётся в целости.
А при неумелости
Аль при спешке да галопом,
Снарядившись остолопом,
Лишь осколки доведёшь.
Локоток кому сгрызёшь?
Выгода обещана.

Скол, щербинка, трещина
Продырявят кошелёк.
А до места путь далёк!
Ну, хоть те уgomонились!
Мы-то с ними уж сроднились,
Потому их жаль до слёз.
Дед от старости белёс,
Но такое вытворяет!
Бабка где-то день шныряет,
А сойдутся – рать на рать!
Нам же – время даром трать!

Затянувшаяся ссора Кульбачей вдруг представилась гончару миниатюрной моделью, демонстрирующей самую сущность долгой супружеской жизни этих двух безродных стариков. Казалось, что отсутствие детей и внуков делало их жизнь бесцельной, никчёмной, лишенной радости и смысла, а потому наполненной всякими взаимными неудовольствиями. Так, во всяком случае, представлялось многодетному Еросиму. Но разве можно было судить за это стариков? Нет! Только жалеть! Однако Еросим и знать не знал, что Кульбачи затевают ссоры не от собственной скуки, а исключительно для ублажения соседей. Сами они скучать и хандрить не умели, вернее научились разнообразить своё бытие и развлекать себя по собственному вкусу. Спровоцировав ссору, Кульбач нередко потом сам попрекал бабку, что та чересчур рьяно реагирует на невинные шутки, пугая соседей.

Кульбачиха: А терпеть такое можно?

Кульбач: Показушно всё и ложно.

А неправдошное чувство —

Как фальшивое искусство.

Поталантливей старайся.

Кульбачиха: Сам, смотри, не заиграйся!

Подцеплю щас на ухват!

Кульбач: Да, не бис и не виват!

Оставшись в одиночестве, Кульбач заметил любопытствующий взгляд соседки и покричал ей через улицу.

Кульбач: Как здоровье, Нила-Сила?

Всё узрела, всё вкусила?

Силовна: Ой, да больно было надо!

Тут у нас своя ограда.

Кульбач: Ниловна, следи зорчей,

Чё и как у Кульбачей.

Можешь чё-то пропустить —

И себя же не простить!

Рассердившись, Силовна поспешила скрыться в доме.

Оставшись один, Кульбач разразился длинным монологом, затем принял решение, что ему пора себя взбодрить, ибо разыгранный спектакль утомил старика.

Кульбач: Жизнь идёт своим течением:

Развлеченье с огорченьем.

Ну-у, коль высший суд решён,

Приговор провозглашён:

Раем дед отринутый,

В ад навечно кинутый —

Это дело надо вспрыснуть,

Чтоб и вовсе не прокиснуть!
Чарка просится в десницу,
Раскудрит тя, рукавицу!
Нет препятствий больше деду.
Чарка ценится к обеду,
Как и ложка – вот в чём соль.
Тем красна моя юдоль.
Я изведаль досконально.
Хоть, конечно, персонально
Каждый к этому придёт —
Понимание найдёт,
Постигая истин суть.
Коли нет – не обессудь!
Тут — дано аль не дано.
Если уж обойдено —
Лапки кверху и смирись!
Знать не надобно. Утрись!
Пусть старуха кóсится,
А душа-то просится.
Вот кто мой руководитель,
А не бабка – старый бдитель!

И Кульбач, прислушавшись к внутренним желаниям своего организма, поспешил к дому, припадая на повреждённую ногу.

Кульбач: Как говаривал сам Пушкин,
Наливая для старушки:
«Выпьем с Богом. Так милей!
Сердцу станет веселей!»
В размышленьях день пройдёт.
День за днём слагает год.
Кап, да кап – полна баклага.
Есть спасительная влага,
Что расцвётит бытиё.
Очень нужное питьё!
Вот она моя заначка!
Не нарыла, знать, варначка!
Ишь, не конхвисковано!
Оставлять рискованно.
Если старая найдёт,
На растирки изведёт.
Изымает подлый страж!
Только пойло и фураж
У меня всегда найдётся
И по делу изведётся.
Да, Кульбач не лыком шит!
Бабкин умысел смешит!
За неё и хлобыстну́.
Щас вот капельку плесну...

*Дома Кульбач вытащил откуда-то из потаённого места бутыл с мутным содержи-
мым и примостился с ней к столу.*

Кульбач: Догорай моя лучина.

Вместе с ней печаль-кручина

Стлела до огарочка.

Где ж ты чудо-чарочка,

Долгих дум свидетельница?

Здравствуй, благодетельница!

А спустя какое-то недолгое время из дома послышалось пение Кульбача.

Кульбач: Я по горенке пройдуся, скрипну сапогами.

Я милашечку дождусь, запляшу кругами.

Взлетел петушок

На забор, на горшок,

Истоптал все крынки,

Не купить на рынке.

* * *

Посад был чистеньким ухоженным крошечным городком. Прямо город в табакерке, как говорили проезжие остряки не будучи большими оригиналами. Жизнь протекала размеренно с периодическими встрясками уездного масштаба. Жители знали друг друга с детства и были достаточно осведомлены обо всём, что творилось в семьях соседей и не только, а благодаря местным словоохотливым кумушкам любая незначительная новость превращалась в событие, обсуждаемое горячо, со всеми подробностями, не все из которых соответствовали происходящим реалиям.

Сплетничать, судачить да перемывать друг другу косточки было излюбленным занятием образцовых посадских хозяйшек. Мужчины на такое пристрастие своих жёнушек смотрели с неодобрением и даже с показным возмущением, но радикальных мер, как порой обещалось в порыве гнева, не принимали до тех пор, пока не возникала угроза большого скандала. Забот у них и без того было предостаточно, однако иногда какой-нибудь муж, видимо, истосковавшись по семейной сцене, самолично начинал изводить жену, заинтриговав услышанными невероятными известиями либо придумывая шутку-небылицу.

Жена: Чё там слышно на Посаде?

Муж: Ничего к твоей досаде.

Прям в истории дыра!

Случай был, дак то ж вчера.

Жена: А вчера-то чё случилось?

Муж: Ну дак девка обмочилась!

С коромыслом шла, уснула,

На подол водой плеснула!

Дед Кульбач, как-то обсуждая с заезжим гостем нравы и пристрастия местных дам, характеризовал их весьма своеобразно.

Кульбач: Да, буквально все повально

Рассуждают гениально.

Гость: Очень утончённые!

По всему – учёные.

Столь ума здесь в каждой даме!

Видимо, гость не уловил иронии в словах Кульбача и принялся расхваливать местных сударынь, стараясь лестью угодить старику, за что получил в ответ нечто вроде отповеди.

Кульбач: Не умом крепки, задами

Наши здешние бабёнки.

Это как в худой избёнке:
Изо всех углов сквозит.
А процесс, что исказит
Назначение в нём самом,
Можно ли назвать умом?

Перегруженному бабкиными новостями Кульбачу постоянно приходилось вразумлять свою Кульбачиху, призывая не портить добропорядочным посадкам жизнь, разнося из дома в дом сущую нелепицу о вполне достойных людях. Кочующая по целым дням из одной женской компании в другую, бабка, дабы оставаться интересной и желанной гостьей для приятельниц, таскала туда-сюда разные слухи, за что получила от деда прозвище «сплетненосец». Он так и заявлял: «Закрепить пора „проносец“, немолчный сплетненосец! До чего ж худые шторки – так и свищет без касторки!»

Кульбач: Ты во всём увидишь шашни!
Часовым садись на башне,
Чтоб за всеми надзирать.
Но порочить и марать
Никого не смей! Уймись!
Нет огня, и не дымись!

Тем не менее деду, хоть редко, но приходилось утрясать конфликты, когда кто-нибудь из посадцев, попавших в сети бабьих сплетен, приходил разбираться с Кульбачихой, выясняя, не она ли является источником порочающих его слухов. Возможно, автором очередной сплетни была не Кульбачиха, но разносчиком, безусловно, она, в чём дед ни минуты не сомневался. Кульбач горячо успокаивал разобиженного гостя, убеждая, что это недоразумение и недопонимание произошло от природной болтливости и наследственной тупости его старухи, которая к тому же ещё и глуха, как тетеря: «Та ж по бездорожью прёт: не дослышит – так доврёт! У змеи язык раздвоен. Но побьёшь – не станешь воин! Только слово я сдержу: как вернётся – накажу! А каков будет наказ? – придушу, и вот весь сказ!».

После дедовых страстных уверений, что он сегодня же, наконец-таки, разделается со старой интриганкой, гостью ничего не оставалось, как встать на защиту старухи, высказав предположение, что, возможно, не только она и не столько она виновата в возникшем недоразумении.

Кульбач: Ну, конечно же, она!
Старой грешницы вина!
Ведь тупая же – пень пнём!
Мы щас сплетни развернём
Да старуху опорочим.
Заслужила, между прочим!

Усадив обиженного гостя за стол, дед, как обычно, от души угощал пострадавшего, на чём свет стоит «чествуя» свою болтливую супругу и всех её товарок.

Кульбач: Хоть у бабки слабый слух,
У неё отменный нюх:
Всю разнохать здоровá!
А права ли, не права —
Это бабку не заботит.
Столь, бывало, наворотит!

Выпив с дедом стопку, гость, расслабившись, успокаивался и из обиженного и пострадавшего превращался в лучшего друга Кульбача.

Гость: Дак в рассказ без преукрас
Хуже верится как раз!

Кульбач: А, когда враньём оформишь,
Всё за милу душу скормишь?

Гость: Дак у баб свои сужденья.

Кульбач: А моя притом с рожденья

Любопытна сверх предела:

До всего паршивке дело,

Дабы было что судить —

«Городушки возводить»!

Чтоб она весь день икала!

Гость: И моя не ускакала

От твоей и от других.

Нет у них речей благих.

Кульбач: Тарахтелки-таратайки!

Не сыскать от них утайки!

Брежут так — куды с добром!

«Гроыхать пустым ведром» —

Перво дело у судар.

Новость им, как скапидар,

Добавляет резвой прыти.

А утопнуть и в корыте

Можно, если ты слабак.

Плюй, сынок, на тех собак,

Коль не можешь врезать в харю.

Хошь, я сам свою ударю?

Костылишком приласкаю

Аль за космы оттаскаю!

Думаешь, что хвастовство!

Нет, пора мне во вдовство!

Однако, когда к Кульбачам появился Дробогор, чтобы как следует разобраться с главной сплетницей Посада, дед малость струхнул и в то же время порадовался, что самой бабки в это время не оказалось дома. Как уже упоминалось, отказавшийся от женитьбы, а следом внезапно утопший жених дочери Дробогора Вассианы, натолкнул посадцев на мысль, что это трагическое обстоятельство могло произойти при непосредственном участии оскорблённого родителя. Поэтому Дробогора побаивались, и даже категорически не верящий в подобную чушь Кульбач поначалу оробел. Выслушав претензии Дробогора, дед разразился гневной речью.

Кульбач: Вот паскуда, тараторка!

Понеслась хлестать касторка —

Подолы не отстирать!

Хошь старуху покарать?

Скоко душенька желает!

Если гнев в тебе пылает,

Ты не просто обвиняй:

Дай старухе нагоняй!

Дробогор: Я желал бы объясниться.

Кульбач: Объяснялась бы синица,

Почему зерно склевала.

Потому что не зевала!

Сам с ней маюсь сколь годов!

Клятый был на сто рядов.

А тебе терпеть к чему?
Отхайдакай ту куму!
Коль умишком куцая,
Значит, экзекуция!
Нешто не заслуженно,
Если обнаружено
Преступление, как навет,
Да с оглаской в целый свет?
Дробогор: Да, у сплетен востры когти.
Это ж – как ворота в дёгте!
Кульбач: Эх, скорей бы появилась!
У меня аж сердце взвилось,
Застучало, прям зашлось,
Лютым гневом налилось!
Я её засуну в дёготь!
Как посмела деву трогать
Подлым мерзким языком?
Отодрать его песком!
Нет, подумай, вот поганка!
Врёт, как дышит, интриганка!

*Кипя от возмущения и продолжая извергать обличительные речи, Кульбач молил Все-
вышнего, чтобы тот пощадил его старуху, подвернув какую-нибудь помеху и подольше задер-
жал у подруг.*

Кульбач: Сыне мой, в любом дому
Всяких бед по закрому.
В каждом тереме и хате
Наберётся по лопате.
Бабы здесь парадом правят:
Всё нароют, сверх добавят,
Свив глупцов и мудрецов.
Не связать потом концов!
Дробогор: Эти сплетни – чистый яд!
Весь Посад имя объят!
Кульбач: Просто изумительно!
Как они стремительно
С пустяка рождаются,
Тут же расплождаются.
И Посад как зачумлённый,
Сам себе же удивлённый.
Признаюсь тебе, моя
Найпервейшая змея!
Бабке сплетничать – за сласть!
Сдай в участок, чтобы власть
Под арест хоть заключила.
Пусть «поправку» б получила!
Я от бабки вне себя!
Та, по свету дурь трубя,
Испозорила вконец.
И глашатай, и гонец!

До чего ж дурная птица!
Всё летает, суетится,
Клюв держа наизготовке.
Вести сыплются к плутовке,
А как нечего клевать,
Можно слухи создавать!
Ну а чё, на голом месте
Буйным цветом лезут вести,
Да кустистые, рясные —
Прям былины записные!
Ведь ни разу за навет
Не пришлось держать ответ.
Хоть когда-то бы прижали,
В каталажке подержали
Да судом бы осудили.
Где уж там! Освободили
От ответственности баб.
Против них закон наш слаб!
Я буквально негодую.
Сам паршивку отмордую!
Ну, попляшет у меня,
Как я всыплю ей ремня!

Дробогор с сомнением посмотрел на тщедушного старичка. Он не меньше других был наслышан о ссорах Кульбачей, но говорилось как раз-таки о бабкиных расправах. Кипя праведным гневом, исторгая страстные монологи, дед суетливо накрывал на стол, разумно полагая, что такой нелёгкий разговор сподручнее вести под стопочку.

Кульбач: Ты, сынок, не сумлевайся.

Проходи, не разувайся.
Вместе бабку подождём
Да допрос ей проведём.
Приговор вслед огласим.
Можа душу оросим,
Чтоб она не так кипела?
Во, картошечка поспела!
Гля, капуста да с хренком!
Наливаем с бугорком!
Будет здесь у нас засада.
Это бедствие Посада
Вскорости домой причалит.

После первой стопки, Кульбач решил разжалобить суровую душу Дробогора, пожаловавшись на свою нелёгкую долю.

Кульбач: Что, сынок меня печалит?

Что моя всех баламутит.
Дак такого понакрутит,
Что не знашь куды деваться!
Чё в чужую жисть соваться?
В семьях всякое бывает:
Там хозяин выпивает,
Там хозяйка распустиха,

Тот – дурак, а та – тетёха.
Ну и ладно! Что с того,
Где, когда и у кого?
И кому какое дело?
И кого это задело?
И твоё ль это ума?
Своего не зрит дерьма,
А чужое все покажет,
Раскопает и размажет.
Дробогор: Сплетни – это гной с заразой!
Даве, слышал, Нонья с Азой
Тоже дочь мою судили.
Кульбач: Бабку что ль опередили?
Это вряд ли! Та главней,
И опасность больше в ней!
По товаркам пошлындрявит,
Им мозги накучерявит,
Ну а те и понесут
На посадский пересуд.
Верь, мой милый, Кульбачу!
Если врать не отучу,
То устрою воспитанье —
Уж такое испытанье,
Что чертям всем станет тошно!
Сам останусь беспоротно,
Но старуху, ту ягу,
Вместе с домом подожгу!
Дробогор: Ну, зачем же поджигать?
Кульбач: Ну а чё, кнутом стегать?
У неё в действительности
Нет уже чувствительности:
Мумия сушёная
Всяких чувств лишённая.
Лучше всё ж предать огню!
Дробогор: Чё ты выдумал фигню?
Кульбач: Пусть горит она огнём!
Щас старушку помянём,
А потом и подпалим.
Гнев мой крут, неумолим!
Хватит бабушке стареть.
Всё одно в аду гореть,
Пусть сейчас приноровится.
Не пора ль ей появиться?
Ты поможешь, Дробогор?
Нужен кол, а мож багор,
Чтобы двери подпереть:
Чтоб старушице гореть,
Не имея путь отхода.
Дробогор: Нет, такого, дед, исхода

Я б старухе не желал.

Кульбач: Сам ведь гневностью пылал!

Дак возьми её спали!

Ну, хотя бы осмоли

Как курчонка либо чушку.

Не жалею мою лачужку,

Как прибежище сплетней.

Всё паскудство сгинет с ней!

Сам сожгу как Галилея!

Я сейчас собаки злее.

Дробогор: Дед, ты бабку поругай,

Но уж дом не поджигай.

Ведь огонь не укротить

И назад не своротить.

Как займётся, заискрит —

Пол-Посада погорит.

Кульбач: Сжечь мож?

Дробогор: Боже упаси!

Ты супругу потряси,

Вразуми и напугай.

Хошь, кнутишком отстегай,

Хошь, кляни её, бранись,

Но уж спичек не коснись!

До самого ухода Дробогора дед был как на иголках, опасаясь несвоевременного возвращения супруги. Однако всё обошлось. Дробогор покинул чудаковатого деда если не полностью удовлетворенным, то достаточно успокоенным, как речами, так и выпивкой.

Соседка Крена видела, как гость покинул Кульбача. Спустя какое-то время во двор вошла Кульбачиха и Крена кинулась собирать для стариков что-нибудь из еды. Пока у деда гостил Дробогор, соседка не решалась сунуть нос в дом Кульбачей. Нагрузив блюдо, Крена отправилась к старикам. Подходя к дому, она услышала страшный грохот и истошные крики Кульбача. Однако, среди этого шума и крика бабкиных воплей Крена так и не уловила.

Крена: Боже, чё он там орёт!

И откель столь слов берёт?

Что там? – чёрт не разгадает!

Ажно в дрожь меня кидает!

Нешто быются смертным боем?

Ведь под крышку лет обоим!

Я ж разнять их не смогу,

За Еросей побегу.

Ох, как надо поспешать,

Убиению помешать:

Бабку, деда ли спасти.

Господи, не допусти!

И Крена опротясь бросилась к мужу в гончарню за подмогой.

А события в доме Кульбачей разворачивались следующим образом: для начала, чтобы хорошенько напугать и деморализовать бабку, дед устроил среди горницы настоящий погром. Прежде всего, отчаянно вереща и кляня супругу, Кульбач начал колошматить посуду, но после третьей тарелки, сообразил, что эдак оставит их с бабкой ни с чем, а потому перешёл на небьющиеся тяжёлые предметы, как то сковородки, ухваты, чугуны, табуретки и поленья

дров. При этом старик старался не причинить самой «виновнице» какого-нибудь вреда. При всём этом побоище дед, не переставая, орал как скаженный, выплёскивая на супругу целые каскады немыслимых обвинений.

Кульбач: Цыц, паршивка! Чучело!

Вон чё отчебучила!

Распроклятая ты тля!

Носит же таких земля!

За тот дёготь, за ту сажу,

Я тя дёгтем сам обмажу!

Чтоб ты дьявол забодал!

Нужен мне такой скандал?

Вот мерзавка, мать твою!

Я тя подлую убью

Либо хуже – четвертую!

А башку твою пустую

Брошу псам на обглоданье.

Добрым людям столь страданья!

Ох, мерзавка! Помело!

Чтоб тебя разорвало!

Чтоб тебя трясца трясла!

Чтоб коростой заросла!

Чтоб ослепла и оглохла!

Чтоб без покаянья сдохла!

Столь позора в старости!

Аж чешусь от ярости!

Аж бешусь до клекотанья!

Не твои ли стрекотанья

Вздыбку подняли волну?

Я те голову сверну!

Когда Еросим и Крена прибежали во двор Кульбачей, криков уже не было слышно. Пройдя в сени, через не плотно прикрытую дверь супруги услышали, как дед строго отчитывал бабку.

Кульбач: Тут уж, бабка, не до басен!

Тот мужик весьма опасен.

Наживёшь себе беду!

Где ловить тебя? В пруду?

Так что с этим не шути

И все слухи прекрати.

Накажи своим товаркам,

Чтоб в ту сторону ни карком,

Ни смешком, ни шепотком —

Никогда и ни о ком

Ни намёка, ни полслова!

Мало вам того «улова»?

И действительно, после этого Кульбачиха, а вместе с ней и другие горожанки, перестали шишукаться за спиной у Дробогора и если позволяли себе какое-нибудь высказывание по поводу Вассианы, то не на людях и с притворным сочувствием. А так как добропорядочные горожанки по-прежнему обожали сплетни, то и сами частенько попадались в подобные сети неправедных вестей. А тогда разразился скандал с выяснением правого и виноватого, причём доходило до небольшого дамского столкновения. В таких случаях мужья, не разбираясь в при-

чинах конфликта, полагая, что он надуман самими участницами свары, попросту грозились сдать своих обуреваемых гневом «супружниц» в полицейский участок. А, как уже упоминалось ранее, местные дамы к любому представителю власти относились с боязливым трепетом.

Да и что такое сплетни? Кого ими удивишь? Вполне обычное дело для общества, где слабый женский пол не настолько обременён и измотан работой, чтобы валиться с ног, а как раз-таки располагает достаточным временем для визитов и шатаний по базарным лавкам, при этом не слишком искушен образованием. Тем более, что это являлось самым задушевным занятием для любой дамской компании – вроде десерта к чаепитию. Так можно ли судить за такую мелочь прелестных посадских матрон? Ну, встретятся, ну, помогут кому-либо косточки, приятно отводя душу, да и разойдутся с миром, как это происходило в больших и малых городах, в крохотных деревеньках и сёлах необъятной России. Однако, как бы не так! Здесь всё было иначе. То есть запущенный слушок имел своё продолжение, развитие вплоть до финального разрешения.

Конечно, сплетни могли раздражать и даже отравлять жизнь, если на них обращать внимание. Ведь тот же Кульбач, который жил, можно сказать, с главной сплетницей Посада, обалдев от очередной бабкиной весточки, при этом стараясь сохранить приличный тон, только кричал и удручённо качал головой: «Бабы-сочинители, врак распространители, тут и обвинители, и молвой казнители! Бабка, если ты виновна, накажу тебя бескровно через отравление. Изведу явление, заразившее весь люд. Я, взбесившись, крайне лют, что собою не владаю. Сколь шио звонить „валдаю“?».

Ничуть не пугаясь дедовых обещаний, Кульбачиха всякий раз отвергала свою причастность к авторству: «Гляньте вам: предостерёг! В честь чего в меня упрёк? Люди добрые скажи и притом не обяжи новость в тайности хранить. Дак за что меня казнить?». Если же в результате бабьих сплетен опять возникали сложности в каком-либо семействе, пусть не такого масштаба, как в случае с Дробогором, Кульбач чихвостил бабу по-настоящему.

Кульбач: Бабка, за своё паскудство

Налетишь на экзекутство!

Всякий слух назад аукнет,

А обхаянный – пристукнет,

Укокошив за навет.

Лучше смолкни – мой совет!».

Сосед Еросим в таких случаях только посмеивался.

Кульбач: Виноваты бабы сплетни.

Вред от сплетен многолетний.

Как запустят «шептуна»,

И ищи, кого вина.

Эх, вы, сени мои сени...

Не найти иголки в сене,

Хоть весь стог перелопать.

А случись в стогу том спать,

Задним местом вмиг найдёшь!

Еросим: Да, найдёшь, когда не ждёшь!

Тут хоть всех перетряси

И любую допроси,

Не отыщется истока

Мутной мерзости потока.

Виноваты все гуртом,

Кто рождён с болтливым ртом.

Кульбач: Бабы действуют по-свойски.

Бабка правит в энтот войске.

У старушницы вестей

На десяток волостей!

Еросим: Ясно, бабы растрещали!

Бьют картечью, из пищали

Без прицела, как придётся,

Но без промаха!

Кульбач: Дождётся

Энта старая карга!

Выглажу без утюга.

Еросим: Как же?

Кульбач: За её шу-шу

Я её же придушу!

Еросим, с сомнением поглядывая на расходившегося старика, не мог удержаться от смеха, ибо в соседских сражениях обычно верх брала Кульбачиха. Стоило старушке вооружиться какой-нибудь утварью, как дед сдавал позиции без боя, заявив: «С бабой драку учинять – честь мужчинскую ронять!».

Еросим: Дед, ну хватит уж смешить!

Тут полгорода душишь!

Кульбач: Бабам сплетни – что конфеты!

Их разносят, как стафеты⁶:

Постояли у плетня,

И пошла гулять сплетня!

Под прицелом ежечасно.

Поздороваться опасно.

Слухами весь свет раздут:

И сведут, и разведут.

Еросим: Чё их слушать, тех свистушек?

Кульбач: Надавать что ль колотушек?

Еросим: Ссоры, столкновения —

Нет обыкновения

Ссоры дракой завершать.

Кульбач: Старой надобно внушать

Уложенья этикета.

Жизнь моя – есть жизнь аскета.

Я вообще неприхотлив.

Еросим: Но до драчек не пуглив!

Кульбач: Не пуглив, но избегаю.

В этом мудрость постигаю.

Ссоры не без поводов.

На коров от оводов

Нападает одуренье,

Но они на примиренье

Почему-то не согласны.

Наши ссоры не напрасны.

Если в ссоре чувства злей,

Пышет жар, как от углей,

⁶ Стафеты – телеграммы.

Примиренье будет слаще.
Надо ссориться почаще!

Вот так всегда: о чём бы не заходил разговор, в конце концов, дед сводил-таки его к любимой теме – их с бабкой беспокойной семейной жизни.

Однако вернёмся к сплетням. Возможно, мужчины были бы более снисходительны к столь невинным и безобидным развлечениям своих жён, если бы не регулярные бури и потрясения, случавшиеся в столь тихом городке, и, слава Богу, что покамест не случилось настоящей трагедии. Но неприятности бывали и довольно ощутимые, как то разлад назначенных свадеб, спровоцированный многолетний внутрисемейный конфликт либо возникшее холодное отчуждение до полного разрыва отношений между близкими родственниками.

Прежде, чем продолжить основное повествование, хочу Вас познакомить с некоторыми жителями Посада, которые в дальнейшем могут встретиться в одной из моих историй в качестве главных либо второстепенных героев, а также с местными нравами и посадским образом жизни.

Хозяин кузнечных цехов Прокша, жена которого не меньше прочих любила послушать сплетни, но никогда не ввязывалась в скандалы, жизнерадостно похихатывал над другими «счастливыми», поясняя аптекарю Немчутке, что если бы все склоки имели под собой вескую причину для шумных ссор и даже драк, то Посад был бы самым тихим городком на свете, потому как скандалить было бы попросту не из-за чего.

Прокша: Баб трясёт любой пустяк.

Вмиг для битвы поднят стяг!

А в причины кто б вникал,

Коль без них такой накал?

А когда уже причина,

Без полиции, без чина

Их вовек не примирить.

Немчутка в силу своего происхождения или воспитания не мог понять горячности русской натуры, полагая, что в семье главное слово должно оставаться за мужчиной, хозяином дома. Удел супруги ограничивался кухней, присмотром за хозяйством и домочадцами. Аптекарь довольно хорошо говорил по-русски, лишь слегка приглушая звонкие звуки.

Немчутка: Объяснить, отговорить,

Как мужчина повлиять.

Муж ведь должен настоять —

Он жене авторитет!

Прокша: Против скалки шёл кастет,

А попало по макушке.

Ворон не чета кукушке.

Для посадских-то задир

Вся острастка, коль мундир

Где-то рядом промелькнёт.

Кажная тут рот замкнёт

И глаза потупит сразу.

Только чин заткнёт сразу.

Однако, несмотря на скандальных жён, все посадские мужчины старались выглядеть солидно и представительно, ввиду чего держали себя сдержанно, разговоры вели неторопливые, обильно сдабривая их замысловатыми изречениями из местного фольклора, так что случайному собеседнику порой трудно было вникнуть в суть отдельных шуточек, присказок и поговорок, зарожденных именно в Посаде. Добропорядочные, хотя несколько озабоченные своим имиджем, посадцы полагали, что разговаривать по-простецки, не умничая, не щеголяя

каким-нибудь новым незнакомым, но так привлекательно звучащим словом, им, коренным горожанам, не подобает, дабы не сравняться с неотёсанной деревенщиной, то есть выказать себя такими дремучими лапотниками, неучами, притом, что великосветскому общению эти доблестные граждане, увы, не были обучены. Поэтому здесь сложился свой особый неповторимый говорок. О самих говорунах судили по-разному.

– Все степенные, с брюшком,

Ходят с выпятом, шажком,

Суеты не допуская.

– А вся знатность городская

Разговорами скупа.

– А посадского попа

Просто к ровне причисляют.

– Да уж, не обожествляют!

Также тычут: ты, да ты,

Будто нет меж них черты.

На прямой вопрос: «Как поживаете?», задаваемый из вежливости и зачастую не требующий обстоятельного ответа, посадцы начинали «плести кружева», напуская тумана.

– Как живём?

Да хлеб жуём,

Жидким чаем запиваем —

Шибко сладко поживаем!

Потому ли, иль за то

Не завидует никто.

И тем не менее, приезжие россияне, покидая крохотный Посад и делясь впечатлениями, всегда отмечали, что «где-то жизнь — преснятина, а у них — вкуснятина!».

– Уж такой в Посаде люд —

Из словес палит салют.

Нонче он обескуражен,

Завтра чем-то взбудоражен.

Ведь ни дня нет тишины!

– Ну-у, театров лишены,

Потому актёры сами.

Развлекаются часами!

– Беспокойные натуры!

И в аптеке нет микстуры,

Чтобы их уgomонить.

– Из веков прядётся нить!

Люди разных величин,

От простых и до купчин,

Из хором и из сарая

Говорливые до края.

– Говорливых-то хватает,

Да не всяк так выплетает!

– Да уж, говорливые!

И уж тем счастливые,

Если слушатель найдётся.

Тут шарманка заведётся!

– Мне дак с ними интересней.

Говорок их льётся песней.

Я домой когда вертаюсь,
Воссоздать порой пытаюсь
Все словечки-загогули.
Нет, другие гули-гули!
– Разговор рясной, густой!
По-хорошему простой,
Но для форса замудрённый —
Хреном сдобренный, ядрёный!

Несмотря на ядрённость языка, настоящих матершинников на Посаде было мало. Тот же Кульбач в ссорах с бабушкой иногда позволял себе ругнуться в сердцах, но крайне редко.

Как-то раз Кульбачиха, начавшая день излишне нервно и сердито, будто встала не с той ноги, срывала раздражение на всем подряд, что попадало под руку. У бабушки ныла поясница, и она, морщась и охая, сердито громыхла кухонной утварью, пинком гоняя крутившегося под ногами кота, ожидающего своего завтрака. Вышедший в горницу Кульбач шутливо поприветствовал супругу.

Кульбач: С добрым утром, дорогая!

Э, Мур-Мурыча лягая,
Ты куда его пихаешь?
Чугунками громыхаешь
Как кузнец по наковальне!
Слышно аж в опочивальне.
Утро вроде ясное.
У тебя – ненастное,
Как мордаха, хмурое.
Всё бурчишь, бур-бурая?

Дальше последовала небольшая грызня, потихоньку переросшая в ссору. Переместившись на крылечко, Кульбачи продолжали упражняться в «красноречии». Бабушка послала деда, куда мужчине традиционных сексуальных предпочтений отправляться оскорбительно. В ответ дед во всеуслышание заявил, что у него с Кульбачихиной матушкой были не только обычные отношения зятя с тёщей, но и более интимные. Всё эти подробности частной жизни Кульбачей были услышаны соседом Еросимом.

Еросим: Прекращайте материться!

Кульбачи так увлеклись ссорой, что даже не заметили, как в процессе взаимных обменов «любезностями» оказались во дворе.

Кульбач: То меня чихвостит жрица,
Возомнив себя святой.

Еросим: Ёлки-палки, лес густой!

В дом войдите, дверь прикройте,
А потом друг друга кройте.
У меня детишки тут,
Вмиг подхватят на лету.

Старики поняли, что несколько увлеклись и даже переусердствовали, нарушив общепринятый посадский этикет.

Кульбач: То старуха, паразитка!

Брань – Кульбачкина визитка!

Еросим: Я прошу вас по-соседски...

Кульбач: Всё, Ерось, великосветски
Будем дальше изъясняться.
Знаешь, милые бранятся...

Еросим: Разорались – мат на мате!

Не в тюремном ж каземате!

Кульбач: Я-то редко матерюсь.

Ну, бывает, разъярюсь,

Понужну весёлым матом,

Если места нет догматам.

Не безвинная овечка!

Прошмыгнёт как мышь словечко...

Еросим: Речь от этого не слаще.

Кульбач: Бабка греховодит чаще.

Оправившись от смущения, Кульбачиха скромно возразила.

Кульбачиха: Дед почаще.

Кульбач: А сама-то

Докатилась уж до мата,

Что совсем не лестно даме.

И по папе, и по маме —

Только матушка держись!

Кульбачиха: Не ругаюсь я, кажись!

Кульбач: Как же, слышал и не раз

Мат сквозил в потоке фраз

Скрозь визгню и причитанье.

Виновато воспитанье.

Тут наследственная честь:

Хорошо ругался тесть,

От души и не дежурно,

Но затейливо, ажурно!

До такого заворота —

Онемеешь полорото!

Дак и ты, как заискришься,

Не следишь, что материшься.

Кульбачиха: Прям уж я! А сам-то ты

Край не видишь срамоты!

Кульбач: Признаюсь, порой загну,

Но при этом подмигну,

Шутку в том предполагая.

Ты, того не постигая,

Изопряешься отборно.

Воспитанье ж подзаборно!

Ты, Еросим, как отец

Будешь истины истец.

Бабку надобно привлечь.

Бабка, деток не калечь —

Не учи дурным словам!

Еросим: Без грызни неймётся вам!

Кульбачиха: Сам всю жизнь проматерился.

Смолоду, ишо не брился,

Уж язык поиспаганил.

Кульбач: Да шутил я, хулиганил,

Чтобы выглядеть мужчиной.

Батка драл меня лещиной
Для культурности огранки.

Еросим: Мало драл, коль в перебранке
Допускаешь выраженья.

Кульбач: От душевного броженья
Выскользнет словцо иное.

Хоть и кажется дурное
Крепкое сопоставление —
Не большое оскорбление,
Если шутка в нём сквозит.
Всяк ли мат дурным разит?
И притом, как не крутись,
Без него не обойтись
Среди русского фольклора.
Свой простор, своя тут флора
И традиция скандала.
Мы ругаемся уда́ло!
Нет великосветскости,
Но изрядно меткости!

Еросим не мог долго сердиться на Кульбачей. Слова деда скоро развеселили гончара.

Кульбач: Тесть бывалыча зятка

И не встретит без матька.
Я-то вовсе без обид:
Отмордован, да не бит!
По искусству матершины
Тесть достиг такой вершины,
Что иному и не снилось!
Доченька не поленилась —
Так и лепит без стеснения,
Без конфуза, без скраснения.
Тут талант наследственный,
Вовсе не посредственный!
Нонче крики с матюжком,
Завтра хватит утюжком,
А известно, что утюг —
Это не соломы тюк!

Еросим: Будет вам! Уж помиритесь
И, прошу, не материтесь!

Еросим знал, что Кульбачи не злоупотребляли сквернословием, ибо в их лексиконе было предостаточно не матерных, но забористо крепких эпитетов. Ему частенько доводилось быть свидетелем соседских ссор, когда старики особо не стеснялись в выражениях. Буквально на днях Кульбачиха, обнаружив, что дед «вылакал» какой-то её целебный настой, предназначенный для очередной «пациентки», орала на деда во всю мощь старческих возможностей и костерила его так, что только успевай записывать: «Чтоб тебя не пронесло, а вообще разорвало! Чтоб нутро сплелось узлом! Чтоб „лоблеял тут козлом“, бородой в лохань уткнувшись! Чтоб ходил, не разогнувшись!».

Еросим появился у Кульбачей, когда бабка немного выдохлась и утомилась. Дед же выглядел таким нахальным бодрячком, и на вопрос соседа, из-за чего у них опять идёт война, недоумённо пожал плечами.

Кульбач: Да сам чёрт не разберёт,
Чё она всю жизнь орёт!
Повезло с супругой мне:
Щас горластые в цене.
И задумка есть уже
Баб крикливых в фураже
По войскам приспособлять.
Не затем, чтоб им стрелять,
Штык вонзать, махаться шашкой.
Те взревут своей замашкой —
Расшугают всех врагов
До заморских берегов.
Пусть их жалуют чинами,
Награждают орденами,
Пенсион дадут за крик.

Кульбачиха: Не мели чё зря, старик!

Но однако вернёмся к самому рассказу. Слава о посадских говорунах широко шагнула за пределы уезда чуть ли не до соседних губерний. К примеру, Терестин, разъезжая по своим коммерческим делам, однажды столкнулся в Клину именно с таким случаем, когда сам зашёл перекусить в тамошний трактир. Устроившись отобедать, он внезапно услышал, как за соседним столом один мужик со смехом рассказывает приятелю о своей поездке в Посад и знакомстве с дедом Кульбачом.

Мужик: Встретил одного посадца.

Смех и только! О...

Однако вульгарное словечко, обозначающее процесс отправления малой нужды не успело прозвучать из-за вмешательства Терестина.

Терестин: Касаться
Хошь его дурным словцом?
Ты столкнулся с мудрецом!
Так что подбирай слова.
Это ж чудо-голова!
Всяк такого мудреца
Должен слушать, как отца.

Мужик: Землячок, прошу прощенья!

Это ж я от восхищенья.

Гостевал я у дедка.

Полон аж до ободка

Самым разным впечатленьем:

Оторопью с удивленьем.

Так меня он поразил!

И, представь се, заразил

Философией, весельем

С жизнерадостным похмельем.

Терестин: Да, он чешет философски!

Мужик: После шуточки бесовски

Дед удумал сотворить.

Чтоб супругу...

Приятель мужика: Уморить

Аль немножко взвеселить?

Терестин: Да, скорей всего, позлить.

Мужик: Мы с ним сели за пирушку.

Дед вначале клял старушку,

А её и дома нет.

Терестин: Оттого и смел был дед.

Мужик: Мы шутить не собирались.

С разговорами надрались

До приличной свиноты.

Приятель мужика: Погулял до звону ты!

Мужик: Разговор вели пространно.

Дед подкован многогранно.

И меня прям наострил.

А про жизнь как говорил:

«Не хватает романтизма,

Но с лихвой идиотизма!».

Как болтать наскучило,

Дед придумал чучело,

Чтоб старушку зацепить.

А что та начнёт лупить,

Мы тогда не ожидали.

Приятель мужика: От души, видать, поддали!

Вон чё старый учудил!

Мужик: Да, представь, соорудил

Кукольного индивида

Человеческого вида.

Признаюсь, я сам, браток,

Подсобил ему чуток.

Приятель мужика: Это как же вы смогли?

Мужик: Приволок Кульбач кули,

Напихали в них соломы.

Приятель мужика: Вот хмельные дуболомы!

Мужик: Туловище из мешка...

Приятель мужика: А башка что ль из горшка?

Довольный мужик утвердительно кивнул.

Мужик: Глэчик примостил дедок.

Приятель мужика: Представляю тот видок!

Мужик: Талию перетянули,

В бюст тряпья побольше ткнули.

Приятель мужика: Бабу что ль соорудили?

Мужик: Женщину. И обрядили

В платье, шляпку, шаль на плечи.

А уж вечер, тают свечи

И приятный полумрак.

Приятель мужика: Дед дурак и ты – как враг!

Мужик: Тут и бабка возвернулась,

Да на парочку наткнулась:

Глядь, бабища восседает

И дедок к ней припадает,

Прикорнувши к плечу.

Бабка хватъ по глэчику!

Приятель мужика: Как?

Мужик: Вошла ж и обомлела.

А потом прям побелела

И скорей за кочергу.

Я со страху ни гу-гу.

Полетели черепки!

Приятель мужика: Бабы с ревности крепки!

Мужик: Тут дедок зашевелился,

А сюрприз наш развалился.

Бабка в обморок хлопбысь!

Знать бы наперёд, кабысь...

Терестин прекрасно помнил эту историю, рассказанную ещё более живописно и эмоционально женой со свояченицей, которые переместили «любовную парочку» на лежанку, но, однако, и теперь не удержался от смеха.

Мужик: Мы старушку оживили,

Энту «бабу» предъявили,

Мол, с чего тут ревновать.

Бабка тут же скалку хватъ,

Хоть бледна – ну прям мертвец.

Дед, «соломенный вдовец»,

Защищался энтот «бабой».

Битва выдалась неслабой!

Терестин: Наши интересности

Славятся в окрестности!

Терестин также мог бы порассказать немало презабавных историй из жизни Кульбачей, гулявших по Посаду и передающихся из уст в уста, равно как услышанных от самого деда. Например, одну из версий, как юный Кульбач отбивал женихов от своей невесты, ставшей впоследствии Кульбачихой. Наверняка врал, хотя с деда могло стать. Терестин с удовольствием вспомнил вечер, когда заскочил к деду буквально на минутку, а проторчал дотемна, слушая воспоминания старика.

Кульбач: Примостились на бревёшке.

Глядь, уж тянут головёшки

Вроде как для поцелуя.

Вытащил свою стрелу я,

Промеж них как дал струю!

Отличился, как в бою!

Терестин: Ничего се, пошутил!

Парочку не окатил?

Кульбач: За плетнём засел в саду.

Те уселись на виду,

Но поодаль, без сближенья.

Примечаю: положенье

Начинает искажаться,

То есть начали сближаться.

Не на много – на вершок.

Тут я вынул «черешок»,

Приспособил меж щелей...

Кульбачиха: Дуралей ты, дуралей!

Испозорился, как есть!

Дурь – лопатой не отгрести!

Кульбач: А легко ли было мне?

Вы расселись на бревне...

Терестин: Тут ты их и обмочил!

Кульбач: Та вскочила, тот вскочил.

Ведь струя была меж них.

Мигом смылся тот жених!

Также Кульбач никогда не соглашался, что его дом в Посаде самый крайний при выезде из города, уверяя, что как раз-таки наоборот – первый при въезде.

Кульбач: Что ты, первый он в строю!

Я швейцаром состою

У Посада на крыльце.

Я – вначале, не в конце!

Остальные все – за мной,

Как у батюки за спиной.

Именно потому, что дом Кульбача стоял сразу на въезде в город, у стариков частенько останавливались проезжие люди на ночлег, а некоторые из них даже всерьёз советовали деду открыть нечто вроде гостиницы, благо размеры дедова дома позволяли обустроить «нумера для постоя».

Приезжий: Постоялый двор открой.

Кульбач: Сдался мне тот геморрой!

Чтоб скатиться в услуженье?

Для меня не унижение,

Взять кого-то приютить.

Станут денежки платить —

Станут требовать комфорт.

Ну а я чертовски горд,

Чтоб – подай да принеси!

Ты душевно попроси,

Я в лепёшку расхлестнусь.

За деньги – не трепыхнусь!

Приезжий: Ты не любишь что ль деньги?

Кульбач: Трачу я, не берегу.

Жизнь одна! Имеешь – трать!

Приезжий: Эдак можно всё прожрать!

Кульбач: Лучше быть уж едоком,

Чем трястись над сундуком

И на нём же помереть.

Ты об этом думай впредь!

Приезжий: Дак рачительность – не скупость!

Кульбач: Это да! Но жадность – глупость!

Кто не жил, не пировал —

Тот себя обворовал.

На том свете не дадут!

Там другие сферы ждут.

Приезжий: Говорим за здравие —

Нету равноправия.

Кульбач: Нет и не предвидится.

На кого обидеться?
Всяк живёт на свой охват:
Энтим супчик жидковат,
Энтим жемчуг мелковат,
Энтим случай виноват.

Любой разговор Кульбач незаметно переводил на темы собственного бытия с понимания высоты своего возраста.

Кульбач: Главно, до скончанья века
Не убить в се человека.
Наши промахи, проступки
Жизнь перемолотит в ступке,
Но кой-чѐ – парирует.
Возраст нас кастрирует,
Разум сделает тугим.
В этот мир придя нагим,
Уходи, не унося.
Вот тебе и правда вся!

Как-то заезжий гость, проникшись сочувствием к безродному старику, взялся жалеть деда за его не обласканную родными людьми старость, а также отдалённость и отстранённость от городской суеты. Выслушав такую, по его мнению сущую нелепицу, Кульбач очень удивился и заявил, что именно он, а ни кто другой, находится в самой гуще местных событий.

Гость: Да какая тутось гуща?
За забором дальше куща,
Заросли, кусты, забока.
Кульбач: Как ты мыслишь однобоко!
Тут, где выезд, тут и въезд.
Удивляться надоест,
Сколь народу мельтешит.
И не всяк бежит, спешит.
Кое-кто и вспомнёт,
И до деда завернёт.

Гость: Жизни прожитой не жаль?

Кульбач: Э-э, меня хоть чем ужаль,
Я, как жук, под панцирем.

Дед тут же подскочил с лавки и заилёпал растоптанными опорками, изображая пляс, вопя при этом что-то вроде частушки.

Кульбач: Мне б щас танцы да гарем,
Я бы властвовал, как шах!
Всё богатство – что во вшах!

Гость опасливо отодвинулся подальше от деда и уставился на прозрачный реденький пушок, произрастающий вокруг глянцевої лысины на голове старика. Понимая, что Кульбач его просто-напросто разыгрывает, ибо на дедовой макушке никакой вше просто не за что было бы уцепиться, гость облегченно вздохнул.

Кульбач: Жить, себя жалеючи,
Ныть, тоскливо блёючи —
Это дело не по мне.
Хоть и сбоку, в стороне,
Я народа не чураюсь:
Всем полезным быть стараюсь.

Знаешь, что-то подсказать,
Верный выход указать —
Не большое достижение,
Но оно даёт сближение.

Действительно, Кульбачам было в радость и в удовольствие принимать у себя гостей. Как-то у них неделю жил студент, дважды отчисленный из университета по причине неуспешной учёбы, но вполне успешного загула. Промотав родительские денежки, студент на перекладных, причём за ради Христа, добирался домой в имение. Дед с удовольствием предложил бедолаге свой кров и стол, не спрашивая, сколько тот намерен гостить. В конце концов, именно дед помог студенту благополучно вернуться к родителям, сговорившись с Дрыгальём, отправляющимся в ту же сторону по торговым делам. Дед был готов оплатить дорогу, но Дрыгаль не взял со старика денег, а во время двухдневного пути выдал хорошую взбучку своему неожиданному пассажиру, как за нерадивость в учёбе, так и за неправильное понимание жизни Кульбача.

Студент: Этот дед такой пошляк!

Дрыгаль: Не тебе судить, сопляк!

Пошлость у него для форса.

Всех пригладит против ворса,

А случись беда, нужда,

Обратись к нему – всегда

Дед найдёт и утешенье,

И предметное решение.

Студент: А с супругой в вечной ссоре.

Дрыгаль: Водевиль это, не горе.

Студент: Та придёт, едва живая,

Он пристанет, поддевая,

И такое завернёт —

Всех в смущение макнёт.

Дрыгаль: Эти разглагольствия

Им для удовольствия.

Студент: Но старушка так серчала!

Дрыгаль: Сколь уж лет «жуют мочало»!

Студент: Нет, она обижена.

Дрыгаль: Что без пары лыжина?

Одноногому кататься?

Им вовеки не расстаться,

Хоть и вместе калгати́сто.

Это ж два таких артиста!

Эх, студент, ты их не понял

И удачу проворонил.

Студент: Всё в скандалах, всё в борьбе.

Каждый сам и по себе.

Дрыгаль: Всяк так думает, не зная.

Ведь грызня там показная.

Что с того? Сто лет уж вместе,

Как две гули на насесте.

Студент: Шумность, как в Иерихоне!

Дрыгаль: Ну а были бы тихони,

Все про них давно б забыли.

А они – живые были!
Ты добра не ощутил?
Дед тебя вон приютил,
И кормил, и ублажал.
Как родного содержал!

Студент: Ну за это им мерси!

Дрыгаль: Вот сиди и не форси!
Жил при полном пансионе,
Лучше, чем Христос в Сионе.

Студент: Дед – большой оригинал!
Прям меня он доконал,
Разговоры говоря.

Дрыгаль: Не в науку вышло, зря!
Что оригинал – не спорю.
Только твоему он горю
Посочувствовал, пострел.
Кто, скажи, тебя пригрел?
Кто ты принял на постой?
Ты ж без денег был, пустой.
Дед хоть слово те сказал?
Приютил и облизал,
Защищая твой престиж,
А ты чванишься, пыхтишь!

Дрыгаль не мог позволить, чтобы какой-то студент-неудачник говорил о Кульбаче в пренебрежительной форме. Как посмел этот сморчок-недокормыш судить своего благодетеля? Такай привилегией были удостоены только сами посадки, которые могли спорить с Кульбачом, подтрунивать над ним и его чудачествами, гордясь при этом земляком, ибо воспринимали деда, как особую достопримечательность Посада.

Дрыгаль: Кульбача критиковать?

Рот не смеешь открывать!
Вовсе, паря, залепи
И молчи, а лучше – спи!
Без попутчика тоска,
Только я турну с возка,
Если ты про Кульбача
Брякнешь чё-нибудь, бурча.
Дозволяю удивляться
С честным видом. Не кривляться
И, конечно, не кривиться.
От него б мог «поживиться»
Разными рассказами,
Шуточными фразами
Умственного рассужденья.
Только ты дурак с рожденья.
Без ума и без грошей
Пропустил мимо ушей
Много присказок, острот.
А должён глядеть был в рот:
Ртом ловить слова его.

Нет умишка своего,
Дак чужого б припасал.

Дед тебя бы обтесал!

Студент: Почему же я дурной?

Пара курсов за спиной!

Дрыгаль: Ты не понял Кульбача.

Об тебе же хлопоча,

Так Кульбач тебя хвалил!

Ты – помоями облил.

Студент: Что вы, я не лил помой!

Дрыгаль: Дело, брат, твоё немое,

Чтобы слушать всё молчком,

Не пупыриться торчком.

Коль душевно не бездарен,

Будь же деду благодарен.

Студент: Я что ль против говорю?

Я его благодарю.

Просто к слову пошутил.

Дрыгаль: Я хвоста те накрутил —

Будешь помнить, с кем шутить!

Но не вздумай, паря, льстить.

Криводушье я почую

И обратно отбичую.

Знаешь, на Посаде мы

Все ответственно прямы:

За слова мы отвечаем

И любого привечаем.

Ты, студентик, ширь Руси

И Посад соотнеси.

Мож мы в чём-то дураки,

Но душою широки.

И вот эту нашу ширь,

Сколь кармашек не топырь,

Не купить, не поменять.

Не умеешь ты понять

Человечности наивной.

Студент: Я оценкой объективной

Захотел пощеголять,

Как юрист.

Дрыгаль: Юрист, поглядь!

Учишься на адвоката?

Ну, тогда учись покато

И учтиво рассуждать,

Чтоб всю жизнь не голодать.

Так же и Терестин, как и остальные горожане, был осведомлён о проживавшем у деда студенте, ибо Кульбач ещё долгое время хвастался перед знакомыми людьми своими странностями беседами с учёным человеком. Однако Терестин не мог знать о дорожном разговоре студента с Дрыгалем.

Терестин: Этот глиняный ваятель

Всеми чтим, как настоятель.
Разве учит он худому?
Дед, не выходя из дому,
С целым миром дружбу водит
И подход к сердцам находит.
Всех готов и обогреть,
И наставить в жизни впредь.
Там в достатке и гостей,
И шекспировских страстей.

Как-то однажды, попав в гости к Кульбачу и имея с дедом продолжительную беседу, Терестин восхитился его острым умом, за что и назвал старика посадским мудрецом. Кульбач озадаченно вздёрнул брови, явно не соглашаясь с такой высокой оценкой.

Кульбач: Это я тебе мудрец?
Я с отсталостью борец!
Нет занятия дурнее
Заявлять, что всех умнее.
Ведь и для людей смешно,
И пред Господом грешно.
Утверждать и вовсе глупо,
Как в дороге без тулупа
В саму стужу снарядиться.
На кого потом сердиться?
Будь хоть сколь мундир блескуч,
Да свиреп мороз трескуч.
Ясно, что старик живаль —
Не пострел трехгодовалый.
Смеет старость что ль кичиться?
Дал Бог век, чтоб научиться,
Дак его благодари —
Не меня боготвори!

Получив от Кульбача очередной урок «хорошего тона», Терестин довольно хохотнул. Про себя же он подумал, что старик, несмотря на въедливый характер, острый язык и ядрёные шуточки, со всеми посадцами, особенно с мужской частью жителей, всегда находится в прекрасных приятельских отношениях, удивляя сограждан разными чудачествами и совершенно удивительными познаниями.

Тот самый нерадивый студент, уезжая, то ли подарил, то ли забыл, то ли намеренно за ненадобностью оставил у Кульбачей учебник философии, после чего дед периодически увлекался изучением сложных текстов, привлекая для чтения соседских девчонок, так как сам уже плохо различал буквы. Эта книга вызывала у Кульбачихи сильнейшие приступы раздражения в виду того, что была сложна для её понимания, а потому казалась бабке совершенно никчёмной.

Кульбачиха: Чё опять залопотал?
Снова книжицу читал?
Ох уж эта книжица!
Уж мозги – как жижица!
Кульбач: Книга – истины родник!
Мудрость черпаем из книг.
Кульбачиха: А от этой – только вред!
Кульбач: Вот вам истинный портрет

Беспросветной темноты.
Глупость, хоть украсть в цветы,
Не прибудет пышности.
Кульбачиха: В книге той излишности
Непонятного сплетенья.
Кульбач: Да, моё приобретение,
Эта книга не про вас!
Тут амброзия, не квас!
Кульбачиха: Вон чему та книжка учит —
Всяку дурь растит и пучит!
Кульбач: И газета освещает:
Люд наш умственно нищает.
Лишь о брюхе интерес,
А с духовностью – вразрез!
Больше думок о еде,
О насущном, о нужде,
Но без мысли о высоком.
Пропитались алчным соком,
Как отравой, и не сдохли.
Разрослись вон, не засохли!
Да, вот так, забывши Бога,
Процветать взялась убого
Не словцо библейское,
А нутро лакейское.
Но душа нетленная.
То она вселенная
Необъятности великой,
То повиснет повиликой,
То спрессуется комком,
Заперев себя замком.
Потому – кругом нажим.
Мы душой не дорожим!

Кульбачихе не раз хотелось известить оставленную студентом книгу на растопку печи, либо ещё хуже – отнести в нуджик, но мысль, что парнишка вернётся за своим учебником, останавливала старушку.

Кульбачиха: Ой, гляди-ка, книгочей!

Кульбач: «Правду Ярославичей»

Не читал, конечно, я.

Кульбачиха: Темнота кромешная!

Кульбач: Темнота ли, полумрак —

Твой не отличает зрак,

Хоть слепа не столь очами,

Сколь умишком и речами.

При кротячьей слепоте

Книги всякие не те,

Но сама без чтения

Требуешь почтения.

Пока студент квартировал у Кульбачей, дед даже успел освоить игру в шахматы, ухватив смысл и тактические задачи передвижения фигур, правда, после отъезда жильца

ему не с кем было совершенствоваться, как шахматисту. Но с большим увлечением дед любил вести долгие пространные беседы, касающиеся любых вопросов, в том числе научных, и однажды они даже умудрились обсудить тему новомодной теории Дарвина о происхождении видов.

Странные рассуждения студента о научных изысканиях «Дармия» не только насмешили Кульбача, но вызвала у него опасение за умственную состоятельность как самого учёного, так и его доверчивых учеников и последователей. При этом дед порадовался, что вечно шляющаяся по кумушкам Кульбачиха пропустила этот разговор, иначе напуганная бабка, непременно, ославила бы жильца, выставив беднягу сумасшедшим, совершенно чокнувшимся от наук.

Кульбач: Человек, хоть православный,
Хоть иной какой – не главный
Над народами другими.
Все явились в мир нагими.
И все виды на земле,
Как у Бога в подоле.
Разные народности
Все одной природности,
И не лучше, и не хуже,
Хоть отличные снаружи
Краской кожи, волосни.
Все мы, это уясни,
В рамках собственной судьбы,
То есть божие рабы.

Студент: Врёт и ряса и сутана.
От горилл, орангутана
Род людской. От обезьян.

Кульбач: Да ты чё, родимый, пьян?
Аль обтрескался безе?

Студент: Также и от шимпанзе.

Кульбач: И мартышки, и макаки?
Выдумщик твой Дармий! Враки!
Обезьян позаведи
И людей производи?
Не получится никак:

Всяк макак родит макак!

Студент: Ну а эволюция?

Дед, тебе на блюде я
Преподнёс сей факт научный

Кульбач: Тот умом благополучный,
Кто сей факт в тебя впихнул?
Эку дурь разворохнул!

Ты в ученье прокопчён,
Но кой в чём не столь учён!

Не на то мозги изводишь:

Зряч, но в ослеплении ходишь.

Студент: Так наука рассуждает.

Кульбач: Дак наука лишь гадает,
Жизнь вокруг – пример даёт:

Прямча носом в суть суёт!
Чё тот врал – нельзя проверить.
Студент: Про горилл не хочешь верить?
Зря! От них весь род идёт.

Кульбач: И куда ж он заведёт?

Голые зады отклячим
И по веткам все заскачем?

Много чего странного, интересного и занятного узнал дед от своего студента, но никак не ожидал услышать подобную чушь от человека, учившегося аж в московском университете.

Кульбач: Бог народы сотворил!

Скажешь тоже: от горилл
Люд зачался, стал плодиться!
Дураку это сгодиться
Знать, что предок был – горилла.

У людей своё мерило:
Создан всяк по образцу
И подобию! Творцу
Он обязан – тем отличен
И духовно возвеличен!
А горилла? Чистый зверь!
И людей ты с ней не мерь!

Все мы в сходстве со зверьём:
Воробей сравним с ворьём,
Баба-сплетница с сорокой.
Энтот Дармий заморокой
Шибко ум твой повредил!
Дед его не крокодил?
Бабка точно обезьяна!

Ейна кровь мутит смутьяна!

Однако из-за этого самого студента, которого местная полиция ошибочно приняла за разыскиваемого политического, у деда чуть было не возникли определённые сложности уже после отъезда жильца. В конце концов, ситуация разрешилась к явному неудовольствию Кульбача, который для разнообразия буквально жаждал нажить себе хоть каких-нибудь неприятностей, а потому из кожи лез, чтобы вывести из себя заявившегося полицейского и угодить в тюрьму. Для этого хитрый дед так заморочил пришедшему полицейскому чину голову, что тот был рад-радёшенек поскорее покинуть дом словоохотливого Кульбача.

Не могу удержаться от искушения, чтобы не привести этот занятный диалог хотя бы в урезанном виде.

Кульбач: Ну и жил. Квартировал.

Он кого обворовал?
Что за сыск? На чём основан?
Он учёностью подкован...

Полицейский: Что за книжки у него.

Кульбач: Философия. Ого,
Книжка умственного склада!
Заберёшь что ль для доклада?
Он её мне подарил!

Кульбач продемонстрировал полицейскому оставленный учебник по философии.

Полицейский: Политических не зрил?

Он из неблагонадёжных.

Кульбач: Сколько обвинений ложных!

Вот как! Политический!

Случай драматический,

Но на чём обоснованье

В соответствии названья?

Бедный нищего богаче!

Те, кто думают иначе,

Счастливы до оглупления.

Мнение – не преступленье!

Вы, служивые, которые

С полицмейстерской конторы,

Не в свои дела суётесь:

Не с преступниками бьётесь,

А философов тесните.

И того не уясните,

Что такая дисциплина —

Есть порог на вид трамплина

Для осмысленного роста.

Книга писана не просто:

В ней для умственных учений

Много нужных изречений.

Полицейский: Что ль из книги поднабрался?

Кульбач: Смысл впихнуть студент старался.

Полицейский: Ну, ты, дед, нашёл дружка!

По всему он из кружка —

Из кружковцев запрещённых.

Кульбач: Из людей он просвещённых —

Слушал курс университетский.

Не какой-то там простецкий!

Полицейский: Были тайные собрания?

Кульбач: Были. Тут – без отпирания!

Ведьму старую дура,

Выпивали втихаря.

Полицейский: Всё валяешь дурака?

Кульбач: Я? Не трогаю пока.

Это ж будет анцидент.

Полицейский: Ну, а этот твой студент

Разговоры говорил?

Кульбач: Ты меня прям уморил!

Не молчун был, слава Богу!

Проводив его в дорогу,

Я, представь се, заскучал.

Без него я одичал.

Он лечил, вострил мой дух.

Чую сплетни нескладух:

Не было несчастьяца,

Смута рядом ластится.

Не прижать её к ногтю!

Полицейский: Я ей зад-то примостю!

Ты, дедок, давай без врак.

Политический – есть враг!

Кульбач: Милый, ври – не завирайся,

Плунут в рожу – утирайся,

Поколотят – порыдай,

За неправду пострадай.

Врака чести не в угоду.

Выводи на чисту воду

Сплетниц местного значенья.

Ту пора бы в заключение,

Кто везде причастная,

Мужу неподвластная.

Есть такая вздорная!

Грязь не только чёрная.

Может серой быть и рыжей,

Встретившись с навозной жижей.

Человеку и растению

Как живётся? Кто-то с тенью

Больше дружен, кто-то с солнцем —

Кто-то с верхом, кто-то с донцем.

Аль не веришь мне, провидцу,

Раскудрит тя, рукавицу?

Нет у нас подпольности,

Но в достатке вольности.

Полицейский: Я б сказал, в избытке даже.

Кульбач: Чёрен ворон не от сажи.

Дак хоть в щёлок окунай,

Чёрен будет, так и знай!

Выпалив ошарашенному полицейскому длинную заковыристую тираду, Кульбач дополнительно увенчал её каскадом частушек.

Кульбач: Заработал медный грошик,

Накупил отборных вошек.

Год на мясо их растил,

Сам чуть дух не испустил.

Махнул коньяку,

Нюхнул табаку —

Вот и радость полной шапкой!

Нет, те надобно охапкой!

Долго ехал я к матане

В новом плюшевом кафтане.

А матаня не ждала —

Ожиданья подвела!

Морда размалёвана,

А душа заплёвана...

Полицейский: Дед, ты взялся издеваться?

Кульбач: Дома я, куды деваться?

Хучь пою я, хучь молчу —

Нет запретов Кульбачу.

Хорошо смеётся тот,
Кто проплакал цельный год.
Пела ль плакала хохлушка,
Как звенящая полушка:
– Ой, лышенько, лышенько,
Разлюбил мя Грышенька.

Полицейский: Дед, имей же уваженье!

Нешто нет соображенья?

Кульбач, как ни в чём не бывало, продолжал солировать.

Кульбач: Если в жатву льют дожди,

То хорошего не жди.

Был бы град по кулаку,

Уж не жить бы старику.

Полицейский: Я тебя, дед, заберу.

Кульбач: Всем Кульбач не ко двору!

Навалились беды горкой

И не спрятаться за шторкой,

В уголке не отсидеться.

Значит, в бой! Куды тут деться.

Забираешь? Забирай,

Только к милушке в сарай.

Я б её расцеловал,

Утянув на сеновал.

Вот придёт моя вертушка,

И частушка-хохотушка

На другое скаканёт.

А условность – это гнёт!

Полицейский: Дурака бы не валял

И при мне не позволял...

Кульбач: Сколь воды не кипяти,

В ней навара не найти.

Не умеешь – не берись,

Взялся, дак не матерись!

Бедный полицейский просто очумел от дедовых куплетов и едва переводил дух.

Кульбач: Русское исконное

Только ли посконное?

А легко ли быть царём?

Век ходи поводырём!

За услуги, за труды

Каждому подай еды:

Мосолыжину для пса,

Для лошадушки овса.

*Полицейский снял форменную фуражку и отёр платком взмокишую лысину. Репертуар
Кульбача был неистощим.*

Кульбач: Даже звонкий соловей

Ест букашек и червей.

Даже честный человек

Хоть разок соврёт за век.

Жил привольно при матане,

Как оладушек в сметане...

Полицейский: Дед, довольно про матань!

Кульбач: Сразу бы сказал: отстань!

Если в оправдание,

Говори задание!

Буду тут, как на часах.

И не прячь ухмыл в усах!

Говорю тебе по дружбе,

Я готовый к царской службе.

Столь усердье приложу!

Мож медальку заслужу?

Не добившись от старика хоть сколько-нибудь маломальски дельного, полицейский покинул дом Кульбачей, резонно рассудив, что даже если тот заезжий студент и наговорил деду чего-то лишнего, крамольного, Кульбач, при его теперешнем преклонном возрасте, просто умственно не в состоянии осмыслить суть вредоносной, а потому запрещённой властями идеи.

Полицейский: Аль с умом он раздружился,

Али лишку приложился,

Но с башкой уже того,

Что не выжать ничего.

Но однажды у Кульбачей, действительно, останавливался «политический», с которым дед также долго дискутировал как о жизни в своей державе, так и о международном положении.

Кульбач: Как же, слышал я окольно

Про Америку, Линкольна.

Президент он, аль сенатор,

Аль какой-то губернатор?

Как себе я уяснил,

Он там рабство отменил.

Дак за это что ль стрелять?

И у нас теперь, поглядь,

Всё нападки на царя.

Во, сыскали упыря!

Он вон крепостное право

Упразднил. С чего потрава?

Царь – надёжа, но не тать!

Бомбы что ль в него метать?

Хорошо, что обошлось!

С прежним лучше всем жилось?

А какой придёт взамен?

Где б сыскать такой безмен,

Чтоб всё взвесить досконально?

Политический: Говоришь оригинально!

Кульбач: Кто науки не познал,

Завсегда оригинал.

Это ты всезнающий,

Всё родное хающий.

Мы совсем в другом ключе:

За законы и вообще.

Ты, желая смены власти,
Обещаешь столько сласти!
Можно всё разворотить,
Пылью по ветру пустить —
Не великое геройство!
Но какое нас устройство
Всех устроит без обид,
Если тот и этот бит?
Щас мышиная возня,
А потом пойдёт грызня,
Вслед – война и кровь рекой.
У меня прогноз такой!
Аль не веришь мне, провидцу?
Раскудрит тя, рукавицу!

Кроме философской книги у Кульбача имелся учебник по анатомии и хирургии, который дед самолично выписал по почте, дабы уличить свою знахарку в некомпетентности и ограниченности в медицинских вопросах.

Читал дед присланную хирургию очень редко, ибо зрение не позволяло видеть текст без лупы, а соседским детям поручить этого Кульбач не мог: уж больно рисунки были устрашающими и бесстыдно откровенными. Сам же дед с интересом изучал внутреннее строение человека, изредка пугая свою благоверную жуткими иллюстрациями.

Над бабкиной знахарской практикой дед зачастую попросту издевался, не веря в её способности к лечению.

Кульбач: Бабка, ты отстала!
Чем водица талая
Заменить могёт лекарство?
Это чистое знахарство!
Ты не лечишь, а холявишь:
Шепоточком шепелявишь —
Бац! Готова панацея!
Докторица без лица
И без школы фершалов,
Не постигшая всех слов
Медицинского значенья,
Не познавшая ученья,
Опозорилась сто крат!
Нате – местный Гиппократ,
Их превосходительство!
Сплюшь одно вредительство!

Присутствующая при разговоре Крена, вступилась за старушку.

Крена: Но ведь многим подсобила.

Кульбач: Хорошо, что не убила!
Знаю и сужу правдиво.

Окочуриться не диво
После бабкиных стараний.

Крена: Не случилось помираний.

Кульбач: Ну дак я не допускал,
То есть я предотвращал,
Истребляя те настои.

Оттого она в простое
Пребывала очень часто.
Вся в ней ценность, что горласта.
Генерал прям!

Крена: Здорово!

Кульбач: У неё и норова
Преогромнейший запас.
Только бабке до лампас,
Как воробушку до туч.
Хоть, сказать, и тот летуч.

А как-то однажды деду довелось пообщаться с оказавшимся в Посаде писателем, разъезжавшим по провинциальной российской глубинке в поисках впечатлений и вдохновения. Въезжая в городок, писатель обратил внимание на стоявшего у калитки крайнего дома коло-ритного вида старичка, заинтересовался им и решил сделать небольшую остановку, чтобы побеседовать с почтенным горожанином. Словоохотливый Кульбач наплёл гостю столько небылиц, что у того просто отпала необходимость в дальнейшем утомлять себя дорогой, коляся по городам и весям в поисках сюжетов для новых рассказов.

Когда писатель подошёл к Кульбачу с приветствием, дед степенно поздоровался с незна-комцем, оценивающе оглядывая, как его самого, так и его экипаж, и возницу, а затем принялся дотошно допрашивать.

Кульбач: Сам-то при каких чинах?

Грудь пошто не в орденах?

Кто по списку табелей?

Герб, гляжу, из вензелей

На твоей карете важной.

Да и сам ты авантажный!

Писатель рассмеялся. Именно такой собеседник: не лезущий за словом в карман, прямой до неприличия, бесшабашно откровенный ему и был нужен.

Кульбач: Говоришь, не царедворец?

Неужели крючкотворец?

Нет? Приближен всё ж к царю?

Я с тобой поговорю.

Человек ты не простой.

Слышь, в калитке-то не стой,

Ведь в ногах и правды нету.

Ты проходи до кабинету.

Зазвав случайного гостя в дом, дед тут же предложил закрепить знакомство стопоч-кой.

Кульбач: Дёрнем мож по стопарю?

Я с утра огнём горю.

Бабкины ограниченья

Доведут до помраченья.

Выставив выпивку и закуску, Кульбач принялся угощать гостя, заваливая его всевоз-можными историями из посадской жизни.

Писатель: Ну, ты, дед, как из былин!

Ростом мал, но исполин.

Кульбач: Хорошо, не истукан!

Писатель: Истукан! Да ты – вулкан:

Дух кипит, дымится кратер.

Сам я, вишь ли, литератор.
Интересно говоришь,
Ловко шутками пестришь.

Узнав, кого Бог послал ему на этот раз в качестве собеседника и собутыльника, Кульбач и ухом не повёл, будто таких гостей бессчётно раз видал-перевидал за свою долгую суетную жизнь.

Кульбач: Значит, пишешь сочиненья?

Писатель: У тебя какое мнение
На прочтенье разных книг?

Кульбач: Я – пропащий ученик!
С детских лет лентяем рос,
А теперь – вообще отброс!
Мне читать брехушки скучно.
Я читаю, что научно.

Глянь-ка, чё штудирую!

И дед не без гордости продемонстрировал заезжему литератору свои книги.

Писатель: Тут я аплодирую!

Кульбач: Анатомию учу.
Про болезни знать хочу.
Чё нам Бог их навязал?
Чтобы плоть нам истязал
То червяк, а то микроба?
Человеческа утроба
Сходная, как у свиной.

Писатель: Что ль отличий нету в ней?

Кульбач: Есть, но незначительно.

Писатель: Это огорчительно!

Кульбач: Я те говорю про сходство.
В человеке превосходство
Умственного назначения.
Но свинья без огорченья.

Разговор опять вернулся к писательскому труду.

Кульбач: Ты свою литературу
Пропихнул на верхотуру?
На каком щас этаже?
Знаменит, поди, уже?

Писатель: Я пока ещё пишу.
Издаваться не спешу.
Вот надумал прокатиться.
Мож сюжет обогатится.

У тебя вот погощу
И тебя же помещу
Персонажем главным в прозу.

Кульбач: Объявляешь как угрозу!
Уж не изваляй в грязи:
В лучшем виде отрази
Или даже приукрась,
Чтоб не выглядел как мразь.
Сделаешь меня героем,

Налетит читатель роем.
Только имя измени.
Стыдно станет от брехни.
Я ж тут каждому знаком.
Выйду дутым дураком —
Просмеют и освистят.
Тут за хваль жестоко мстят!

Писатель: О, у вас читают книжки?

Уловив в вопросе гостя едва читаемую нотку снисходительности, Кульбач тут же нарушил гладкий ход беседы, пройдясь, как говорится, против шёрстки. Что поделать, не терпел дед в застольной дружеской беседе даже замаскированного превосходства, ввиду чего выражал своё отношение примерно так: «Мне милей дурак сопливый, чем фуфырьый франт чванливый! А уж за одним столом!.. Сам Всевышний помелом всех сметает без разбора: и чиновника, и вора, и вельможу, и царя, и убийцу-упыря, никого не пропустив. Прав Всевышний и не льстив, ни учёным, ни кручёным, ни богатством золочёным».

Кульбач: Да, сынок! Держи штанишки,
Чтобы их не потерять.
Чё нас хуже одурять,
Чем мы есть на самом деле?
И без дела не сидели,
И читать не разучились.
Но на угол не мочились,
Как бездомны кобели.
Мы свой уровень блюли!

Проследив за взглядом Кульбача, писатель увидел, как его слуга и возница в одном лице, намаявшись во дворе Кульбача в ожидании хозяина, справлял малую нужду на угол дедова сарайчика, не подозревая, что его видно в боковое оконце.

Дед и возницу приглашал к столу, но тот отказался, видимо, постеснявшись. Однако от вынесенного угощения не отказался и с удовольствием откушал, сидя на крылечке.

Съехидничав, Кульбач тут же пожалел об этом, опасаясь, что недовольный хозяин покарает осрамившегося слугу. Старик видел, как сузились глаза гостя, когда перед ним предстала столь неприглядная картинка.

Кульбач: Я, сынок, ступил за грань.
Ты возницу не тирань.
Коли вырос при тузах,
Не роняй себя в глазах
Человека-невелички.

Писатель: Твой наказ — цветок в петличке!

Мож немного побраню,
Но совсем не изгоню.

Кульбач: Побранить — не наказать!

Как телёнка облизать,
Чтобы рядом мекал, тёрся
И куды ни зря не пёрся.

После очередной стопки, писатель признался деду, что ему не хватает познаний в особенностях и странностях характера простого русского человека.

Кульбач: Чё ты в жизни повидал,
Коль ни дня не голодал?
Не познавший голодух,

Не оценишь русский дух.

Тут ведь разность положенья.

Писатель: Как насчёт воображенья?

Я ж могу вообразить.

Кульбач: По поверхности скользить,

А навоз не колупнуть?

Тех ты сможешь обмануть,

Эти – враку есть не станут.

Сочинилки не обманут!

Эко выдумал ты вдруг!

У тебя другой ведь круг:

Каждый день паштет, беже.

Род твой – туз да на тузе!

Дак писал бы про тузов.

Нет, те жизнь подай с низов!

Как познать низов исток,

Не понюхав лапоток,

Не поспавши на печи?

Писатель: Так давай, дед, научи.

Расскажи про жизнь людей.

Кульбач: Можно строить без гвоздей,

Если с ловкими руками.

И оно стоит веками,

Не сползая в скос да в сдвиг.

Сам я лишь плетень воздвиг

Без единого гвоздя.

Подцепляй, сынок, груздя.

Грузди – лучшая закуска.

Прилетит щас трясогузка

И приватность поломает.

Писатель: Кто? Жена?

Кульбач: Не понимает

Энта баба ни шиша,

Но кусучая – как вша!

Писатель: Ты у ней что ль под пятой?

Кульбач: Ну а ты что ль холостой?

С бабой в доме власть делить —

Как свою мозоль солить!

Вернувшаяся Кульбачиха не посмела при столь важном госте критиковать мужа за увлечение выпивкой и даже добавочно выставила кой-какие угощения. В связи с этим у писателя возникло подозрение, что Кульбач наговаривает на свою тихую, покладистую супругу.

Вдохновлённый вниманием, Кульбач успел рассказать писателю всю свою жизнь от самого рождения, то есть с времён последних лет царствования Екатерины Великой.

Заполучив благодарного слушателя, дед так разговорился, что поведал гостю даже про те времена, о которых знал только с рассказов деда и отца.

Кульбач: Реорганизация,

Секуляризация.

Как расширилась страна!

Вот уж были времена!

Ну опять же Уложенья
Да Чесменское сражение,
Жáлованны грамоты...

Писатель: Не назвал лишь срама ты,
Что творился при дворе.

Кульбач: А что было при Петре
Или же при Иоане?

Не стыдится голый в бане,
Коль уж голышмя там все

В Богом даденной красе!

Чё правителей судить?

За собой бы уследить!

Кажный, кроме прочих дел,

Об отечестве радел.

А касательное блуда? —

Мерзость всюду есть и хлуда!

Было уже совсем темно, когда гость решил откланяться и поискать себе пристанище в какой-нибудь гостинице, на что Кульбач категорически возразил, решительно не отпустив писателя «блукать» по слабо освещенному городишку.

Кульбач: У меня и заночуй!

Егозишь! Что ль почечуй⁷?

Бабка щас тряхнёт перины,

Что с времён Екатерины.

Бабкино приданное —

Древность долгожданная

Бесполезно век стареет.

А писателя пригреет —

Это будет ей за честь!

Завтра расскажу как тесть

С тем приданным обманул.

Я чуть бабку не вернул!

Тут уж он заторопился

Да перинкой откупился.

Пришлось остаться, но писатель ничуть не пожалел об этом, ибо набрался нужных впечатлений даже с лихвой.

Нашлось место в доме и для возницы, но тот заявил, что ему прежде нужно попасть на лошадь, а уж потом о себе думать. А переночевать он может и на веранде на лавке, если «добренькая бабуля» кинет на доски какую-нибудь рвань.

Но не всегда деду везло на собеседников. Чаще всего старик коротал дни в одиночестве и вёл не менее интересные и содержательные разговоры со своим отражением в самоваре, либо с самим собой, но в юном возрасте. В таких случаях Кульбач мог расчувствоваться и даже всплакнуть.

Кульбач: Понимаешь ли, сынок,

Я душевно одинок.

Но с собой наедине

Иногда милее мне.

Сам себя я развлекаю,

⁷ Почечуй — геморрой.

Сам в себя шипы втыкаю,
Сам себя хвалю, корю.
С тем парнишкой говорю,
Что мечтал прожить иначе —
Содержательно богаче:
Что-то строить, открывать,
За державу воевать.
Почему-то не случилось.
Жизнь-коряга волочилась,
По дороге путь чертя,
То легко, то пыль метя,
То болтаясь на весу,
Прицепившись к колесу
Мимо ехавшей повозки.
Бабка смысл читает в воске,
Я гаданья не приемлю
Всё одно в свой срок и в землю!
Рок – печальная слеза,
Как сиротские глаза.

Открытый и откровенный, жаждущий общения Кульбач запросто мог предложить кров любому случайному человеку. Например, в прошлогоднюю ярмарку, когда многие горожане отбыли в Крутояры, и город заметно опустел, дед приютил у себя троих только что вышедших из тюрьмы журбанинских крестьян, тем самым немало взволновав своим поступком осторожных и недоверчивых посадцев, особенно чувствительных дам.

Тюрьма в Посаде была ненастоящая – так несколько вечно пустующих камер при полицейском участке, но попавшимся на краже трем крестьянам и просидевшим под арестом недели две, она показалась чуть ли не острогом. Сами преступники тоже были какие-то ненастоящие.

Дело было так: трое мужиков из недалёкого села Журбан пришли в Посад, чтобы найти хоть какую-то работу. К своему несчастью на базаре они столкнулись с управляющим из имени Свистуновка, и тот подрядил их на плотницкие работы.

Целый месяц мужики с утра до поздней ночи подновляли в имении заборы, конюшню, крылечко, беседки в саду, а когда пришло время расчёта, управляющий сказал, что платить не будет, ибо они, якобы, весь свой заработок уже проели.

Разобиженные крестьяне с пустыми карманами отправились домой, прихватив господский плотницкий инструмент, с чем в результате и попались в руки полиции.

Во время следствия, управляющий дал показания, что трое бездельников практически ничего не сделали, а выплаченные деньги попросту пропили да ещё и обворовали его хозяев. Однако мужикам повезло, ибо вскоре в имение вернулся сам хозяин и провёл личное расследование, опросив домашнюю прислугу. За нечистоплотность в расчётах управляющий тут же был с позором изгнан вон, мужики получили свободу и причитающиеся им деньги, однако, бедолаги нажили себе славу воров. Уж так повелось на Посаде: раз попал в тюрьму, значит, преступник.

Каких только «заслуг» не навесили местные сударыни на несчастных узников: уж они де и деньги у «князьёв» стащили, и что-то из обстановки умыкнули, и бриллианты господские спёрли, и саму юную княжну пытались как-то грязно опозорить или ещё того хуже, о чём и говорить совестно. Разумеется, с такой худой славой бедным мужикам ни в трактире нельзя было показаться, ни в лавке, ни на базаре. А чтоб сунуться на ночлег в номера – тут и говорить было не о чем!

Так как благочестивые посадки могли запросто подвергнуть их всеобщей обструкции, охаянные крестьяне решили сразу налегке отправиться домой без дорожного провианта. Единственное, на что они решились, так это, подойдя к чьей-то калитке, попросить напиться. Бедолагам опять крупно «повезло», ибо они наткнулись на Валенту – человека неприятного и с подленьким нутром. Тот, действительно, не являл собой гордость Посада по причине скверного характера, «трепливой бабской натуры» и прочих качеств, не заслуживающих уважения. Несчастья и неудачи собственных сограждан Валента встречал с неизменным восторгом, будто чужие неприятности делали его счастливее. Тот же Терестин, разговаривая с хозяином кузницы Прокшей, характеризовал Валенту весьма нелестно.

Терестин: Человек он сволочной.

Прямча как горшок ночной —

Только вонь с дерьмом вмещает.

Но за участь вымещает

На других обиды зло.

Потому не повезло

Всем, кто рядом окажись.

Прокша: Сам такую выбрал жизнь!

А другим – чтоб знали худо

И каков он был, Иуда.

Ещё один посадский обыватель Покерий, которому в нашем повествовании будет отведено особое место, при всей своей рассудительности и терпимости к чужим недостаткам, кроме пороков собственной супруги Фелоньи, вспоминая с соседом Коцей этого неприятного горожанина, брезгливо морицился.

Покерий: Тот характер не мужской.

Первый сплетник городской!

Всё средь баб! – у их корытца

Любит с ними хрюкать, рыться.

Однако вернёмся к истории про журбанских крестьян. Как только один из них отворил калитку Валентова двора, тот тут же спустил с цепи собаку, так как прекрасно знал, что за люди сунулись в его ворота. Здоровенный, злоющий пёс, вцепившись в ногу ступившего во двор мужика, выхватил клоч итанины и не только её. Мужички поспешили ретироваться и с тяжёлым сердцем двинулись из Посада.

Когда троица крестьян поравнялась с домом Кульбача, хозяин стоял у калитки. Дед сразу заметил окровавленную ногу прихрамывающего мужика и, будучи сам всю жизнь хромым, проникся к бедняге большим сочувствием и пригласил крестьян зайти. Те не сразу приняли приглашение, ибо уже не верили в доброту и порядочность местных обывателей, но, пораздумав, с опаской прошли во двор. Расспросив мужиков о житье-бытье, а с дедом разговаривал только пострадавший мужик, в то время как двое других пребывали в молчаливом ступоре, Кульбач долго не мог успокоиться из-за гнусной выходки Валенты.

Кульбач: Все тут знают лихоимца,

Как всеобщего «любимца»!

С запашком, да не ваниль!

Завелась же эта гниль

Средь хорошего народа!

Крестьянин: Ну-у, в семье не без урода!

Кульбач: Нам за это извиняться?

Веришь, на него равняться

Здесь не собираются.

Люди утираются,

Если с ним спихнутся близко.

Всё в нём гадко, липко, склизко.

Вернувшаяся домой Кульбачиха была в шоке от новых постояльцев деда. Вездесущая посадская молва, разумеется, не без участия самой бабки, превратила обычных лапотных крестьян в отъявленных разбойников. Утянув Кульбача с крылечка в дом, бабка с округлёнными от испуга глазами зашипела на старика.

Кульбачиха: Ты, паршивец, одурел?

Что ль разбойников пригрел?

Кульбач: Во, разбойники! Гляди-ка!

Про людей так думать дико.

Кульбачиха: Но они же из тюрьмы.

Кульбач: От тюрьмы, да от сумы...

Ты тут взгляды не мечи!

Мужика вон полечи.

Чей-то пёс его подрал.

Кульбачиха: А он чё, опять украл?

Кульбач: Да, водицы из криницы!

Дураков тут – вереницы,

Кульбачиха – во главе!

Можно ль доверять молве?

Кульбачиха не давала клятву Гиппократа, ибо являлась всего-навсего знахаркой, но профессиональная этика взяла верх над страхами. Осмотрев место укуса, бабка принялась за дело. Истерев в порошок какие-то сухие, одной ей ведомые, травы, Кульбачиха ссытала эту труху в тряпицу, завязала в узелок, смочила заговорённой водой и примотала полученный мокрый тючок к ране укушенного крестьянина.

После этого дед накормил гостей, а всё ещё обеспокоенная близостью «разбойников» бабка сказала, что дня три надо подождать, пока рана «схватится». Помявшись, мужики согласились с условием, что ночевать будут в сарае. Видимо, до конца не доверяя хозяевам, селяне готовили путь быстрого отступления. Дед особо не возражал, зная, что для крестьянина и в чистом поле ночёвка не в диковинку.

Крестьянин: Нам сойдёт и сеновал.

Кульбач: Я бы вас и в дом позвал,

Но старуха же – дурища!

Крестьянин: Не-е, в избе теперь жарища,

А в сарайке благодать.

Кульбач: Раненому чё страдать?

Дак хоть ты живи в дому,

Попугай мне ту куму!

Крестьянин: Не-е, мы вместе, чтобы кучкой.

Кульбач: Разберусь я с этой сучкой!

Однако разбираться с «этой сучкой» Кульбачу не пришлось, ибо он увидел входящего во двор сына Миньши и Силовны Евпатия и поспешил на крыльцо.

Как известно, у соседки было двое сыновей-близнецов – Евпат и Епрон, точная копия друг друга, и ежедневно кто-нибудь из братьев проводывал родителей, когда возвращался домой с лесопилки – их общего семейного бизнеса.

Сегодня, едва Евпатий ступил на порог отчего дома, мать кинулась жаловаться, что этот несносный Кульбач прячет у себя беглых каторжников. Евпатий не сомневался, что маменька преувеличивает, но, стараниями жены, молва о трёх преступниках благополучно дошла и до него. Теперь Евпатий пришёл переговорить с дедом о его квартирантах.

Евпатий: Дед, здорово! Как делишки?

Кульбач: И здоровья не в излишке,

И дела – в минувших днях.

Ты что ль пеший?

Евпатий: При конях.

Я ведь чё к те заскочил?

Опасенье получил,

Мол, воров ты тут скрываешь.

Кульбач: Это так ты называешь

Русское гостеприимство?

Что за вор без лихоимства?

Я под свой законный кров

Поселить могу воров,

Проходимцев, потаскушек,

Всяких хворых до макушек.

Аль обязан отчитаться,

С кем мне жить и с кем расстаться

Аль кого усыновить?

Что ты хочешь предъявить?

Можа у тебя пропажа?

Чё-то спёрли с экипажа?

После такой пламенной речи, Евпатий даже как-то растерялся.

Евпатий: Дед, они же из тюрьги.

Кульбач: Ну, случились передраги!

Всякий может оступиться.

С приговором лишь тупица

Очень строг и очень скор.

Любопытная Кульбачиха тоже выскочила на крыльцо, чтобы послушать разговор деда с сыном соседей. Устроившиеся в сарае «разбойники», скорее всего тоже слышали разговор, но никак себя не проявляли.

Кульбачиха: Дед всегда наперекор!

В доме жить щас опасаясь.

Кульбач: Опасайся! Я ж кусаюсь!

Видишь зуб торчит внизу?

Им тебя и загрызу.

Кульбачиха: Эй, прикрой, паршивец, рот.

Собираешь всякий сброд.

Кульбач: Во – блюстительша морали!

Эти трое, что украли

У того, кто сам украл...

Кульбачиха: Это тот тебе наврал?

Кто бы зряшно их сажал?

Кульбач: Умному бы возражал,

Но тебе, моя милашка,

Наперёд в расчёт поблажка.

Можешь, краля, прогуляться

И три дня не появляться.

Сам беднягу полечу.

Кульбачиха: И уйду, коль захочу!

Кульбач: У подружек квартир,
Да сама не обворуй
Разнесчастных милых вдов.

Кульбачиха: Дурень ты на сто рядов!

Евпатий: Правда, зря их приютил.

Кульбач: Я тебя бы просветил
На вопрос гуманности.

Бабские туманности
Завелись в мозгах мужских?

Евпатий: Разговор средь городских...

Кульбач: Ну, конечно! Для сударок
Мой поступок – как подарок!

Сколь ещё приврёт Пра-Пра!

Кульбачиха: Их вон даже в нумера
Не пустили на порог!

Кульбач: Те уж отсидели срок!

Лишь, используя момент,
Прихватили инструмент.
Да, грешно, что прихватили!

Но ведь им не заплатили!

Князь же позже разбирался,

И ведь он не к ним придрался!

Управляющего – вон!

То от баб-паршивок, звон:

Каждого обвиноватят —

По макушку пуп отхватят!

Дак пред кем они в долгу?

Ты – как псина на стогу,

Злишься, твякаешь, рыча.

Это гости Кульбача

И пока в моём дому.

Не позволю никому

Их клеймить и презирать.

Тут с иного форс содрать,

Он в душе побольше вор.

Что не крал до этих пор? —

Не было возможности!

Евпатий: Но зачем нам сложности?

Кульбач: Каждый умный щас блажит,

А как плохо где лежит,

Умыкнёт, не покраснев.

А тут – миром вякли в гнев!

Евпатий: Мать в дому весь день таится,

На крыльцо ступить боится.

Кульбач: Силовна? Вот это да!

Для неё это – беда!

Под мою ответственность

Оставляй «наследственность».

Евпатий: Лучше б, дед, ты их турнул!

Кульбач: Лучше как? В тюрьму вернул?

Не пойму тебя, Евпатий?

Если нет в душе симпатий —

Для причины это мало,

Чтоб в людей топырить жало.

Нешто вам чё задолжали?

И они ведь не сбежали,

А отпущены властями.

Дак за что в них грязь горстями

Да с камнями кидать?

Это Господу видать,

Кто виновен и наскоко.

А у вас подслепше око!

Евпатий: Дак другие их видали.

Лучше б от греха подале.

Кульбач: А ты Бог, чтоб всех судить,

Сортировку проводить?

Ты свой лес вон сортируй,

А с людьми не озоруй!

Хошь поспорить со Всевышним?

Этим делом никудышним

Не срамись и не греши.

Бабы козни хороши!

Евпатий: Только ль бабы говорят!

Кульбач: С болтунами стройся в ряд.

Смысл у правды половинный.

И в тюрьме порой безвинный

Годы мается, сидит

И считается бандит:

На него указано,

Хоть и не доказано.

А в святой обители

Прячутся грабители.

Видел – допускаются!

Хорошо, коль каются,

Ну а если с тем, чтоб скрыться?

Эх, у каждого корытца

Кормятся и те, и эти —

Хоть виновный, хоть в ответе.

Расставившись с Евпатием, Кульбач с досадливым недоумением подумал, как порой легко и бездумно люди верят в разные гнусные наветы и невообразимую чушь, изобретаемую местным бабьём, не озаботившись хоть чуточку напрячь мозги. Почему-то хорошие действия или известия всегда подвергаются сомнению с подозрением скрытого умысла.

Кульбач: Если б каждый был герой,

А хотя бы и второй,

Жили б все среди геройства.

А как нет – одно расстройство.

* * *

Хочу прервать своё знакомство с Посадом и замечательными посадцами, ненадолго заглянув в дом Повелихи, где как раз назревала небольшая перепалка между хозяйкой и старой служанкой Евдосией, а попросту Досей.

Вдовушка Повелисия, или Повелиха, как звали её на Посаде, тоже готовилась отправиться на ярмарку с продажей своих изделий. Занималась Повелиха ковроткачеством, и даже владела несколькими станками, за которыми трудились нанятые деревенские девицы.

Всё бы у неё шло хорошо да гладко, если бы вдовица не пристрастилась к выпивке. Так уж получилось, что местные вдовушки, снедаемые мечтами о новом замужестве, каждая по-своему переносила своё вдовствующее положение: Евлоха худела, Марефа толстела, Светлина превращалась в неприступную гордячку, а Повелисия впадала в запой.

Возрастом Повелиха уже перешагнула тридцатилетний порожек, но не достигла срока, пугающего всех без исключения женщин каркающим словом сорок.

Сегодняшний день Повелиха начала с того, что решила сдать в лавку на продажу один из ковров, надеясь выручить за него какие-то деньги, дабы иметь средства нанять возчика, который отвёз бы её с приготовленными к продаже коврами на ярмарку в Крутояры.

Однако, день с утра не задался. Когда она появилась в лавке Вилизара с местным дурачком Ирошкой, неся за ней ковёр, перекинутый через плечо, лавочник заявил, что ему сейчас некогда заниматься такими делами, так как он спешит в дорогу. Вот в другой раз – будьте любезны, милости просим!

В лавке Юхтая Повелиху тоже ждало разочарование. Тот готов был взять ковёр к реализации, но платить сразу всю сумму не собирался, да и аванс предлагал такой мизерный, что ни о каком найме извоза даже думать было нечего.

Юхтай: Нету у меня денег!

Сам безденежьем зажат.

Все берут под запись в долг,

И таких должалых – полк!

Небольшой аванс всё ж дам.

Может вскорости продам,

Сразу выплачу сполна.

Повелиха: Мне сейчас денег нужна.

Думаешь, чё я хлопочу?

Я ж на ярмарку хочу!

У меня изделий – воз!

Надобно нанять извоз.

Что ль Ироху запрягу?

Юхтай: Чем тебе я помогу?

Нет ни денег, ни лошадки,

И вообще делишки шатки.

Повелиха: О, расплакался, бедняга!

Тут-то в разговор и вклинился незнакомый мужичок по имени Вахрём.

Вахрём: У меня для вас коняга,

Распрекрасная мадам!

Я недорого отдам.

Ещё возле лавки Вилизара шустрый изворотливый крестьянин Вахрём, с утра приехавший из ближайшего села Столбицы вместе с супругой, заметил статную нарядную горожанку, которую сопровождал известный всей округе местный юродивый с ковром через плечо.

Подслушав, какая проблема заставила столь шикарную даму мотаться из лавки в лавку, предлагая ковёр, Вахрем решил выручить сударыню и попутно избавиться от своих забот.

Дело в том, что он приехал на старо-престарой лошадёнке покупать другую, молодую и здоровую, о чём имел предварительный сговор с хозяином лошади. Приобретя новую тягловую силу, Вахрем проехал до мастерской по изготовлению конных экипажей с вывеской «Покерий и сыновья», где купил простую, но крепкую крестьянскую телегу и всю необходимую упряжь. Купленную лошадь ему там же мигом запрягли, подцепив новую телегу, и счастливый Вахрем важно уселся в неё, приказав жене следовать за ним в их прежней выдавшей виды повозке.

Радуюсь приобретению, Вахрем решил, что старую лошадёнку не стоит вести домой. Для крестьянской работы она уже не годилась, а просто так кормить и ждать, пока скотина избавит его от таких забот, было накладно. Убивать же свою «старушину» у крестьянина рука не подымалась, а смотреть, как она сама того гляди загнётся, тоже противилась душа. Вот горожанину, возможно, бы подошла такая лошадка, спокойная не столько норомом, сколько по старости, и послушная по той же причине, чтобы доехать до рынка и назад. Поэтому он и решил сбавить её кому угодно за любую цену – сколько дадут. Но тут ему не повезло – никто не зарился на изморенную древность, как бы он не навязывал её, расхваливая на все лады. Решив отдать её почти что даром хозяину мясной лавки, Вахрем вместо благодарности услышал отповедь.

Ефтей: Лошадей своих полно.

Ты сведи вон на гумно,

Чтоб топтаться, не возить,

Не тяжёлое грузить.

Там она и околеет.

Бог беднягу пожалеет —

По предзимью подберёт.

Вахрем: Нонче точно не помрёт.

С утраца, считай, в походе!

А при добром обиходе...

Ефтей: Кто б за ней ухаживал,

Холил, обихаживал?

Среди здешней простоты

Не найдёшь безумцев ты.

Вахрем: Я ж отдам почти задаром.

Ефтей был не один, а в обществе всё того же приятеля Юстина – смешливого развесёлого мужичка, который из-за любого пустяка мог ржать до колик в животе, исходя слезой.

Юстин: Ей хоть зад смажь скипидаром,

Не начнёт она скакать.

Ефтей: Разве пузыри пускать,

Дух окрестный отравляя,

Да детишек забавляя.

После таких слов Юстин сложился пополам от смеха, что Ефтею пришлось силком загружать дружка в свою коляску. Тут-то Вахрем и заметил Повелиху, и проследил за её передвижениями до лавки Юхтая, будто носом почуял выгоду. Повелиха оглянулась на незнакомого сельчанина, предложившего ей купить лошадь, и манерно поджала губы.

Повелиха: Всё равно платить мне нечем.

Вахрем: Всё устроим, обеспечим.

Щас лошадку предъявлю.

Повелиха вслед за незнакомцем вышла на крылечко лавки. Ироха с ковром плёлся следом.

Повелиха: Я за что её куплю?

Вахрем: Мне ль заботы не понять?

Можно ж на ковёр сменять!

Повелиха: Покажи свой экипаж!

Вахрем: Вот стоит. Ковёр покажь!

Повелиха: Полюбуйся, не растай!

Шерсть тут, шёлк – сплошной Китай!

Развёрнутый ковёр вверх Вахрема в неописуемый восторг, тогда как изморенной вид его лошадки и латанная-перелатанная телега вызвали у Повелихи брезгливое чувство отчуждения.

Повелиха: Ты, мужик, совсем дремуч?

Сам свою клячонку мучь!

Вахрем: Лес дремуч, не перелесок.

Кинешь чё-нибудь в довесок,

И телегу уступлю.

Повелиха: За ковёр я всё куплю:

И тебя, и эту старь.

До чего ж паршива тварь!

Вахрем: Да, лошадушка устала!

Столько нонче отпластала!

Ведь в дороге же с утра.

Повелиха: Да она ж совсем стара!

Как обсыпана мукой.

Возраст у неё какой?

Вахрем: Ни стара, ни молода.

Повелиха: Почему ж она седа?

Вахрем: Где ж седая? Вот те раз!

У неё такой окрас!

Окрас был больше похож на паршу.

Повелиха: Слышь, мужик, поближе подь-ка!

Как зовут конягу?

Вахрем: Мотька.

Если ласково – Матрёнка.

Есть коровушка Бурёнка,

А ещё свинья Хаврошка.

Повелиха: Как ты думаешь, Ирошка,

Брать худобину, не брать?

Вахрем: С возрастом не стану врать,

Но способная к движенью.

Повелиха: К моему ты положенью

Очень ловка примостился!

Вахрем: В нужном месте очутился.

Ну дак чё, берёте, нет?

Вы, я слышал, без монет.

Мне б ковёр вполне сгодился.

Повелиха: Им и князь бы погордился!

Вахрем: В Свистуновку сволоки!

Повелиха: Нет, таскаться не с руки.

Ты, давай, нас загрузи,

Да до дому довези.
Погляжу на что годна
Ваша Мотька.

Вахрем: Стать видна,
А в движенъи разглядишь.
Разбираешься ж, поди ж.

Пересадив свою молчаливую супругу в новую телегу, Вахрем приказал ей следовать за ними. В старую телегу он поместил Повелиху, Ирошку с ковром и уселся сам. Так как ехать было всего ничего, лошадка довольно бодро дотянула телегу со всей компанией до Повелихиного дома.

Вахрем: Добренькая госпожа!
Вот вам лошадь, вот вожжа,
К ним повозка есть в придачу,
Чтоб поехать на удачу.

Повелиха: Мне удача пригодится!

Вахрем: А зачем тогда рядиться?

Ну, добавь половичок!

Повелиха: Ох, и ушлый мужичок!

И ковра-то жирновато!

Мож поддать под зад ухвата?

Вахрем: Ладно, ладно, я шучу!

Щас ковёр свой прихвачу,

И прощай моя Матрёна!

Не расплакаться б, ядрёна...

Смахнув рукавом воображаемую слезу, подхватив ковёр и на прощанье чмокнув лошадь в морду, Вахрем поспешил к супруге, колом торчащей на новой телеге. Ирошка ввёл Повелихино приобретение во двор. На крылечко вышла старая служанка Дося.

Дося: Где лошадку ухватила?

Повелиха: Мужика вон обкрутила:

Коврик сбаврила ему.

Дося: Чё-то даже не пойму:

Лошадь выглядит неважно.

Подгибается вон ажно.

Повелиха: Хоть такой обзавелась!

Не рассматривай, не сглазь!

Эй, Ирох! Займись конём,

А потом с тобой гульнём.

Надо же обмыть покупку.

Дося, не криви тут губку!

Повелиха, довольная исходом дела, принялась командовать Ирошкой.

Повелиха: Привяжи-ка за крыльцо.

Там в телеге есть сенцо.

Да водицы прикормячь.

Дося: Лошадь надобно распрячь.

Повелиха: А кто станет запрягать?

Такой вопрос поставил Повелиху в тупик. Она растерялась. Приобретая «движимость», козовищица не подумала, что за ней потребуются такой сложный уход. Это что же, ей придётся нанимать ещё и кучера?

Ирошка: Я согласен помогать.

Повелиха: Да? Тебя с собой беру!

Ирошка: Приходить что ль поутру?

Повелиха: Оставайся ночевать,

Не искать чтоб и не звать.

Ирошка занялся лошадьё, а Повелиха с Досей вошли в дом.

Дося: Месяц в небе – не кокошник,

А Ирошка – не помощник.

Дак на кой такого брать?

Повелиха: Дося, нервы мне не трать!

Вот тебе какое дело?

Чем тебя это задело?

Тем, что малый дурачок?

Не гневи меня! Молчок!

Окрылённая и воодушевлённая удачной покупкой, Повелиха не желала ссориться с верной Евдосией. Она уже жила и грезила завтрашней поездкой, от которой ожидала хороших барышей и приятных впечатлений.

Глядя на возбуждённую хозяйку, зная её, как облупленную, Дося осторожненько приступила к деликатному разговору.

Дося: Нонче б хоть не выпивала!

Дел скопилось – до отвала.

И девиц разогнала!

Повелиха: Да какие там дела?

Нешто вечером возиться?

С утра начну грузиться!

И не бойся, не напьюсь!

Дося: Отпускать тебя боюсь.

Повелиха: А то я б тебя спросала!

Шла б к себе и не мешала!

Ишь, устроила муштру!

Ты допросишься: попру!

Дося: Ты и девок вон турнула.

Лучше б всё-таки вернула:

Щас бы что-нибудь ткалось

И спокойнее жилось.

Повелиха: Дося, мелешь ерунду!

Я других что ль не найду?

Невеликая потеря!

Та – тупица, та – тетеря,

Третья путала узор.

Сплошь огрехи – стыд, позор!

Столько ниток извела,

Не хватает даже зла!

Не ворчи, не поучай!

Приготовь закуску, чай.

Я – наряды подберу!

Завтра всем носы утру!

Повелиха переобулась в домашнюю обувь и застыла на месте, соображая, с чего начать подготовку к завтрашнему отъезду.

Дося: От питья всё ж воздержись.

Повелиха: Да отстань ты! Отвяжись!

Я трезвёхонька, гляди!

Прочь, не каркай, не гунди!

Хошь, чтоб я те побожилась?

Дося: Всё ж ты где-то приложились.

Повелиха: Знаешь чё? Исчезни, Дося!

Ходишь по пятам, гундося!

Вот пристала, как смола!

Про свои страдай дела!

Я занудства не люблю!

Щас опоркой запую!

Появившийся в дверях Ирошка, поймал летевший в Досю сапожок.

Однако, оставим Повелиху утрясать свои дела и вернёмся к разговору о посадцах вообще. Если уж говорить о проезжем люде, то есть тех счастливицах, которым довелось побывать в Посаде, то среди них находились такие, которые специально без всякой насущной надобности заворачивали в городок, желая погрузиться в неподражаемый местный колорит да послушать бесконечных разговоров.

А крестьяне из ближних деревень и сёл находили посадцев порой излишне грамотными и говорили, что те «слишком много о себе понимают». Ведь предупредительная вежливость здешних кустарей, ремесленников и лавочников, которые в каждом новом лице усматривали не просто собеседника, но потенциального покупателя или клиента, расценивалась как замаскированное превосходство и даже высокомерие.

Также встречались люди, недовольные посадскими говорунами и даже раздражённые на этих остряков. Видимо из тех, кто попался на ловкие язычки местных острословов и основательно побарахтался в их речах, бурлящих красочными эпитетами и хлесткими поговорками.

– Очень прицеплючие!

На язык колючие.

Всё с подходцем, со смешком.

– Шутки ихние с душком!

То расспросом ковыряют,

Как на вшивость проверяют,

Хоть не спросят напрямки.

– Да, «городят теремки»

Способом многоэтажным,

Да с таким значеньем важным:

Не Посад, а пуп земли!

Будто всех, глянь, превзошли.

– Да уж точно – пуп земли,

А посадцы – короли!

– Здешни обитатели,

Горе-воспитатели,

Всюду нос свой всунут длинный

И считают за орлиный.

Вот вам случай в подтверждение: не далее, как неделю назад двое зажиточных крестьян, Савёл и Протас, продав на местном базаре что-то из домашней живности, зашли в лавку Вилизара и, благодаря усердию ловкого приказчика, закупили там кучу всякой всячины, то есть всего, на что упал восторженный взгляд, а после этого посетили цирюльню Мози Бромитея.

Сияющие от распирающей радости, довольные собой, покупками и преображённым лощёным видом, Савёл и Протас покинули гостеприимный Посад. Однако, отъехав на малое расстояние, оба призадумались, а потом начали сожалеть, что истратили кучу денег на всякую безделицу.

Савел: Тот на нас, видать, нагрелся!

Видит, глаз наш разгорелся

И давай всё предлагать.

Протас: Эх, кого теперь ругать,

Если сами простофили?

Нам немного потрафили,

А мы уши распустили.

Савел: Жалко, что заздря спустили

Столь деньжищ, да на безделку.

Протас: Видно, чёрт впихнул в проделку!

Савел: Без него не обошлось!

И ведь умных не нашлось,

Чтоб приедем подсказать.

Протас: Эх, да чё себя терзать!

Не спустили ж в кабаке.

Столь всего лежит в лубке!

Савел: Да, лежит полным-полно,

Но обидно всё одно.

Сдуру хапнули безделки,

А теперь чеши сиделки

Аль макушки – всё одно

Для хозяйства не нужно.

Простофили! Ротозеи!

Протас: Я жене из бумазеи

Хоть юбочонку ухватил.

Савел: Я вообще всё здря спустил.

Всякие фонарики,

Попрыгушки-шарики.

Хоть детишек побалую.

Протас: А я дочушку малую

Осчастливлю куколкой

Да копилкой-хрюколкой.

Савел: Прямча нас околдовали:

То и это насовали,

Навязали, сговорили,

Облапошили, обрили.

Не радовал крестьян и их «облагороженный» в цирюльне вид, где они были пострижены, завиты, выбриты до блеска, оставив на полу у слащавого цирюльника не только волосы с головы, но и окладистые бороды. Сам цирюльник тоже теперь не вызывал прежней симпатии. Как он их обхаживал!

Мозя: Щас займёмся и лицом.

С пальцем вам иль с огурцом?

Конечно, откуда было знать деревенским мужикам, что выражение «с пальцем или с огурцом» означало пожелание клиента, что пихать за щёку для округления при бритье.

Услужливый еврей и постриг их, и побрил, и наодеколонил аж до чиха и рези в глазах. Воспоминания о посещении цирюльни теперь тоже были не столь радужными.

Протас: И насчёт наружности —

Лишние ненужности.

Энтот ихний брадобрей

Нас словил, как пескарей.

Оказывается, не столько накопленное бесполезное барахло вводило мужиков в уныние, сколько посещение парикмахерской. Приятели понимали, что новые причёски — худое приобретение, так как, к сожалению, не долговечно. Ведь волосы скоро отрастут, возвратив образу прежний вид, а вот денежки, увы, назад не воротятся.

Протас: Тот мошенник изловил!

Оболванил и завил,

Накрутив таких кудёр!

Нет, чтоб сразу наудёр!

Сели там, раззявив рот

И лишились вмиг бород.

Савел: Как курчат нас осмолили!

Диколоном сверх полили —

Хороши, как женихи,

Дурачины от сохи!

Протас: Да, два олуха небесных!

В городе искали честных,

Только в данной местности

Не способны к честности.

Денег нет, а впечатленье —

Выплата за исцеленье.

Сколь хитрюг тут обитает!

Савел: Зла на оных не хватает!

Как с деньгой ты, все тут выются,

А теперь, поди, смеются.

Однако посадцы и не думали смеяться над незадачливыми селянами, а если и смеялись, то незлобиво. Ведь они также любили позубоскалить и друг над другом, причём с самым невинным видом и даже с некоторым сочувствием.

Доставалось и горожанам попавшим впросак или в какое-то щекотливое положение, причём частенько из-за болтливости собственных жён, и даже уже известным нам вдовушкам Марёфе и Евлохе по причине их нестандартных фигур. Бедные вдовы за всю свою жизнь уже столько наслушались показного сочувствия и нелесных эпитетов, регулярно доходивших до них благодаря словоохотливости подруг, что уже и обижаться перестали на насмешки и сомнительные комплименты.

Дело в том, что Евлоха страдала излишней худобой, а Марёфа — чрезмерной тучностью, и так как подруги были практически неразлучны, то контрастность телосложений особенно резко бросалась в глаза, о чём любили позубоскалить все местные мужчины, мысленно раздевая и сравнивая подруг. Что и говорить, полнота одной и худощавость другой являлась притчей во языцех на Посаде, породив массу шутиливых поговорок: «Глянь, вдовица со вдовицей — как клубок с вязальной спицей!» или: «Во, мешалка и горшок, катышок и черешок!». Навязчивое сопереживание совсем не радовало бедных вдовушек, заставляя думать, что они не такие, как все, однако ломать многолетнюю дружбу подруги не собирались! Но большие от всеобщего «сочувствия» страдала всё-таки Евлоха ввиду того, что её чрезмерно хрупкая, почти невесомая худощавость расценивалась согражданами как некий физический недостаток сравнимый

с уродством. Так, например, печник Кочуб, разговаривая со знакомым из Повелы, пытался сосватать ему Евлоху, однако, когда сват показал предлагаемую невесту, интереса у жениха не возникло, и во время последующей пирушки приятели основательно повеселились.

Приятель: Эта что ль, белявая?

До чего ж костлявая!

Кочуб: Ну, худа.

Приятель: Тоща, как спица!

Кочуб: На мощах не сладко спится?

Сны голодные что ль снятся?

Можно местом поменяться,

Самому чтоб снизу лечь.

Приятель: Друг, мечтаний не калечь!

Неуместно замечанье.

Где любовь, когда бренчанье:

Будь хоть сверху, хоть внизу,

Грохот, будто на возу

Скобяной товар нагружен.

Не прельщает вид наружен.

Обнадёжили Петрушку,

Пригласивши на пирушку.

Тот готовился, не ел —

Помереть вперёд успел.

Кочуб: Да уж вижу: рад мощам,

Как собака кислым щам!

Приятель: При такой худоблости

Выпуклые области

У неё — как вмятины.

От такой поснятины

Не подавишься слюной.

А чтоб взять её женой —

Это надобно решиться!

Без рыбёшки — не ушица,

Как и женщина без форм.

Нарушенье внешних норм!

И бывший моряк Коца тоже частенько сокрушался о сухощавости данной сударыни, беседа с женой Малафьей, довольно соблазнительной особой. Так же моряк весьма скептически, но с сочувствием обсуждал желание вдовушек обрести мужей в новом браке.

Малафья: Вся иссохлась, вот бедняжка!

Коца: Не конфетка, не вкусняшка!

Внешний вид готический

Мало эротический.

Оттого не вижу шанса.

Взять эпоху Ренессанса:

Те великие холсты,

Те полотна. Как чисты,

Как раскормлены натуры,

Хоть в картине, хоть скульптуры!

Что за прелесть в каждой даме!

С грудью, с формами, с задами...

Однако расплывшиеся формы Марёфы у такого великого критика и ценителя женской красоты, каким считал себя Коца, также не вызывали восхищения, ибо он считал их «переизбыточными».

Коца: Ну а энту взять женой —

Кто согласен спать с копной?

Разве только на копне!

Так, случись, столкнуться мне...

Малафья: Я тебе щас так столкнусь!

Ишь с каким подходцем гусь!

У Коцы была привычка называть жену всякими звучными именами. Посадцы дивились такому обстоятельству, а Малафья привыкла и не обижалась.

Коца: Дорогая Лорелея,

Для меня ты всех милее

Прочих — толстых и худых,

В возрасте и молодых.

Так как обе вдовицы приятельствовали с Кульбачихой, дед был осведомлён обо всех перипетиях их жизни и тайных мечтаниях более, чем положено знать постороннему лицу, однако и он не очень-то верил, что при таких своеобразно-отличительных достоинствах бабке когда-нибудь удастся пристроить подружек замуж. Такое неверие раздражало Кульбачиху, и она начинала выговаривать деду, что он ничего не смыслит в женской красоте: «Чё б ты, старый, понимал? Ты б меня не донимал! Капиталей есть у вдов! Этот довод стопудов!». В ответ дед начинал иронизировать над бабкиными критериями привлекательности, сотрясаясь от смеха и кашля вперемишу, выплетая Бог знает что: «Что сказать о той-другой? Образ видится нагой и такое лепится, что кругом нелепица. В чём моя инспекция? Данная комплекция столь оригинальная, что мечта финальная не в ближайшей перспективе. Так что ты крутись ретиве!». Своими сомнениями дед как-то поделился с забежавшим к старикам Еросимом.

Кульбач: Тут у нас в достатке вдов

Мается по столь годов.

Бабка всё у них сидит,

В уши вдовушкам дудит,

Обещая новый брак.

Те в плену у ейных врак.

Обещаешь — так добудь!

Еросим: Мож пристроит как-нибудь.

Кульбач: Ну, нашла б хоть инородца,

Аль калеку, аль уродца.

Кульбачиха: Им такие не нужны.

Им наружности важны

И вообще обеспеченье.

Кульбач: Сами-то — не огорченье?

Взять хоть ту бабёнку тошу —

Не возмёшь рукой на ошупь.

А как с тучной закрутить?

Рук не хватит обхватить!

Кульбачиха: Не тебе же их хватать!

Так что нечего мечтать!

Кульбач: Там — сплошные плоскости,

Там — одне громоздки.

Ту бы надо обстругать,
Той бы сала подстегать.
Но философически,
Всё в них специфически.
Крупом та внушительная,
Нравом – нерешительная.
А подружка, хоть тщедушна,
До мужчин равнодушна.
Взгляд-то – ищущий и ждущий,
С тайной мыслью, как крадущий.
В данной ситуации
Нет ажиотации,
Чтоб подружками пленяться.

Еросим: Да, такие не приснятся!

Кульбач: А приснятся – страх, кошмар!

Кульбачиха: Ха, ваш брат-мужик – комар:
Присосётся – будь здоров!

Кульбач: Вновь поклёп на комаров!
Комарихи не сосут?
Их на выгонах пасут?

И даже уже известные нам кумовья Евлам и Сидорий, ничуть не озадаченные тем, что сами женаты отнюдь не на писаных красавицах, любили позубоскалить, причём смачно и с толком, обсуждая параметры фигур несчастных вдов.

Сидорий: Таковой была рождённой
Полноты непревзойдённой.
Та худее вон на сколь,
Раздери её куколь!

Евлам: Очень уплощённая,
Как неоснащённая
Женской принадлежностью,
Что с призывной нежностью
Так и колыхается.
Энта – задыхается

От чрезмерности огромной,
Но глядится очень скромной.

Сидорий: Да, невероятная —
Просто необъятная!

А подружка в тех порах —
Как тычинка – глянуть страх!

Евлам: Энта сверхдостаточная,
Ну а та – остаточная.

Сидорий: Дак, выходит, так, Евлам:
Не делили пополам,
Потому одной – ого,
А подруге – ничего!

Бог чуток перемудрил.
Как такими сотворил?

Евлам: Над мордашками трудился,
А потом распорядился

Подмастерьям долепить.
Тех лыдявых бы лупить
За такую лепку-шалость:
Той – с лихвой, а этой – малость.

Сидорий: Эти несуразности
Для разнообразности
Человеческой породы.

Божьи люди – не уроды!
При великой множести
В людях много схожести.

Ну а тут в обличии
Полное различие.

Красота не с образца
По велению Творца.

Евлам: Кто б за внешность их корил?
Бог такими сотворил.

Но однако для мужчины
Ни копёшки, ни хвощины
Интереса не имеют.

Сидорий: Значит вкус они имеют.
Сам мужик, хоть будь сморчком,
Лишь бы хвост торчал торчком.

Таковы были посадцы, умеющие и поиздеваться, и посочувствовать. Первое время Посад, как новое поселение, был освобождён от податей и повинностей, поэтому довольно быстро поднялся вровень с Повёльей. Дед Кульбач частенько рассказывал соседским парням историю возникновения города.

Кульбач: Всё перетерпели мы же.

Щи хлебали хоть пожиже,
Дак и брюх не нарастили.
Бились, путь вперёд мостили!
Это щас отвисли брыли!

А сперва землянки рыли.

Ярвэй: Как землянки?

Кульбач: Чем не кров?

И кормились от костров.
А теперь у всех дома,
Да добротные весьма.
Окунулись в ремесло,
Дак оно всех и спасло.
Есть места больших искусств.

Скажем, Тула, Златоуст,
Палех, Гжель и Городец.
Наш Посад не столь гордец.
Здесь у нас по воле Бога
Всяких дел родилось много.
Не худые мастера!

Только это всё вчера.
Завтра просит лучшим стать —
По-иному заблистать.

Ярвей: Мы теперь у ремесла
Не последнего числа.

Кульбач: Ремесло – судьба, удел
И очерченный предел.
Вырвешься и что найдёшь?
Либо вовсе пропадёшь,
Либо станешь жить иначе.
Хорошо? – то это значит,
Прав был, что на шаг решился.
Если и того лишился,
И в другом не преуспел —
Не созрел, но переспел!
Значит, просто обманулся,
Не туда шагнул, запнулся.
Пораскинь, дружок, мозгой,
Так хорош ли путь другой?

Ярвей: Мне работа гончара
Нравится.

Кульбач: Тогда – ура!
Если же невмоготу —
Перешагивай черту,
Чтоб на месте не топтаться.
Если всем нам не пытаться,
То закиснем, как в трясине.
На цепи хоть сытно псине,
Но, однако ж, зол тот пёс,
Потому что жизнь без грёз
У дворняги той цепной.
То не скачки под копной
Посреди собачьей свадьбы!
Эх, впоследствии не страдать бы!
Если грезишь, но зажато,
Будто в клетке медвежата
Истомились и ревут,
Мысли к большему зовут,
Надо пробовать идти.
Не ступив, не обрести!

Если Ярвей был первым сыном Еросима, то Дробша шёл четвёртым, но по самостоятельности мышления мог дать фору другим сыновьям соседа, утерев носы старшим братьям.

Дробша: Я б в другое окунулся.
Интерес уж шевельнулся,
Чтоб изделия продавать,
А не с глиной вековать.

Кульбач: Эх ты, Дробша, Дробогор!
Вон какой в мечтах бугор!
Коль твоё – дерзай, вцепись.
Нет? – тогда не торопись!
Или зубы обломаешь,

Иль себя совсем измаешь.
Знаешь, Дробш, когда с охоткой,
Труд покажется находкой.
Сам сто лет без малости,
Не познав усталости,
Я не вкалывал ни дня.
Труд – как песня для меня!
Глина, внук, с гончарным кругом
Были деду смыслом, другом!

Раньше Кульбач любил пространно и с некоторой идеализацией былой действительности покаяться о стародавних временах со своим давнишним дружкой Гмырем, вспоминая молодость и рассказы отца и деда, однако последние годы общение сошло на нет, так как друг лежал разбитый параличом.

Гмырь: Да, взялись за дело пылко.

Кульбач: Предприимчивая жилка
У людей всегда была.

Гмырь: Потихоньку жизнь пошла
Вверх, да в гору, да ползком,
Да с нагруженным возком.
В нём несчастья, беды, мор.

Кульбач: Бились страсть, наперекор,
И судьба не обманула.

Гмырь: Тут торговля затянула:
Что сработал – то и сбудь,
Чтобы жить ни как нибудь,
С голодухи не ропща.

Кульбач: Всяк себе, но сообща.
Коли все не на мели,
Прикопляются рубли.
Пусть не до великих тыщ,
Но, когда народ не нищ,
То заказ нам обеспечен.
Ведь любой товар не вечен,
Хоть сработан без огрех
Дай, Бог, всем не знать прорех!
Ведь когда в торговлю ввязнешь,
Душу прибылью раздразишь,
С «аппетитом» ладишь дело.

Гмырь: Дело бы кого разделе!?

Однако, разговаривая со случайным гостем, дед уже обсуждал не взаимовыгодную пользу всеобщего процветания, а странность русского характера, когда даже незначительный достаток одного соседа приводил в уныние другого, менее удачливого, толкая от зависти на подлые мысли с проклятиями и пожеланиями всяких бед. Обычно Кульбач начинал рассказывать всем известную старую притчу о таком вот соседстве, украшая концовку разными вариациями.

Кульбач: Жил да был один бедняга.
Двор пустой, худа коняга
Мыкалась в хозяйстве скромном.
Жил в разоре преогромном.

Нищета, худа земляца...

Стал усердно он молиться

Дни и ночи напролёт,

Ожидая, что пошлёт

Бог ему счастливей доле.

Гость: Больше б гнул хребет свой в поле,

Дак поменьше б ведал бед.

Кульбач: Пред иконой гнул хребет,

Ночь не разомкнув щепоть.

Услыхал его Господь

И пред ним образовался:

«Чтоб ты, сын, не убивался,

Я тебя вознагражу.

Но при этом так скажу,

Что сосед, в моей то воле,

Обретёт в два раза боле».

«Как? Соседу больше вдвое?»

Можно ль вынести такое,

Чтоб и он обогатился?

Так бедняга возмутился:

«Вот за что тому-то стоко?

Отче, выколи мне око!»

Пожеланье каково!

Потому и оттого

Сам готов терпеть увечье.

Вот те диво человецье!

В другой раз, рассказывая эту же историю, Кульбач жертвовал рукой бедняги.

Кульбач: Что желаю от души?

Ты мне руку отсуши!

* * *

Хочу ещё раз ненадолго отвлечься от описания своих любимых героев и заглянуть на посадский базар, то есть на ту площадь в центре городка, вокруг которой располагались торговые и ремесленные лавки и лавчонки, и к которой примыкала главная улица с уездными конторами, ведомствами и присутственными местами.

Независимо от дня недели, базарная площадь была самым посещаемым и многолюдным общественным местом, так как посадцы приходили сюда не только по необходимости или за покупками, но и прогуляться, встретиться со знакомыми, то есть узнать новости и пообщаться.

Две почтенных дамы, Мингёла и Вересинья, шестидесяти лет отроду, а может даже и с небольшим довеском, от нечего делать тоже прогуливались вдоль лавок, а встретившись, зацепились разговором. Нельзя сказать, что пожилые сударыни были близкими подругами. Что их сближало – так это воспоминания далёкой молодости, когда они обе бежали на посиделки, супрядки да гуляния, то есть их объединяла совместно проведённая, трепетная от мечтаний и надежд, далёкая девичья пора.

В своё время Вересинью, тётушку Малафьи, выдали замуж, и она до самой смерти супруга слыла примерной домоседкой. Мингела на всю жизнь осталась старой девой, не покидая отчего дома, а потому сперва проживала с родителями, а потом с братом – лавочником

Юхтаем. Поздоровавшись и осведомившись о здоровье друг друга и близких, сударыни заговорили о житье-бытье, не забыв пройтись по нынешним нравам.

Мингела: Потихоньку доживаю,
Годы-бусинки сдеваю,
Ожерелье всё длинней.

Вересинья: Только бусины темней
И тяжёльше год за годом!

Мингела: Сами ходим тихим ходом,
А года – как птицы мчатся!

Вересинья: Как сама? Как домочадцы?
Далеко ль с утра ходила?

Мингела: Да Улисю проводила.
Та к Светлинке отселилась.
После в храме помолилась,
Но не в этом, в том, другом.

Мингела имела ввиду не главный посадский храм, помпезно и величественно высящийся в центре города, а один из других, что поменьше да постариннее, а потому попроще, однако являвшимся чуть ли не ровесником самого Посада.

Мингела: А хожу ведь не бегом,
Дак на всё ушло полдня.

Вересинья: Минушка, и у меня
Ноги резвости не той.
Чё, Улися на постой
У Светлины поселилась?

Мингела: Доглядать определилась.
Та ж на ярмарку хочет.

Вересинья: Ту вдовство не тяготит!
Находились мужики,
А она их всех – в штыки!
Кабы мужа завела,
Щас бы он крутил дела.

Мингела: У неё ответ готов:
Развертает всех сватов!

Оглянувшись, Вересинья увидела двух прехорошеньких юных барышень, прогуливавшихся вдоль лавок и весело щебечущих о чём-то своём.

Вересинья: Что за девоньки пошли?
Подолёшки по пыли
Волочатся как хвосты.

Мингела: Тротуары не чисты,
Дак девахи подметут.

Вересинья: Бестолковы девки тут!
Нет, чтоб кверху присобрать!

Мингела: Думали б! Не им стирать!
Беззаботные гуляют.

Вересинья: Как глазёнками стреляют!
Всё в теперешних порочно.

Мингела: Потому их замуж срочно
Надобно определять.
Враз отучатся вихлять

И задами, и плечами,
И постреливать очами.
Засидятся – вон, как я.
Не у всех таки братья!

Вересинья: Нас растили много строже!

А у этих чё на роже!
Мордочки напудрены,
Локоны накудрены!

Приятный дамский разговор был прерван появлением Валенты. Церемонно раскланявшись с почтенными сударушками, Валента огорошил их страшной новостью, жизнерадостно заявив, что Коца убил местного священника батюшку Пилистрата.

Валента: Чё твой зять-то утворил!

Вересинья: Чё?

Валента: Никто не говорил?

Пилистрата ж порешил!

Вересинья окаменела, а Мингела пренебрежительно фыркнула, чтобы не рассмеяться над такой нелепостью. Батюшка имел могучее, грузное телосложение, в то время как Коца был невысок, худощав, жилист и подвижен. То есть в сравнении со священником моряк выглядел цыплёнком рядом с устрашающе раздувшимся индюком.

Мингела: Батюшку что ль? Насмешил!

Где тот зять, где Пилистрат!

Наш священник многократ

Поплотней Коцепиона.

Вересинья недолюбливала мужа Малафьи, ибо бывший моряк казался ей безалаберным бездельником, совершенно не стоящим её племянницы. Когда ей случалось гостить у Малафьи, редкий, но затяжной визит всегда заканчивался ссорой. Наговорив самой племяннице много нелестного о её непутёвом супруге, тётюшка и с Коцей успевала поцапаться, хотя тот всегда старался оставить родственниц угощаться и распивать чаи наедине. Однако на людях Вересинья была сдержаннее и не порочила зятя публично. Она ничуть не поверила в дурацкую выдумку Валенты, ибо знала, что этот неприятный до отвращения сплетник и клеветник горазд на всякую подлость.

Вересинья: Есть грехи у охламона,

Но к убийству неспособен.

Пакостный он, но не злобен.

На язык вообще страмной.

Шутки шутит надо мной.

Погрызёмся, зачастую.

Я, бывает, протестую,

Он не сдержан – прям как глоба⁸!

Как упрётся твердолобо,

Век не сдвинешь! Сталь костяк!

Ты против него – пустяк!

Неча зятя мне марать!

Валента: Неужели стал б я врать?

Истина чрезвычайна!

Я же мимо шёл случайно

И услышал крик страшный.

⁸ Глоба – шест, жердь.

Вересинья: Врёшь, паршивец оглашенный!

Валента: Да клянусь! Был крик и визг.

Не решился я на риск:

К ним во двор не заглянул.

Вересинья: Это ты-то?

Валента: Не рискнул.

Пилистрат взревел сначала.

Вслед Малафья закричала:

– Ой, упал и расхлестнулся!

Мингела: Ну, упал! Мобуть споткнулся!

Валента: Коце были обвиненья!

Вересинья: Прямо убил! С чего раненья?

Валента: Не входил, не проверял.

Поп сознание потерял,

А Малафья всё орёт,

Истеричность так и прёт:

– Ты угробил Пилистрата!

Вот такая всем утрата:

Без священника теперь!

Мингела: Вересинья, ложь! Не верь!

Валента: Стал бы врать, себе вредить?

Чтоб в участок угодить?

Вересинья: Кто б те был в участке рад?

И при чём тут Пилистрат?

Он у них что ль находился?

Ты умом не повредился?

Не попутал дом и храм?

Валента: Лишь в домах бывает срам!

Поп Малафью навещал.

Чё-то Коца верещал,

На измену намекая.

Мингела: Не краснея, не икая,

Врет, бездельник, прямо в глаза!

Взгляд – как чистая слеза,

А язык – лишь сор сметать.

Вересинья: Ох, доврётся, подлый тать!

И тут Мингела увидела живого и невредимого священника Пилистрата, ехавшего с Коцей на его выездной коляске по главной улице по направлению в сторону дома батюшки. Священник сидел позади моряка с несколько отстранённым видом, глядя перед собой торжественно-скорбным взглядом, но мало ли какие возвышенно-божественные мысли могли посетить владыку в это самое время. Дом Пилистрата находился недалеко от базарной площади рядом с храмом, и стоило проехать ещё один перекрёсток, как можно было увидеть забор, отделяющий двор и сад от улицы и церковного подворья, а также работников, устанавливающих новые ворота. Мингела затеребила Вересинью, показывая на ехавших Коцу и Пилистрата.

Мингела: Глянь-ка, вон же едут! Вон!

Слышал звон ты, пустозвон,

Да не выведал, о ком!

Увидев Коцу, мирно везущего куда-то Пилистрата, Вересинья взбеленилась.

Вересинья: Свёл нечистый с дураком!

Прочь отседа, чёрт рябой!

Разговаривать с тобой —

Как помоев отхлебнуть!

ТЬфу! Не смей к нам близко лгнуть!

Валента: Да живой ли Пилистрат?

Вересинья: Ни мужик ты, ни кастрат,

А незнамо что на свете!

Мингела: А мужик всегда в ответе

За любую речь свою.

Валента: Да, но...

Вересинья: Я тебя прибью!

Мингела: Ой, не надо! Лучше в часть!

Пусть его бичует власть!

Вересинья: Чтоб ты чёрт в лапшу стругал!

Взял мне зятя оболгал!

Подъезжавшие к базарной площади знакомые нам кумовья Евлам и Сидорий увидели ехавшего навстречу Коцу с закутанным в покрывало дородным пассажиром.

Евлам: Глянь, кого везёт моряк!

Сидорий: Это что ещё за хряк?

Евлам: Э-э, поаккуратней, брат!

То ж священник Пилистрат.

Грех судить, кто в облаченье!

Сидорий: Чисто умопомраченье!

Не узнал его сперва.

Вижу — только голова,

Остальное всё горой.

Удивительный покрой!

Евлам: Он прикрытый покрывальцем.

Сидорий: Тушка та прикрыта салыцем!

Евлам: Что ж так не почтительно?

Сидорий: Толст он отвратительно!

Я уж нагладелся ряс!

Что ни поп — то лоботряс!

Вот к чему так разожрался?

Евлам: Ты к чему, кум, разорался?

Сидорий: Сколь народа голодует,

Эти жрут и в ус не дуют!

Евлам: Ну а мы с тобой не жрём?

Сидорий: Мы чужого не берём!

Евлам: И они всегда при деле.

Сидорий: Да, «плетут свои кудели»!

Разумеется, Евлам знал историю, после чего его разлюбезный кум Сидорий невзлюбил попов, особенно с выдающимися излишками веса. Произошло это несколько лет назад, когда Сидорий возил жену и дочь в Москву к каким-то родственникам дальних родственников — седьмая вода на киселе. Семейство прогостило в первопрестольной несколько дней, посещая разные красивые и известные места, а также магазины и храмы.

В одной из церквей немолодой обрюзгший священник изъявил желания показать Овлимпиде, юной дочери Сидория, какие-то древние подземные помещения в церкви, скрытые

от общего обозрения. Заподозрив неладное, Сидорий потихоньку проследовал за ними и не зря. Увидев, что облачённый в рясу развратник то за ручку трогает девицу, якобы, поддерживая её, чтобы не запнулась, то за плечико, то за голову, мол, пригнись, дочь моя, дабы не стукнуться о свод, Сидорий вскипел. Он тут же прервал «экскурсию», забрав дочь, не забыв на прощание сказать батюшке, причём в самых прямых и нелестных изречениях всё, что о нём думает. И это при том, что кум Евлама был человеком флегматичным, медлительным и на удивление спокойным, однако та история породила в его душе неприязнь и недоверие ко всем сверх меры упитанным священнослужителям.

Но поездка в Москву не прошла даром. Не успел Сидорий привести семейство домой, как к ним заявили сваты от московской родни и высватали их Липочку. Евлам помнил, как готовясь отправиться на свадьбу в Москву, Сидорий заявил, что должен лично увидеть священника, которому предстоит венчать молодых, ибо толстого и пузатого он отвергает сразу. Московская родня только посмеялась над чудачеством посадского свата, а Евлам получил исчерпывающие разъяснения.

Сидорий: Есть болезнь такая – стресс.

Проявила интерес

Дочка Овлипия.

До сих пор в обиде я:

Как посмел поп прикасаться?

Евлам: Кум, зачем на всех бросаться?

Мало ль толстых среди ряс?

Ты в том случае погряз!

Выпивая по случаю сватовства Липочки и отбытия на свадьбу в Москву, кумовья надрались на славу.

Евлам: Гладкий путь вам половичкой!

А как станет дочь москвичкой,

Шибко, кум, не зазнавайся,

От родни не отрывайся.

Интересно, что всех жениц в семье Сидория звали Овлипиями. Это забавляло, прежде всего самого Сидория.

Сидорий: И жена Липушечка,

Сладкая пампушечка,

Да и дочка Липочка

Славенькая цыпочка.

Тёщица – Липёния.

Вот така...

Увидев входящую в комнату жену, Сидорий быстренько сориентировался, назвав совсем другую часть тётчиного тела.

Сидорий: Лапенция.

Жена: То ж от плоскостопия.

Тёща была грузной, рыхлой, с тяжёлой нижней частью туловища, толстенными новыми ногами, которые она едва переставляла. Дождавшись, когда жена покинет комнату, Сидорий зашептал Евламу на ухо то, что собирался брякнуть раньше, но уже более в мягкой формулировке.

Сидорий: Это же о попе я.

Евлам: Да уж понял я, Сидор!

Нет нужды чинить раздор!

Спустя год у Сидория появилась ещё одна Липочка – внучка. Празднуя по этому поводу, счастливый дедушка пускал слюну от умиления.

Сидорий: У меня ж опять Липусик —
Внучка Липочка! Пампусик!

Евлам: Да, Сидорий, будешь хлипок,
Заплутаешься средь Липок!
То тебе не три сосны
На пригорке средь весны!

С той поры прошло несколько лет и в доме Сидория осталась одна Липа — жена. Дочь Липочка и подросшая Липусик проживали в Москве, отошла в мир иной тёща Липенция, а Сидорий так и не изменил своего отношения к упитанным священникам. Видимо, и сейчас, столкнувшись с ехавшим навстречу Пилистратом, Сидорий вспомнил того беспутного московского батюшку с елейными речами, масляными глазками, липкими руками и похотливыми замашками.

Евлам: Наш священник Пилистрат
Не способен на разврат.
Ну а то, что он толстяк,
Не великий грех. Пустяк!

Сидорий: Есть голодные в державе?

Получив утвердительный кивок, Сидорий продолжил с прежним пылом уличать священнослужителей в чревоугодии.

Сидорий: Потому попы не вправе
Неприлично так жиреть!
Всем им жариться, гореть!

Евлам: Поп не пашет, не куёт.
Ручкой машет да поёт —
Уж таков его удел.
Отчего б он похудел?
Есть чем пузо обрывать?
То крестить, то отпевать —
Всё в заботах о душе.

Сидорий: Хорошо живётся вше:
Вся работа, чтоб куснуть,
Да с других кровя соснуть!

Евлам: Богохульствуешь, поди!
Грех добавится, гляди!

Сидорий: Я Всевышнего корю?
О попах же говорю.
Мы живём своим горбом,
Те лишь гнутся стукнуть лбом.
К нам, сердешным, те попы
Присосались, как клопы.

Евлам: Чё ты выдумал: вша, клоп!
Помню: толоконный лоб
И работника Балду.

Глянь на энту чехарду!
Сидорий: Бабки треплют что ль кого-то?

Евлам: Чё б не потрепать его-то?
Заслужил Валента лупки!
Престарелые голубки
С каменелыми когтями

Издерут его ломтями,
Морду сделают рябей.
Сидорий: Их сравнил и голубей!

Тут вороний клюв и нрав.
Пусть потреплют – тут ты прав!

Уцепив Валенту за грудки, разъярённая Вересинья трясла обескураженного обманищика, оглядывающегося на проехавших мимо Коцу и Пилистрата.

Вересинья: Клеветник, злодей, болтун!
Поппрорежу твой колтун!

Слышала такое, Мина?
Вон чё выдумал!

Мингела: Страмина!
И не совестно ему?

Вересинья: Совесть – плевать во тьму!
Я ему щас в зенки хárкну!
Дай, его, паршивца, шваркну!

Мингеле насилу удалось оторвать Вересинью от растерянного Валенты.

За сим оставим добропорядочных сударушек разбираться с неисправимым лгуном и сплетником Валентой, кумовьёв любоваться этим зрелищем, а сами вернёмся к прежнему повествованию.

Неутомимый на разговоры Кульбач никогда не отказывался от общения с молодёжью, обсуждая с юным поколением всевозможные темы, в том числе и вопросы любовного характера. Мало того, дед частенько возглавлял официальное сватовство, после предварительного сговора Кульбачихи с заинтересованными сторонами. Поэтому многие молодцы доверяли ему свои сердечные тайны, и дед умел найти и слова утешения, и подучить неловкого парнишку, как вернее действовать, чтобы окрутить какую-нибудь местную гордячку.

Кульбач: Ха, я сам всю жизнь влюблён

И душевно закалён.
Смолоду сидишь у круга,
А все мысли: «Как подруга?»
В очертаньях глэчика
Видится уж плечико,
Пышный бюст, осанка в рюмку.
Про любовь лелеешь думку —
Руки лепят с вожделеньем
К необузданным стремленьям.

Разговоры деда о любви, как вообще, так и воспоминания о своей пылкой влюблённости, очень разнились в зависимости от собеседника: то он расписывал всё в радужном свете, то, наоборот, погружал собеседника в мрачные реалии.

Кульбач: Погулял на сто рядов

До семнадцати годов,
А потом гнезdochко свил.
Это батька изловил
И жениться обязал.
Вот красотку навязал —
До сих пор бросает в дрожь!
Я-то был хорош, пригож,
Но не очень, вишь, везучий.
А она змеей ползучей

Подползла и обвила.

Иссушён в объятьях зла.

Другому парню дед рассказывал совершенно иной вариант своей любовной истории.

Парень: Сам, поди-ка, сговорил?

Кульбач: Разговором задурил.

Если барышня прелестна,

С ней роман затеять лестно.

Схороводились мы с ней

День за днём тесней, тесней.

Парень: Но хоть не дошли до срама?

Кульбач: Не дошли. Сперва – до храма!

Напугав или озадачив влюблённого, Кульбач мог тут же свернуть всё к шутке либо к глупокомысленным рассуждениям.

Кульбач: Всё имеет срок, причину.

Просто ты в себе мужчину

Ощутил – пришла пора.

Знаешь, это не игра —

Красной девицей увлечься!

Хоть умом не искалечься!

Коль любовью заразился,

В мир мечтаний погрузился,

То, выходит, ты созрел.

Дак кого, сынок, узрел?

Юные влюблённые частенько конфузились, пытаясь говорить намёками, отвлечённо, гипотетически представляя ситуацию.

Кульбач: Ты, родимый, не смущайся

И от деда просвещайся.

Хватит сердце истязать!

С кем желаешь жизнь связать?

Ведь оно, как говорится,

В счастье и душа – царица,

Без него – как побирушка:

Есть еда, да не пирушка!

Если Кульбач видел, что влюблённость у парнишки ненастоящая, а в голове ещё вовсю гуляет ветер, дед наставлял собеседника иначе.

Кульбач: Не успевши опьяниться,

Не спеши, мил друг, жениться,

Чтоб потом не обмануться.

С той мечтой тебе б проснуться

Сотню раз, а лучше – двести,

Представляя вас уж вместе.

Коль колеблется душа,

Что и эта хороша,

И подруженька мила,

Не спеши вершить дела.

Ты, покуль свободный птах,

Поживи, милоч, в мечтах.

Допроси нутро своё:

Лучше с ней аль без неё?

Все женатые поймут,
Что женитьба – есть хомут!
При любви же необъятной
И хомут, сынок, приятный.
Сам избрал судьбу такую —
Век с ней маюсь и ликую.
А другую б уболтал,
Генералом разве б стал?

Охваченные первой влюблённостью молодцы не очень-то верили байкам Кульбача, но любили послушать говорливого старика.

Кульбач: Сам я по велению рока
Стал влюблён в мгновенье ока
Оглушительно, стремглав.
Мой студент сказал б: ай лав.
Точно, накатила лава
Оглушительно, стремглаво!

Слушая хвастливые речи деда, парни постепенно переставали смущаться и напропалую выпытывали у старого греховодника секреты обольщения.

Кульбач: Я влюблён был искромётно
И за дело взялся плотно,
Чтобы сблизиться плотней.
И добился! Маюсь с ней
Цельну жизнь с проклятой бабкой,
Чёрт бы взял её охапкой!
Так любовь атаковала —
К ней навеки приковала.
Всё через неё шальну!
Ну, рассорюсь, ну гульну,
И обратно к той под бок.

Один из парней: Избежать тех чувств не смог?

Кульбач: Избежишь! Куды деваться,
Коль присох – не оторваться?
А всё бабка с ворожкой.
Колдовству не дашь ведь бой!
Тем себе же навредишь.
Присушила же, поди ж!
Нет от энтих чар леченья.
В мёд попал и в заключение
Точно муха: с тем сижу —
Нету выхода жу-жу.
Иногда всё ж покусаясь,
Но на драку не бросаюсь.
Это бабка здорова.
Ей же чувства – трын-трава.

Пришедшему как-то к Кульбачам жениху, имевшему намерения пригласить стариков вести сватовство, подвыпивший дед наговорил много нелицеприятного о женском сословии и о супружеской жизни вообще. У деда и в мыслях не было отговаривать жениха от сватовства, просто старый пройдоха желал позлить присутствующую при этом супругу.

Кульбач: Походи, поженитайся,

На гулёшках попихайся.
Вольны крылья спину жмут?
Что ж, толкай себя в хомут,
Коль охотка с нетерпёжкой.
Кульбачиха: Испугал мыша копёшкой!
Глянь, хомут!

Кульбач: Не удила —
Не сгрызёшь! Таки дела!
Дашь себя захомутать —
Поздно будет причитать.

Жених: Сам, старик, не видно что-то,
Что умаян от причёта.

Кульбач: Вот те! Я-то не умаян?
Я с отчаянья отчаян.

Мой хомут – ярмо пудово!
Окрутили молодого,
Пожеланья не спрашая.
Маюсь, душу орошая,
Претворяясь бодрячком.
Вот хлебнул, и хвост торчком!
Оттого и пью «живицу»,
Раскудрит тя, рукавицу!

Кульбач был здорово под хмельком. Заметив намеренье Кульбачихи высказаться против, дед стукнул костыльком об пол, желая показать, кто в доме хозяин.

Кульбач: Цыц, старуха! Не перечь!
Супротив всегда навстречь
Так и выпрешься, как прыщ.
Говорю ж, молчи, отрыщ!
Сядь подаль, прижми хвосток.
Помни, баба, свой шесток!

С соседями, Еросимом и Креной, разговоры Кульбача о вопросам любви носили более откровенный характер.

Кульбач: Дед Кульбач хоть стар, линиял,
Сколь подружек поменял
В те года – не перечесь!
А женился – не Бог весть,
На какой. Дурак дебильный!

Крена: Пряма такой любвеобильный?

Кульбач: Дак в меня-то, безусловно,
Все влюблялись поголовно.

Я ж могучий был, рясной
И красавчик расписной!

Еросим: Почему теперь другой?

Кульбач: Поживи с такой ягой —
В лешего и превратишься!

Но умом обогатишься.

Крена: Но когда-то же любил.

Кульбач: Говорю ж тебе – дебил!
Слово вычитал в книжонке.

Так подходит гладко жёнке!
Что касасямо любви,
Есть у всех огонь в крови:
У собак, коней, коров,
Если молод и здоров.
Чувство – как лишай, болезнь!
Хоть чешись, хоть весь облезь,
Не даёт тебе покоя.
Помешательство такое —
Как в тумане аль в дыму.
Сам себя впихнёшь в тюрьму
И как вечный срок мотаешь,
О свободе не мечтаешь.
Жисть назад не отлистать.
Еросим: Но она тебе под стать.
Кульбач: Допустимо, чтоб орёл
В жёны клушку приобрёл,
Аль подобие гусыни?
Только вот мечты о сыне...
Тут хоть бейся, хоть реви...

Еросим поспешил перевести разговор на любовное прошлое Кульбача, ибо тема бездетности была для деда наиболее горькой.

Еросим: Начиналось всё с любви.
Кульбач: Безусловно, всё с неё
Наказание моё.
А подумать, так приятней
Породниться с голубятней.
Там хоть воля, тут же – мрак!
Еросим: У тебя счастливый брак!
Кульбач: Брак счастливый? Вот те здарсьте!
Это счастье на контрасте.
Ведь когда милее нам? —
Когда всяк по сторонам.
Наше с ней супружество
Вовсе не содружество
И не битва за корону.
Я как Петр свою Феврону
Так любил, аж пламенел
Но с годами поумнел:
Не толкает к сумасбродству.
Престарелому сиротству
Той пустышке век обязан.
Господи, за что наказан?
И Кульбач затянул одну из своих частушек.
Кульбач: Для милого Ванюшки
Пирожки да шанежки.
Для нелюбого Егорки
Лишь сухарики да корки.

Сосед Миньша, вечно торчащий со своей Силовной на крылечке и долгими часами наблюдавший бесконечные пространные беседы Кульбача с постоянными визитёрами, иногда начинал рассуждать о смысле такого хлопотного существования соседей. При этом было непонятно, то ли сосед жалел деда, то ли сожалел, что сам не имеет такого широкого круга общения.

Миньша: Всем дедок необходим!

Ну а был бы нелюдим,

Дак кому б тогда он сдался?

Смерти бы уже заждался!

Не сидит он под замками.

Силовна: Люди ходят косяками.

Миньша: Дак не зря народ, чай, ходит!

Силовна: Каждый чё-нибудь находит:

Мужики – те выпивать,

Бабы – к бабке колдовать.

Миньша: Ну и что? А к нам с тобой

Не спешит народ гурьбой.

Жизнь – столетних черепах!

Силовна: Чтоб ворота нараспах?

Ой, не дай, Господь, Миней!

Мне отсюда всё видней.

Да и чем я помогу?

Колдовать же не могу!

Да и ты, Миней, дружок,

Все мосты давно посжёг

Те, что к выпивке вели.

Мы другое обрели:

Наслаждение покоем!

Калгатиться вдруг? Ни в коем,

Никогда и ни за что!

Не хочу иметь я то!

Жить спокойней без острастки

На своей родной терраске.

Нешто плохо нам вдвоём?

Своего мы не пропьём,

Не сдадим, не прогадаем.

Вон как славно восседаем!

Миньша: Всяки обстоятельства

Создают приятельство.

Если к людям ты с душой,

То прирост идёт большой.

Что сказать о самом Посаде? Получив когда-то по ошибке статус города, а затем и уезда, Посад по-своему процветал, и посадцы не уставали доказывать миру, что они ничем не хуже тех же повельцев, крутоярцев и даже звенигородцев. А там уже и до Москвы недалеко. Петербург же считался городом особым, и по определению того же деда Кульбача хоть и был российским и русским, но «в заграничных портках», поэтому ни ровняться на него, ни тягаться с ним посадским жителям и в голову не приходило, о чём дед Кульбач разглагольствовал перед проезжим столичным начальником. Этот самый начальник оказался в Посаде проездом, и ему также «подфартило», что при въезде в город у коляски отскочило колесо,

причём как раз напротив дома Кульбача. Пока кучер занимался поломкой, столичному чиновнику пришлось пообщаться с вышедшим за калитку Кульбачом.

Кульбач: Чем Посад наш знаменит?

Девственно себя хранит
Без равнения на иные
Переделки наносные.
Питер – главная столица!
Нам к такой не притулиться.
Пусть глядит надменным оком.
Тут у нас Москва под боком:
Вся в кокошниках, красна,
Как шкатулка расписна,
Вся в церквах да в позолоте!
И стоит не на болоте,
А на горках да холмах.
У неё велик размах!
Здесь идёт коронованье,
А в петровской – отпеванье.
Здесь короны благолеп,
Ну а там – роскошный склеп.
Это выдумка Петра.
Он в истории – гора!
Хоть Россею восславлял,
Только много вытравлял
Русского исконного.
Скажешь, толоконного?
А хотя бы и такого!
Нам родное – не окова!
Моды поменялись все.
Щас горгочут на франсе.
Где те исполинные
Образы былинные?
Здесь в глубинке задержались,
Да и то стыдливо сжались.
Не пойму, чего стыдиться?
Сто веков могём гордиться
Прежними победами.
Там в верхах увёдоми:
К своему пора вернуться.
Перед их устоем гнутья?
Не угоден свой устой?
Православный люд простой
Недоволен нищетой,
Как и праздничностью той.

Чиновник: Петербург другого вида.

Почему у вас обида
За Москву? Был Киев ране.
И у всех отличны грани.

Кульбач: Дак Москва – есть третий Рим!

Строим, строим, вновь горим.
Возведём, что краше нету!
Ты там близко к кабинету?
В гуще значимых голов
Поспрошал бы меж балов,
Чем Москва негодна стала?
Неужели отблестала?
Ведь она была первой!
Сколько звону от церквей,
Сколько шику, блеску в ней!
И она нам всё ж родней.
Ведь такие есть творенья —
Шаг в другое озаренье!
Мож вернём в Москву столицу,
Раскудрит ты, рукавицу?
Чиновник: Ваш чем славен городок?
Кульбач: Не один стоит годок,
Летопись свою листая,
Понемногу прирастая.
Строился, не торопился...
Чиновник: Как-то кучно он слепился.
Кульбач: Нешто это против правил?
Чиновник: Поровней б себя расправил.
Кульбач: Лучше в виде коридора?
Есть длина, да нет задора!
Наш, хоть город-невеличка,
Но округляй – как яичко!
И на вид – очарованье!
Чиновник: Удивляет и название:
Лишь Посад! А чей?
Кульбач: Дак наш.
Лишь Посад – такая блажь!
Чьё-то имечко добавь —
Ссора! Боже, нас избавь
От всех распрей и скандалов!
Мы тут не из феодалов,
Дак кого вдруг предпочесть?
Можа каждому за честь,
Да не каждому по праву.
А потом ищи управу!
Все живём от ремесла.
Если в клюве принесла
Нам удачу птица-счастья
И тогда, когда безвластье,
И потом, когда налог.
Чиновник: И налог не выдрал клок?
Кульбач: Как же, щиплет! Знай латай
И обратно работай!
Далеко нам до Европ!

Тут у нас кипрей, укроп
Да салоп из соболей.
Там – с свинячьих трюфелей
Вся еда. Бекон, маслины,
А салопчик из козлины!
Мы пьём бражку из «червивки»⁹,
Самогонные наливки,
Те – напиток можжевельный.
Там сырок заплесневелый,
Тут похлёбки, щи да кашка,
Квас да тюрюшка-мака́шка.
И за это нам держаться,
А не в ихне обряжаться.
Тут своё бы сохранить,
На века укоренить.

Дед вспомнил, что эту же самую тему он не раз обсуждал и со своим студентом, и даже дискутировал с ним, досадуя, что мода на всё европейское вытесняет своё исконно русское.

Студент: Ну ты, дед, славянофил!

Кульбач: Что родному потрафил?

Истинным родным дыша,

Млеет русская душа.

В этом есть патриотизм.

Но в безумный фанатизм

Никогда я не скачусь.

Я полезному учусь,

Своего не растоптав.

В том мой жизненный устав.

Но со столичным чиновником Кульбач не пожелал вступать в дискуссию.

Кульбач: А начальству что ль видней,

Что нам ближе и родней?

Чиновник: Нет симпатии к властям?

Кульбач: Я с симпатией к гостям.

Верно, власти критикую.

Сам имею власть такую —

Коль уж на хребте ношу,

То с неё же и спрошу:

– Почему сидишь без дела?

То и это проглядела!

Нонче всяк простолюдин

Вольной волей господин.

Чиновник: За такие, дед, слова

Под ударом голова.

Кульбач: Чё мне с этого удара?

Я, как кот от скапидара,

Не начну орать, носиться.

Чиновник: Ах ты, старая лисица!

Не боишься что ль допросов?

⁹ Червивка – домашнее вино из повреждённых, подгнивающих, либо с червоточинной яблок.

Кульбач: Я по сути щас философ.

Мне страшиться поздновато.

Для меня уж всё чревато!

Я – последний на пиру

И в любой момент помру.

Дак кому чё предъявлять?

А с орудия стрелять

По досужим комарам —

Это глупость, смех и срам.

Надо власти тормошить,

А не критиков душить.

Всякую литературу,

Книгу, живопись, скульптуру

Критик может колупать.

Власти же – не сметь щипать!

Если властью обладаешь...

Чиновник: Как ты смело рассуждаешь!

Кульбач: Говорю ж: не мне страшиться.

Я чего могу лишиться?

Да меня хоть щас повесь,

Я свой век истратил весь.

Выражаясь без стесненья,

Таково имею мнение.

Может стариковское,

Но своё, таковское!

Не оставляю я сирот.

С этих слов переворот

Невозможно учинить.

Но ты можешь применить

Всяку строгость, как начальник.

Чиновник: Ты – болтун, дед!

Кульбач: Я – печальник!

Как народ нуждой томится!

Сколь ишо над ним глумиться?

Надо бедному помочь

Приподняться, превозмочь.

Аль не видишь нищеты?

Чиновник не привьик, чтобы к нему обращались на ты. Это была его привилегия, а не какого-то простого, пусть и убелённого сединой старика.

Чиновник: Здесь у вас что ль все на ты?

Такта в вас не вложено.

Тыкать не положено

Всем подряд без исключения.

Люди разного значенья.

Почему на ты со мной?

Дома тыкайся с женой.

Кульбач: Дак оттыкались уж с ней!

Ты одно уразумей:

Нету в этом правоты.

Если с Богом мы на ты,
То уж божьим-то рабам
Тыкать что ль не по зубам?

Чиновник: Все мы божия рабы!

Кульбач: От суммы, как от судьбы

И от Высшего Суда

Не укрыться, вот беда!

А вся жизнь – как приключенье

Не текущего значенья,

Потому что мир иной

Мерит всё другой ценой.

Другому проезжему очень важному чванливому чиновнику такое панибратство показалось ещё более оскорбительным.

Чиновник: Это возмутительно!

Что ж так непочтительно,

Дерзко тычешь мне на ты?

Чин мой должной высоты!

Я с тобой не пас свиней.

Кульбач: Голубь мой, тебе видней,

С кем ты пас их до лампас.

Лично я не свинопас.

Я – гончарных дел ваятель

И любому друг-приятель.

И скажу для правоты,

Я и с Господом на ты.

Бог – не чин, не столь сердит,

Терпит дедушку, щадит.

Ну что мог возразить на это важный столичный чиновник завзятому пройдохе Кульбачу? А ведь, действительно, не обращая внимание на возраст и общественное положение, посадцы свободно обращались друг к другу на ты и по именам, либо прозвищам, переросшим в имена. Например, таким «счастливец», оказался всё тот же неугомонный Кульбач, якобы, давным-давно забывший своё настоящее имя. Так, во всяком случае, он жаловался соседу Еросиму, что последний раз его имя прозвучало, когда он венчался в церкви.

Кульбач: Обозвали Кульбачом.

Имя – как удар бичом!

Я буквально возмущён.

Ведь иначе был крещён!

Дали имя при крещеньи,

Не вошло оно в общенье,

Будто даденное зря.

Вспомнил лишь у алтаря.

Еросим: Выветрилось что ль бывшее?

Кульбач: Как стоял у аналая,

Еле вспомнил, прям беда!

А другое навсегда

Прилепилось, как вросло.

Прижилось как ремесло.

Если же разговор заходил о Москве, близость первопрестольной добавляло жителям Посада гордости. Хотя далеко не каждый из них за свою жизнь успевал побывать в допет-

ровской столице, посадцы были уверены, что захоти они, так в любой момент могли бы запросто туда смотаться, дабы подивиться на древний кремль и полюбоваться обилием великоленных храмов. Однако, имея такую возможность, мало кто воочию видел все эти исторические и архитектурные шедевры, вначале откладывая поездку на потом, мол, всегда успеется, а потом этот самый пресловутый потом почему-то так и не наступал. Возможно, выросшие в глубинке, посадцы боялись больших городов примерно так же, как селяне уездных.

Тем не менее, благочестивые граждане Посада не мучились той провинциальной хандрой, что как паутина окутывала другие российские городишки, ибо хозяйственные, хваткие в работе, предприимчивые местные владельцы бесчисленных мастерских, ремесленных и торговых лавок всегда были чем-то заняты. То есть всё их время уходило либо на решение насущных вопросов, связанных с семейным бизнесом, либо на обсуждение важных философских, житейских и учёных тем, либо все они были всецело поглощены улаживанием тех конфликтов и неурядиц, что постоянно сотрясали патриархальный уклад уездного городка благодаря стараниям своих же собственных жён, столь искусных в распускании сплетен, слухов и выдумывании всевозможных небылиц.

Иногда такие заварушки затягивали в свой водоворот даже большую часть мужского населения Посада, после чего «попавшиеся на удочку счастливыцы», годами стремящиеся выглядеть солидно и с достоинством, но по воле случая и при содействии своих благовверных оказавшиеся в стане недотёп, ещё долго с недоумением чесали макушки, удивляясь непостижимой досужести женского пола, сумевшего вовлечь-таки их, мужчин, в «подлые бабские дразги». Та же Северина была горазда самолично придумать какую-нибудь нелепицу и пристать к мужу Киприянту с вопросом, а вернее с допросом, почему так о нём судачат на Посаде. Недоумённый и удручённый Киприянт уже устал оправдываться и доказывать супруге, что он тут ни при чём: не виновен, не замешан, никогда «ни сном, ни духом».

Киприянт: Что за подлое житьё!

Распроклятое бабьё

Вечно чё-то выплетает.

Зла на сучек не хватает!

Сосед Киприянта Покерий очень сочувствовал бедолаге.

Покерий: Да, бабёнки посудачат —

Вся округу озадачат.

Дед Кульбач, «под завязку» перегруженный бабкиными «новостями», уже устал удивляться и сокрушаться неутомимой женской страсти к болтовне.

Кульбач: Ох, посадская молва —

То не сладкая халва!

Но у населения

Нет соизволения

С этим биться и бороться.

Вся порочная порода!

Мож и мир бы не был плох,

Если б я совсем оглох.

Понятно, что каждая посадская новость, вольно или невольно пущенная гулять по Посаду, в результате версий и предположений довольно скоро изменялась, отступая от начального сюжета, потихоньку трансформировалась, обрасстая личной фантазией какой-нибудь участницы обсуждаемого события. Особенно этим славилась жена лавочника Юхтая Азария. Вот уж кто обладал недюжинным талантом из любого маломальского полунамёка воссоздать невероятную фантастическую историю, причём Азария бывала настолько убедительна, что, казалось, сама истина глаголет её устами. А всё потому, что изобретательная лавочница прежде всего умудрялась самолично поверить в свои же собственные выдумки.

Так встретившуюся ей Малафью, жену Коцы, лавочница убеждала, что Наполеон опять собрался войной на Россию.

Малафья: Да ты чё, Азария!

Азария: Даве на базаре я

Услыхала эти вести.

Усидишь теперь на месте!

Малафья: Неужель Наполеон?

Это как? На воле он?

Помер вроде, говорили.

Азария: Помер сам аль уморили,

Но теперь другой Луи

Пялит глазоньки свои

На российских вотчин ширь.

Малафья: Ты подумай, вот упырь!

Безголовый дуралей!

Наши земли – не елей!

Азария: Так нужна ли голова

Для войны?

Малафья: Тут ты права.

Распрокляты инородцы!

Надобно спросить у Коцы.

Он хоть и не воевал,

Но в тех Франциях бывал.

Чё им, иродам, неймётся?

Азария: Чуть искра – весь мир займётся!

Каких только ужасов не пророчила посадкам неужённая в своих фантазиях Азария. То предрекала близкий конец света, то войну, причём, не важно с кем, и зачастую с государством, находящимся на другом конце мира и не имеющим с Россией общих границ, то землетрясение, то переезд столицы из Петербурга в Повелью. Последнюю новость она мотивировала перенаселением столицы, зажатой со всех сторон реками и болотами. Зашедшей в лавку Янгеле, супруге Епрона, пользуясь тем, что Юхтай на минуту отлучился в склад, Азария именно так объясняла катастрофическую ситуацию российской столицы.

Азария: Щас у них там уплотнение.

Что ни год, то наводнение.

Только триста три моста.

И такая теснота,

Что уж некуда селить!

Строить? Негде город длить:

То болото, то река.

С островка до островка

Хоть мостов навозводили,

Землю скрозь попрохудили,

Дак теперь водой сочится.

Янгелия: А Повелья чё?

Азария: Кичится:

Фу-ты, ну-ты, палки гнуты!

Появившийся Юхтай прервал фонтанирующей поток фантазии своей милейшей супруги.

Юхтай: Господи! Одной минуты

Не живёшь, жена, без врак!

Глупость – темь, брехливость – мрак!

Справедливости ради, нужно сделать оговорку, что среди непримиримых к женским сплетням славных посадским мужчин, встречались и такие, кто не уступал своим драгоценным супругам по части перемывания косточек здешним обывателям и с превеликим удовольствием любившим поговорить, посудачить за их спинами, раскладывая по полочкам недостойность поступка или образа жизни горожанина или горожанки. Однако у строгих блюстителей чужой морали всегда находилось сочувствие, понимание и оправдание неблагоприятному, нечистоплотному действию, поступку или щекотливому, порой двусмысленному положению, если в него попадал их брат – мужчина. Сразу же находилось объяснение, что в столь неприятную ситуацию тот поймался исключительно по вине какой-нибудь женичины, подтолкнувший его на несправедливый ложный шаг. К представительницам прекрасной половины рода человеческого эти замечательные посадки были значительно строже и взыскательнее. Дед Кульбач так объяснял местную дискриминацию по половому признаку.

Кульбач: Мужичок гульнул – герой!

Баба – впору гнать скрозь строй

Да не палок, не бичей —

Осуждающих речей!

И у нас не заржавеет.

А молва потом развеет

Для кого-то оправданье,

Для кого-то – назиданье.

Последнее время под всеобщее негодующее осуждение попала Вильзаветта – хозяйка гостиницы и небольшого трактирчика при номерах. Дело в том, что чуть ли не пятидесятилетняя Вильза закрутила роман со своим работником Авдоном, возвысив деревенского парня из половых почти что в управляющие. И это при живом, хоть и обездвиженном болезнью муже!

Когда Авдон по приказу хозяйки приехал к сыновьям Миньши и Силовны, чтобы купить несколько досок для нужд гостиницы, держался он с владельцами лесопилки Евпатием и Епронем на равных. Братьям это не очень понравилось, и после его отбытия они не удержались от едкого злословия.

Епрон: Это Вильзин что ль Авдон?

Глянь, кем стал – мерси-с, пардон!

Явно метит в примачи.

Евпатий: Из лаптёшек в башмаки?

Вильза-то – стара, как мир!

Епрон: Но гостиница, трактир —

Сладкий вариант, конфетный.

Евпатий: Ну, тогда помрёт бездетный.

Той пора иметь внучат.

Заведёт мож байстрючат.

Епрон: Не успеет постареть!

Вильза может помереть —

Пост жены освободится.

А с деньгой он всем сгодится.

Вильза же не вечная,

Как дорога млечная.

Тут до Евпатия дошло, что они с братом уже успели и женить Авдона, и сделать его вдовцом, и опять женить, хотя пока ещё не овдовела и сама Вильзавета.

Евпатий: Вон чё, сделали вдовцом,
А вослед уже отцом.
Вильзин муж покуль не помер.
Епрон: Дак помрёт – известный номер!
Он ведь заживо гнет.
Евпатий: Смерть его по капле пьёт.
Сколь протянет – неизвестно.
Епрон: Те сейчас живут совместно
И особо не таятся.
Евпатий: Если Бога не бояться,
Чё им чьё-то осужденье?
Смерти ждут – как дня рожденья!
Прям с погоста под венец!
Епрон: Ну, Авдошка! Был птенец,
Да внезапно оперился.
Гляньте вам, приободрился!
Евпатий: Аж блестит от брильянтина.
Епрон: Он-то чё! Она – скотина!
Кто супругу изменяет?
Ну, гнет тот, ну, воняет —
Отвернись да не дыши.
При живом-то – не греши!
Евпатий: Этот шибко благовонный!
Погляди на вид евонный —
Раскрасавец, прям пижон.
Епрон: Ублажатель старых жён.
Оттого и не бедует:
Вон – живёт и в ус не дует!

Позже, навещая родителей, Епрон рассказал, каким дутым щёголем, каким разряженным павлином появился нонче Авдон у них на лесопилке. Чопорная Силовна была вне себя от такого показного бесстыдства.

Силовна: Вильза – тварь стервозная,
Сучка, тля навозная!
Мужа в тряпку превратила
И Авдошку совратила.

Тут вмешался Миней, доказав, что не все мужчины думают одинаково и, хоть с оговоркой, но оправдывают мужские шалости. Оказывается, у некоторых порядочность и брезгливость пересиливала монолитную мужскую солидарность.

Миньша: О, насильничила крошку!
Он хотя бы понарошку
Отбивался от старушки.
Нет, прильнул к пожухшей тушке!
Силовна: Тоже грешен до макушки!
Миньша: Дак не лучше потаскушки:
Та за грош, и он за грош.
Ну и кто из них хорош?

О местных сударынях сказано было уже достаточно много, но, чтобы полнее обрисовать коллективный портрет прелестных посадских матрон, придётся обнародовать тот факт, что все они в большей или меньшей степени страдали от одной наследственной болезни,

передаваемой по женской линии. К слову сказать, недуг этот был не так уж редок и в других местах, причём он поражал и мужское население. Как вы уже, наверное, догадались, бичом Посада была неумная женская ревность. Милейшие, но достаточно властные горожанки, не допускаемые к решению деловых, производственных вопросов, но желающие показать мужьям, что они не пустое место и не предмет мебели, который можно было запросто отодвинуть в сторону, отыгрывались на своих мужьях, изводя их подозрениями в мнимых изменах и заходя в приступы ревности довольно далеко.

Однако нетленный образ Тёрлицы, имя которой стало почти что нарицательным, вовремя останавливал очередную разбушевавшуюся даму и заставлял задумываться о последствиях. Видимо, эта самая Терлица, этакий Отелло в юбке, в пылу гнева погубившая себя и мужа, заразила досточтимых сударынь Посада пагубным вирусом ревности, и он продолжал поражать все последующие поколения горожанок.

Всякая ревнивая атака, зачастую, возникшая из ничего, ставила мужей буквально в тупик. Естественно, каждый припоминал за собой грешок, когда, случилось, он невзначай заглядывался на какую-нибудь соблазнительную особу женского пола, провожая её замасленным взглядом да ещё и со смачным причмоком, что, разумеется, уже считалось чуть ли не смертным грехом, так как он, якобы, «возжелал», а потому – виноват! Поэтому, припёртые к стенке смущённые мужья вначале растерянно отпирались и даже клялись, что у них «никогда и в мыслях...», но припомнив, что в мыслях все-таки бывало, терялись и краснели, будто действительно были пойманы с поличным. К примеру, Покерий, будучи человеком, безусловно, положительным и рассудительным, не приемлющим неприкрытого хамства, но умеющим быть ироничным даже к собственной персоне, наблюдая, как сосед Киприянт ссорится с супругой, только качал головой, понимая, что инициатором, как и автором драмы в семейной перепалке являлась, разумеется, ни кто иной, как сама Северина.

Покерий: Ревность – хуже чем чума!

Бабы ходят без ума.

Терлицы нетленный дух

До сих пор не стих, не стух.

Два закадычных приятеля, Лекся и Сенча, заскочив в кабак, дабы выпить по стопочки для убаюливания души, также частенько поминали усопшую Терлицу и отнюдь нелестными словами, хотя это было не принято и даже грешно, ибо касалось покойницы.

Лекся: Терлица жизнь исказила —

Всё бабье позаразила.

А мужьям одна беда —

В обороне стой всегда.

Сенча: Я, представь, устал от бурь.

Хоть ходи и очи хмурь,

Чтоб случайно не скосить

И супругу не взбесить.

Рядом тёща с подстрекачкой!

Наплела, что с ковороткачкой,

С Повелихой я кручу.

Ох, паскуду проучу!

Лекся: А ты вправду крутишь с ней?

Сенча: Во, уж я меж двух огней!

Да ты чё, от баб набрался?

Даже близь не отирался!

Та хоть не без огонька,

Мне моя милей пока.

Исключением из общего правила был всё тот же Кульбач, который самолично под-держивал в супруге огонь ревности, как поленца в печь, подбрасывая выдуманные истории про свои бывшие любовные романы, не все из которых, следуя его туманным намёкам, были дописаны до последней точки, тем самым побуждая оскорблённую Кульбачиху к активным действиям. Видимо, следовавшая за этим достаточно бурная, ярко обставленная и вырази-тельно разыгранная сцена, делала его жизнь более интересной и содержательной.

Во время ссор дед начинал разговаривать с супругой исключительно на вы, тем самым подчёркивая, что отныне они чужие люди, ибо вопрос развода так и не сходил у деда с языка. Всё те же соседи, Еросим и Крена, были постоянными свидетелями назревающего развода, то смеясь, то переживая за стариков.

Кульбач: Если жизнь нелепая,
Выберусь из склепа я.
С тем и обрублю хвосты я,
И ровесницу Батыя
Низвергаю как жену.
И во след не попрекну!
Раз супруга озверела,
Ситуация назрела
Ликвидировать наш брак.
Долго я терпел, дурак,
Да терпёлка изнасилась.
Вам решение огласилось.
Не препятствовать прошу!
Следом бабке оглашу.

Сама Кульбачиха совершенно равнодушно выслушивала угрозы деда о разводе и о имею-щихся у деда планах на дальнейшее устройство своей личной жизни.

Кульбач: Вы меня хоть исказните,
Не обрезаны все нити.
Коль из сердца выдран клоч,
Не заштопать – не чулок!
Кульбачиха: По кому-то гредишь, сохнешь,
Да никак, злодей, не сдохнешь?
Кульбач: Ссорой брак не укрепим.

По отдельности ведь спим,
Хоть лежим в одной постели.
Кульбачиха: Наши дни отшелестели!
Кульбач: Это ты не шелестишь.

Мой не умаляй престиж!
Я могу ещё вполне,
Если сласть на стороне.
Сединой я убелён,
Но душой-то юн, зелён.
Взор на прелести заточен,
Цепкий ум сосредоточен:
По нестарым вдовушкам,
Пташечкам-соловушкам,
Мысленно разбросанный.

Кульбачиха: Пень ты неотёсанный!
Кульбач: Пень был деревом когда-то.

Кульбачиха: Дак не развернуть года-то!
Вскоре жизнь вообще потухнет.

Кульбач: Мир останется, не рухнет
И без нас с тобой, милашка.
Зажились – уже поблажка!

Конечно, никакого развода не возникало, но для четы Кульбачей, для их показательных разногласий и ссор ревность была излюбленной темой, дающей возможность «горячо» пообщаться, а потом, при случае, и пожаловаться друг на друга.

Кульбач: Со своей я сколь хлестался?

Как доселе жив остался,
Прям ума не приложу!
Цельный век на том сижу,
А по сути – невиновный.
Раньше бой бывал бескровный,
Но последний – смертный бой!
От тычков я весь рябой!
Грызла ж больше месяца!
Мне теперь повеситься,
Чтобы старой угодить?
Нет, пора мне уходить,
Но не в мир иных теней,
А к молодке посмачней.

И Кульбач в который раз с удовольствием вспоминал недавний случай, когда охваченная ревностью Кульбачиха огрела спящего «изменника» чекмарём.

Кульбач: Ну, уснул, к вдове прильнув.

Кто б грешил, вот так уснув?
Но в мозгах у бабки хмарь.
Тут же разом за чекмарь,
Дури ж некуда девать,
По макушке голой – хватъ,
Как кузнец по наковальне!
И словила ж нас не в спальне!
За столом сидели чинно.
Но для старой всё причина,
Чтобы мужа уличить.
Как её не проучить!
Будет новый факт в карьере!
Говорю об адюльтере.

Еросим и Крена посмеивались над чудачествами Кульбачей, искренне любя этих беззловных старичков. Каждое утро, после ухода бабки «по делам», кто-нибудь из соседей забежал к деду, интересуясь, всё ли у них ладно.

Еросим: Как дела? Опять раздор?

Кульбач: Что ты, милый, шутки, вздор!
Покузюкались слегка.
Ведь перинка там мягка,
Где взбивают, не ленясь.

Еросим: Можно ль эдак жить, бранясь?

Кульбач: В ссоре истинный твой лик:
Весь ты виден, как голик —

Ни листочком не прикрыт!
Чувства вспенены навзрыд.
Издаля-то что ль виднее?
Глянь на Нилу и Минея.
Их чужая жизнь влечёт,
А своя тишком течёт
В сонной дрёме и без всплеска,
Без задорин, шума, треска.

А буквально через полчаса, когда Еросим отправился в гончарню, дед взялся развлекать Крену рассуждениями о перипетиях своей семейной жизни.

Кульбач: Раз у нас такая мода:
В доме баба воевода —
Тут как хочешь: аль смирись,
Аль сражайся и борись.
Лично я благополучно
Проживаю подкаблучно,
А когда накатит бзык,
Упражняю свой язык.

Крена: После этих упражнений
Не нажить бы вновь ранений.
Всё ж не перегни дугу!

Кульбач: Та останется в долгу?
Без того, поди, помрём,
Нет же, машет чекмарём!
Не добреет сатана!
Для неё — за мёд война,
Силовне — за развлечение,
Мне опять же приключение.

Располагался сей прелестный городок на пригорке, а потому ни весенняя распутица, ни осенние дожди не расквашивали городские улочки и дороги до той непролазной грязи, от чего страдали окружающие деревни и сёла, расположенные в более низменных местах. Вот и сейчас, проезжая по улице, вдоль которых стояли ладные деревянные особняки, сплошь украшенные резным ажуром, как узорчатые шкатулочки местных барышень для лент, бус и прочей приятной девичьей мелочи, путешественники, направлявшиеся на ярмарку в Крутояры, любовались этим уютным местечком.

Как уже упоминалось выше, проживавший в городке по большей части разночинный люд мещанского сословия в основном был мастеровым, умел трудиться, а потому особо и не бедствовал. Крестьяне, приезжавшие в Посад из ближних и дальних деревень, знали, что у здешних мастеров они найдут всё, что потребуется для дома либо для хозяйственных нужд. Нужен, к примеру, полушубок, так лучше, чем шьёт Светлина, и не сыскать, износились сапоги — отправляйся к Тырьяну, а если возникла нужда в конной упряжи, либо седёлко новое сделать, либо прикупить бричку — это уж обращайся к Покерию.

Каких только мастеров не было на Посаде! Тут тебе и аптекарь Немчутка, и цирюльня Бромитея, и печники, и пимокаты, и гончары, и кузнецы, и швецы, и столяры, и стекольщики, и кружевницы, и другой ремесленный народ. Тут и добротного кирпича можно было купить, и любой скобяной или москательный товар. Даже богомаз, и тот был свой. Да ещё какой! Именно поэтому о посадках гуляла устойчивая слава: «В том Посаде сколь дворов, столь и дельных мастеров. Все там с делом аль при дельце. И такие есть умельцы!». Заезжим мастерам казалось, что у развесёлых посадцев и работа лучше клеится, и торговля легче

ладится. Видимо, поэтому не обошлось без завистников, не желающих признавать мастерства местных умельцев, но обвиняющих их в заносчивости по причине некоего сомнительного превосходства. Обычно такие разговоры происходили в трактире либо в лавке Юхтая.

Заезжий: Лишь у вас тут мастера!

Все другие – мошकारа!

Все вы похваляете!

Солидный местный обыватель Покерий, старавшийся никогда ни с кем не ссориться по пустякам, высказывался до задушевности миролюбиво, но с неприкрытым умыслом.

Покерий: Ёжики колючие

И у нас встречаются.

Люди отличаются

Мастерством, но не хвальбой.

С оттопыренной губой

Может и дурак пройтись!

Нет заслуг – и не мостись!

А находившийся в это время в лавке полицейский пристав, строго оглядел заезжего мужичка и высказал свою мысль, да так веско – будто огласил приговор суда.

Пристав: От чужого униженья,

Своего, брат, положенья

Не возвысишь, сколь не тужься.

Ты делами обнаружься!

Покидая Посад, заезжий мужичок ещё долго ворчал, отвлекая ехавшую с ним жену от приятного воспоминания о здешнем базаре, торговых рядах и лавках.

Заезжий: Кто им дал задание

Тявкать в назидание?

Впрочем в Посаде имелась также своя знать, представленная мелким дворянством, зачастую почти разорившимся, но состоявшим на службе в земстве, в управе и в других уездных ведомствах. Их личности обсуждались не менее хлётко, но, конечно, за глаза.

Моряк Коца, тоже известный борец за справедливость, в беседе с печником Кочубом настаивал, что дворянское сословие – не самая худшая часть населения.

Коца: Кто богат – не значит гад.

Только бес всегда рогат,

Таракан, сверчок, ухват.

Кочуб: Всяк, кто знатен, виноват.

Коца: Знать, а вслед купечество

Часто для отечества

Возводили, создавали,

Кровь на войнах проливали,

Деньги личные вкладали.

Кочуб: Прям о бедных и страдали!

Коца: Мож не так! Мож о душе!

Кочуб: Гребешок не нужен вше!

Думают о душеньке?

Ха, скорей о брюшеньке!

Свистуновка отблестала:

Крепостных у них не стало,

Сразу спесь уже не та,

Как в недавние лета.

Коца: Ты не с энтих, невзначай?

Человека отличай
По поступкам, не по роду.
Все мы одного народу!

Но и из разночинного сословия находились такие ловкачи, что продвинулись в карьере, а потому всячески равнялись на тех, кому такое положение доставалось по происхождению. Заносчивость не приветствовалась, и посадцы отзывались о всяком чванливом человеке как с ироничным неодобрением, так и с брезгливым неприятием.

– Тот, который при бумажке,
Заимеет вдруг замашки
Большого значения,
Свыше назначения.
Выбился из писарей,
А как будто из царей!

У Кульбачей и на этот счёт не было единогласия. Дед хоть особо и не критиковал, однако не больно-то одобрял стремления простого человека протиснуться поближе к власти, в то время как бабка, хоть и с известным почтением относилась к носителям должностей и обычно спорившая большие по привычке, дабы всегда и во всём иметь своё мнение, про таких «выскочек» тоже могла позволить поиронизировать достаточно хлёстко. Сказывалась не обычная зависть, но извечное российское недовольство теми, кто при равных возможностях поднялся выше, преуспел.

Кульбач: Дак Посад-то наш возник
Раньше, до разрядных книг.
После всех порасписали,
Обучили, обтесали.
Хоть пошли все от основ,
Мало кто достиг чинов.
И зачем туда стремиться?
Не объедками кормиться,
Но не с праведных трудов:
Гнуть себя на сто рядов
Не в работе, а в поклоне?
Вроде в чине, но в полоне!
Мы живём от ремесла.

Кульбачиха: Плуг тянуть впрягут осла?
Дурака не привлекут.
Каждой твари свой закус!
Кто в дворянстве был рождён,
Тот и чином награждён.
Не тягаться же со знатью!
Те – по роду, не по платью
И достойны, и умны.
Потому – у них чины.

Кульбач: Дак народ-то весь один.
Хоть холоп, хоть господин.
Хоть и разные труды,
Все мы из одной руды:
Из того же чугуна.
Жизнь и смерть у всех одна,

Кульбачиха: Все что ль одинаковы,

Как сапожки лаковы?
Жизнь у каждого своя,
Как тележья колея.
Кульбач: С одного все матерьяла.
Если гордость обуяла
Кой-кого, пушай гордится.
После – червь им насладится!

Было в Посаде и своё купечество, и тоже мелкое. А кроме того здесь же проживали выходцы из крестьян, не те, от которых пошёл Посад, а теперешние, что после «воли» по большей части подались в города в услужение. Посадский философ Кульбач смотрел на это без осуждения, но и без одобрения.

Кульбач: Наступила волюшка,
Не нужно и полюшко.
Побросали люди сошки
И запрыгали, как блошки.

И хотя жители считали себя истинными горожанами, во многих дворах, кроме лошади, водилась разная живность, и каждое утро городские улочки-переулки оглашались петушиным пением да мычанием коров. То есть посадцы, при всём стремлении выглядеть коренными горожанами, никогда не забывали, что их давние предки были «аггарирами». Кульбач и на этот счёт имел своё мнение.

Кульбач: Нам судьба не подкузьмила.
Хвост деревня защемила,
Город за уши схватил,
В люд посадский превратил.
Ремесло не вяжет руки!
Город ближе всё ж к науке —
Ей и наполняешься,
Умственно меняешься.

Свои дворы с небольшими садиками, да с двумя-тремя грядками посадцы патриархально называли на церковный лад подворьями. По субботам здесь топились бани, хотя городская баня тоже имелись, а раз в 3—4 дня некоторые хозяйки, или их кухарки, по-прежнему, как в стародавние времена, пекли хлеба, несмотря на то, что в булочной у Епихона всякой выпечки было предостаточно.

И ещё должна рассказать вам по секрету об одном достаточно известном, но не столь широко афишируемом занятии посадцев — это о самогоноварении. Водился за ними такой грешок, так как все они были людьми рачительными, домовитыми и предприимчивыми. Не на продажу, а исключительно для домашнего употребления на случай праздника либо семейного торжества замечательные посадские хозяйки готовили лёгкие и приятные на вкус наливочки из того небольшого разнообразия даров собственного крошечного садика, где произрастали ягодные кустарники, да некоторые фруктовые деревья, распространённые в данной местности средней полосы России. Мужья этих прилежных матрон слыли не менее великолепными умельцами в приготовлении других, более забористых напитков, регулярно ставя бражку, а затем перегоня её на крепчайший самогон. Дед Кульбач с соседом Еросимом частенько обсуждали это подпольное производство, снимая пробу с только что выгнанного первача.

Кульбач: Виноделье местное
И властям известное.
Мож оно и не законно,
Но заложено исконно.

Еросим: Дак у нас сама же власть
Покутить не против всласть.

Кульбач: Русские мы – не татары,
То есть из одной опары
При чинах и без чинов
От одних идём основ.

Знакомые нам кумовья Сидорий и Евлам, чинно выпивая по какому-то случаю, рассуждали примерно так же.

Сидорий: Если ты живёшь с припасом,
То его известным часом
Завсегда найдёшь, где надо.
Мы ведь пьём не до упада!
Так я говорю, Евлам?

Евлам: Что за дурь нажраться в хлам!
Мы народец деловой,
Да с прицельной головой.
А ударишься в загул —
Две недели караул!

Сидорий: Да, при празднике любом
Дым хмельной стоит столбом.
В будни надобно стараться,
Ну а в праздники – надраться!
А иначе что за жизнь?

Евлам: Белкой в будний день кружись,
Ну а праздник, кум, уважь!

Сидорий: Но умей сказать: «Шабаш!»,
Обрубая развлечение
И опять ныряй в верчение.

Жена Евлама Феногея, поглядывая на выпивающих кумовьёв, не удержалась от издёвки.

Феногея: Празднику и дурень рад!
Только наш-то аппарат
Слишком част в употреблении.
До зимы уж все соленьи
Побавились в подполье.

Евлам: Не ломай, жена, застолье!

Хранились сии семейные припасы в погребах бок о бок с соленьями. Поэтому, если какому-нибудь впавшему в дремотную меланхолию мужичку хотелось как-то поднять себе настроение, взбодриться или утешиться и при этом не раздражать супругу, он мог незаметно спуститься в подпол, нацедить в ковшик первача, выпить и закусить солёным огурчиком или груздочком, выловив его из соседней кадушки. Тем не менее, при таких запасах, да при такой великой любви к застольям, горьких пьяниц в Посаде почти что не было, то есть местные мужички иногда становились таковыми на период осенних свадеб либо затяжных праздников, но уж тут, как говорится, сам Бог велел!

Сапожник Тыря в разговоре с отцом Мосеем защищал посадских мужиков, когда престарелый батя начинал сетовать, что раньше посадский народец был куда более трудолюбивым и гораздо менее пьющим.

Тыря: Выпить – это же не спиться!
Всюду сыщется тупиться,
Чтоб набраться до хрю-хрю.

Мосей: Я за это что ль корю?

Выпал случай – выпивай,

Но дела не забывай!

Тыря: Суд твой, батя, строг и скор!

Мосей: Предков видится укор.

Если те перевозмогали,

А их плёткой не стегали,

То потомок разве прав?

Всё спустив, считай, украв

У наследников своих,

Обманул и тех, и их.

Одевались местные мужики солидно, хоть и без лишнего шика, но непременно имели в своей гардеробе жилет с карманчиком для часов, в то время как их жёны и дочери старались соответствовать статусу горожанок разночинского происхождения, живо перенимая модные фасоны платьев. И если уездным барышням не доставало утончённости, чтобы с изяществом носить шляпки, пелерины и перчатки, то это с лихвой перекрывалось той решительной горделивостью, с которой они пялили на себя замысловатые уборы, причём у многих имелись даже зонтики, что делало их уж совсем похожими на «столичных штучек»! А некоторые девицы шли дальше и требовали, чтобы папаша приобрели для них очки, причём не по причине недостатка зрения, но для пущей элегантности вида и с претензией на особо тонкую духовную принадлежность. Ведь они видели, как свистуновская княжна, изредка наезжавшая в своё имение Свистуновку, именуемое также Визгуновкой, и расположенное вблизи Посада, с небрежным изяществом и аристократизмом носила столь соблазнительные, просто невероятны прелестные очёчки, что делало её умопомрачительно-привлекательной и недостижимо-загадочной. Если заботливый папенька попадался не хитрость лицемерной любимицы и всё-таки приобретал для дочери возжеленную забаву, а это, как правило, оказывалась несколько иная оптика, выглядевшая не столь презентабельно и претенциозно, но примерно из той компании очков, что можно было видеть на носу портного, сапожника либо дамы почтенного возраста, зрение у барышни моментально шло на поправку.

Покерий, обсуждая с женой Фелоньей эту странную моду, от всей души радовался, что их дочь Устьяна, слава Богу, не поддалась такому сумасшествию.

Покерий: Ну и девки! Обезьянки!

Хорошо, что у Устьянки

Эта дурь не завелась.

Фелонья: Дак откель она б взялась?

Покерий: Сей пример отнюдь не нов:

Всяка дурь из Свистунов —

Образец для всех княжна.

Фелонья: Дак какого же рожна

Так бездумно подражать —

Очи в стёкла наряжать?

Покерий: Через это придуренье

Перепортят девки зренье.

Единственная деревенская традиция, от которой посадцы пока не готовы были полностью отказаться, во всяком случае молодёжь — это воскресные игрища или по местному — гульбища. Не имея городского сада, а всего лишь небольшой скверик в центре у главной церкви, молодые девушки и парни по воскресеньям собирались за околицей возле речки недалеко от дома Кульбачей, но не в том месте, куда пастух обычно пригонял на водопой стадо, а несколько в стороне, дабы случайно не вляпаться выходной обувкой в коровий блин.

Сойдясь совместно в довольно большую компанию, юные посадцы до самого заката веселились, хороводились, пели песни, затевали игры и плясали так, что небольшой пяточок земли был утопан резвыми ножками многих поколений до бетонной плотности армейского плаца.

Про местных представительниц прекрасной половины рода человечества сказано было много, но следует добавить, что все они вели своеобразную светскую жизнь. После завтрака многие хозяйки отправлялись на базар или в лавочку, прихватив с собой служанку с корзинкой. Когда покупки были сделаны, служанка возвращалась домой, а сама хозяйка заходила в аптеку к Немчутке, дабы испить кофе либо какао и пообщаться с другими такими же сударынями, узнать новости, поделиться своими наблюдениями, то есть приятнейшим образом повращаться в обществе.

Иногда в такую компанию могли затесаться мужчины, но чаще только для того, чтобы выразить своё особое мнение на обсуждаемый предмет разговора.

Кстати, о Немчутке или Ферштейне, как его тут частенько называли, якобы, из-за неспособности запомнить заковыристое нерусское имя. Так вот, местный аптекарь был выходцем из Германии и, понемногу занимаясь врачеванием, составлял конкуренцию не только земскому лекарю, но и местным знахаркам, одной из которых считалась Кульбачиха. У местных дам он был в большом авторитете, чего нельзя было сказать об отношении мужчин к этому говорливому толстяку, но и те не очень-то критиковали услужливого аптекаря, сумевшего расположить к себе большую часть населения. А, например, моряк Коца весьма саркастически реагировал, когда жена начинала восхвалять Немчутку, восхищаясь его глубокими познаниями в медицине и фармакологии, причём особенно едко, если рядом была Малафьяна родственница – тётушка Вересинья.

Коца: Твой Немчутка врать талант!

Поставляет фатерланд

К нам немецких прохиндеев,

Недоучек и халдеев.

Дед Кульбач также был невысокого мнения об аптекаре, как и о своей домашней лекарке.

Кульбач: Вона – лечит люд окрестный.

Прям, скажи, лейб-медик местный!

Всяк Листок знай свой шесток —

Не корячься на мосток!

Кажна старая кухарка

Ворожея и знахарка,

Кажный лавочник-аптекарь

Представляется, что лекарь!

Совершенно не пойму,

В чём тут выгода ему?

Ведь когда кругом больные,

Денежки плывут шальные.

Он, быть может и не враг,

Но уж точно не дурак!

* * *

Последние пару дней у посадских мужчин были наполнены хлопотами и переживаниями: раз в год в Крутоярах проходила ярмарка, и все разговоры у них теперь крутились вокруг нынешней, начинавшейся на следующей неделе. А поскольку посадский народ жил с продажи изделий своего производства, все они были немало заинтересованы и, в то же время озабочены поездкой в Крутояры, мечтая и надеясь выгодно сбыть товар, найти и закупить что-

то важное и необходимое для расширения собственного дела, обзавестись новыми полезными знакомствами и контактами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.